

ФИКТИВНЫЙ БРАК.

Тень за ее спиной.

ЛЯЛЯ ЛИБЕРМАН

18+

Ляля Либерман

**Фиктивный брак.
Тень за ее спиной**

«Автор»

2026

Либерман Л.

Фиктивный брак. Тень за ее спиной / Л. Либерман — «Автор»,
2026

Олеся Ветровая сбежала от ужасного мужа-маньяка, скрывавшего свою истинную сущность. Тюрьма забрала его, а уведомление о смерти принесло лишь облегчение. Но что, если он не умер? Что, если всё ещё не закончено? Пытаясь начать новую жизнь в маленьком городке, она встречается Федора Ветрового — человека с тёмным прошлым, отстранённого и загадочного. Он предложит ей фиктивный брак — спасение от её демонов и прошлых страхов. Но за этим контрактом скрывается не просто пустота, а мрак, который вскоре поглотит их обоих. Женщины в городе начинают исчезать, и Олеся понимает, что её прошлое настигло её. А когда её первый муж возвращается, чтобы вернуть её, Федор окажется единственным, кто может защитить её. Но тень маньяка не отпустит их так просто.

© Либерман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. РАЗГОВОР В КУПЕ	5
Глава 2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ	9
Глава 3. КОНТРАКТ КАК СПАСЕНИЕ	14
Глава 4. НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ	21
Глава 5. МОЛЧАНИЕ И СЕКРЕТЫ	31
Глава 6. ПУБЛИЧНОСТЬ	39
Глава 7. СЕКРЕТЫ СТАРОГО МИРА	49
Глава 8. ПЕРВАЯ УГРОЗА	57
Глава 9. ПЕРВОЕ НАРУШЕНИЕ	65
Глава 10. ОТВЕТ	73
Глава 11. СБЛИЖЕНИЕ	80
Глава 12. ВНЕШНИЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ	86
Глава 13. ОТДАЛЕНИЕ	93
Глава 14. ПРОВАЛ	101
Глава 15. РАЗРЫВ.	108
Глава 16. ПУСТОТА	114
Глава 17. ВЫБОР	119
Глава 18. ВСТРЕЧА	124
Глава 19. НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Ляля Либерман

Фиктивный брак. Тень за ее спиной

Глава 1. РАЗГОВОР В КУПЕ

Олеся подняла чемодан и шагнула в вагон. Атласные стены купе встретили её пустотой, поглощая. Она замерла на пороге, держа сумки с вещами. Те тяжело чувствовались не только физически, но и морально. Каждая — неприятное воспоминание, ярлык её прошлой жизни. С этим грузом она не могла бы забыть ничего, даже если бы сильно захотела.

Мужчина в углу купе поднял голову. Он был сдержан и тих. Кицо не выражало эмоций, но она чувствовала, что он видит её. Всё видит и замечает. Внутри что-то сопротивлялось ему, заставляло стать еще осторожней. Она специально взяла билет в СВ, чтобы спрятаться от людского шума и подумать. Может быть – поплакать. И совсем забыла, что будет попутчик. А он был. Вот он.

Поезд тронулся. Вагоны, как в каком-то старом фильме, затряслись. А в купе стало ещё тише. Только звук качающегося поезда наполнял пространство. Олеся не могла понять, как долго будет длиться это молчание. Казалось, что оно затягивает её в пустоту. И она уже не могла от этого скрыться. И он был рядом. Попутчик.

Похолодевшие пальцы сжали ручку чемодана. В груди стало тяжело. Она сделала шаг, почти не слышно поставив свои сумки на место. Села, нервно выдохнула. Постаралась не смотреть на него. Его же взгляд был твёрдым, как камень.

Мужчина не двигался, не шевелился. Всё было так пусто, что даже звуки поезда, скрежет рельс, становились невыносимыми. Олеся почувствовала, как тело напряглось. Сколько бы она ни пыталась отвлечься, ей не удавалось спрятаться от чужих взглядов. Она не была готова к встрече. Что там говорить, она и к себе самой была не готова.

Попутчик не спешил. Молчал. Но Олеся чувствовала, что он вчитывается в её мысли. Сердилась и пыталась защититься. Закрывалась от него, отгораживалась своим надменным видом. Она никогда не сталкивалась с такими мужчинами. Он был... слишком закрытым и холодным. Еще эта его военная выправка. Слишком прямая спина.

Она пыталась найти слова, но не могла. Задыхалась, захлебывалась в этом пространстве. Она ведь не знала, что говорить. Почему они сидели рядом? Потому что он тоже купил билет. Почему именно она оказалась здесь? Не в другом вагоне, не с кем-то другим? Да кто его знает. Она спрянула глаза, взглянула на его руки. Он тоже держал ручку чемодана. И был неприятно удивлен ее вторжением. Видимо, мысль о возможной попутчице не пришла и ему в голову. Теперь не отпускал злополучную ручку, словно чемодан был связующим звеном между ними. Он был таким же пассажиром вагона люкс СВ, как и она. В пути порталов железнодорожного счастья. Но в отличие от неё, не испытывал страха. Был здесь, потому что должен был быть. И точка.

Проводница пришла мило улыбаясь и воркуя, оставила на столике стаканы с чаем в витых тяжелых подстаканниках. Щедро насыпала одноразовых пакетиков с сахаром и сливками. Предупредила, что – кипяток. Осторожнее. Олеся взяла чай, согревая пальцы. Лишь прикоснулась, почувствовала обжигающий жар. Она вспомнила те ночи, когда страх не давал ей спать. В такие моменты прошлое не отпускало. Стояло за спиной, положив ей на плечо костлявую руку ужаса. И ощущения погони.

Мужчина заговорил. Голос ровный, невыразительный. Но было нечто, что заставляло её замереть и прислушаться. Такой отдаленный раскат грома. Или показалось.

— Вам помочь с вещами? — спросил он, не двигаясь. Его глаза все так же оставались холодными и внимательными. Почти неподвижными.

Внутренний страх усилился. Почему он не улыбался? Не пытался быть приветливым? Даже понарошку! Но она всё же ответила, хотя и не могла найти себе места от беспокойства. Если бы он в этот момент прикоснулся бы хоть пальцем, она бы взметнулась до потолка купе.

— Нет, спасибо, — голос звучал совсем слабо. Она опустила голову, не решаясь на большее. Разбивалась в прах, но не могла доверять.

Попутчик опять замолчал, укладывая свои вещи. Снова тишина заполнила купе. Это было странно, она ощущала, что слова не имеют значения. Всё, что она могла бы сказать, не имело смысла. Взгляд мужчины был слишком серьёзным. Он не ждал от неё объяснений или признаний. Он просто сидел, ожидая чего-то важного.

Олеся пыталась забыться, но мысли возвращались. Неприятным шёпотом, который невозможно остановить или прервать в своей голове. То, что с ней произошло за этот последний месяц, нанесло такую чудовищную травму, что она просто растворилась в ней. И теперь не знала, что делать. Нести этот ужасный груз одной – она точно не могла. Но и говорить с кем-либо на такую опасную и мерзкую тему было совершенно невозможно.

Возможно, будь на месте этого мужчины кто-то другой. Все сложилось бы иначе. Кто-то мягкий, добрый, сочувствующий. Она бы просто бросилась ему на грудь и разрыдалась бы. Давясь слезами и растерзанными надеждами. Так как большее никогда бы не увидела этого человека в обычной жизни. Она могла бы рассказать свою историю. Но она не могла и не хотела говорить с этим человеком. Она не могла сказать ему правду. Не могла раскрыть всё, что произошло. Тьма, открывшаяся ей в недалеком прошлом, была слишком липкой и тяжёлой. Раздавившей все ее представления о любви и безопасности.

Он, вероятно, заметил её напряжение. Взглянул на неё. В его глазах мелькнуло нечто, что Олеся не смогла распознать. Было ли это сочувствие или всё тот же холод? Она не знала. Но эта нависшая тишина между ними становилась разрывающей. Она уже не могла её выносить.

Мужчина нарушил молчание. И его слова острием разрезали воздух.

— Вы не хотите рассказать, что с вами? — голос был твердым, но не требующим ответа. Он просто констатировал. И Олеся не могла вырваться из этого молчания. Руки сжались.

— Я... уехала, — голос почти не слышен, она даже не узнавала его. Зачем слова вырвались из её губ. Почему стало легче? Зачем она начала говорить?

Попутчик внимательно рассматривал ее. Его же лицо не менялось. Он не был настойчивым. Она чувствовала, как его присутствие давит на неё. Мужчина не задавал вопросов. Молчал.

— Муж, — едва начала говорить, но слова прервались. Ужасный груз опустился на её грудь. — Он был не тем, за кого себя выдал. Убивал людей. Молодых женщин. Давно. Я только потом узнала. После развода. Он казался совершенно нормальным! Веселым! Заботливым! Таким милым и образованным... Животных любил. У нас были собаки! Так страшно...

Она замолчала. Опустила голову, руки бессильно упали на колени. Не могла продолжать. Воспоминания начали накрывать, но она не хотела снова вернуться туда. К тому времени. К моменту 0. Когда она узнала. Все.

Мужчина сидел, не двигаясь. Он ничего не говорил. Только слушал.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросил он. Вопрос был слишком прямым, но в его тоне не было осуждения.

Олеся замолчала, не зная, что ответить. Он снова посмотрел на неё, и уже не отводил взгляд.

— Вам страшно, — произнес он спокойно. — Я это вижу. Вы бежите, дорогая попутчица. И вы наивно полагаете, что можете скрыться. Ответьте мне только на один вопрос. От кого вы хотите спрятаться. Ответов много. От близких жертв. От мужа. От себя. Или все сразу.

Олеся задохнулась от его слов. Дыхание сбилось. Она не хотела слушать его. Она не могла это воспринимать. Но его слова оставались у нее в голове. И эта самая голова начинала думать. По-другому.

— Я не прячусь, — сказала она, стараясь не дать своему голосу задрожать. — Я ни в чем не виновата. И не имею к этому никакого отношения. Мы расстались до того, как все это вышло наружу. У нас были свои причины. Личные. Но, вы правы. Я хочу, чтобы все сразу оставили меня в покое. Я не желаю такой популярности. Мне хватает своих проблем. Я хочу начать всё заново. Сначала. Я столько бросила там, в Москве. Просто оставила и все. И не желаю об этом думать и возвращаться. Теперь я хочу одного. Покоя. Маленькая комнатка с плотными шторами. И я. Которая встает в 7.00 и ложится в 21.00. Работа. Магазин продуктов. Дом. Все. И ничего и никого больше. Достаточно.

Попутчик молчал. Он смотрел в окно и лицо его по-прежнему ничего не выражало.

- Позвольте спросить, и как долго вы собираетесь жить в таком замкнутом зазеркалье, в каком –нибудь медвежьем углу?

Олеся резко выдохнула и расстроилась, что вместе с воздухом из ее горла вырвался отчаянный всхлип.

- Хотела бы навсегда. До конца жизни. Гарантировано.

Попутчик покачал своей лобастой головой, как будто и поверить не мог в то, что она говорила.

- Вот прямо и до конца?

Олеся еще раз кивнула головой для убедительности. Экий он тугодум. Все же было сразу сказано. Что еще нужно.

Мужчина, не глядя на нее, играя густыми бровями, неожиданно произнёс. Не обращаясь к ней, но ведь больше в купе никого и не было:

— Иногда, если нет другого пути, нужно заключить договор.

Олеся подняла глаза. Что он имеет в виду?

— Какой договор? — голос звучал растерянно.

— Фиктивный. Иногда — если нет другого выхода.

Эти слова словно ударили её. Нечто странное. Хотя... А что, собственно, в ее жизни еще могло произойти? Землетрясение? Последний день Помпеи? Небо упадет на землю? Что ей оставалось? А раз так, почему бы и нет. Олеся встала. Вытерла потную ладонь о юбку. Не до церемоний. Они тут одни. И протянула незнакомцу узкую ладонь.

- Давайте знакомиться. Я – Олеся. Через О. Стала жертвой чудовищных обстоятельств. Ищу выход и пока ни в чем не уверена. У вас были какие-то мысли на эту тему?

Мужчина вскочил. Ну точно имеет к военным какое-то отношение. Крепко сжал ее руку. Ладони у него приятные. Сухие. Сильные.

- Я – Федор.

Она открыла рот и слова нашли форму.

— Да, я могу рассказать, как все начиналось. Но это сейчас и не важно. Гораздо важнее, чем все это закончилось. Через два месяца. Ситуация безвыходная.

Фразы ложились ровно. Внутренняя буря улеглась. Решение созрело, стало окончательным. Она ждала реакции. Отказа или сомнения.

Мужчина не отвел глаз. Взгляд остался прямым. Лицо не дрогнуло.

— Не бывает безвыходных ситуаций. Всегда можно прийти к нужному решению. Или заключить договор.

Наступило чувство окончательности. Границы обозначились. Как печать. Тишина перестала давить. Она стала основой для соглашения. И нового пути. Олеся вдохнула. Плечи опустились. Руки разжались. Логика вступила в силу. Она четко произнесла.

— Так что вы предлагаете? Фиктивный договор?

Вопрос так и повис в воздухе. Звук остался чистым, даже интонация не дрожала. Она принимала правила и неизвестность.

Мужчина задумчиво продолжил:

— Раз нет другого выхода.

Новая пауза заполнила купе. Шторы колыхались. Чай остывал. Багаж стоял у полка. Два человека смотрели друг на друга. Страх уступил место расчету. Расчет сменился надеждой. Надежда требовала подписи. Подпись требовала смелости. Смелость нашлась внутри.

Олеся даже не молилась. Просто ждала. Поезд мчался вперед. Судьба повернулась. Договор возник из ниоткуда и начинал действовать. Скоро остановка на 1.5 часа в маленьком пригороде. За это время все можно было успеть. Рубикон, ерш его медь, был перейден.

Глава 2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Поезд катил дальше. Мерно. Глухо. Как будто ничего особенного в этом купе не случилось. Как будто не сидели друг напротив друга двое людей, которые уже сказали слишком много. Или слишком мало.

Олеся не смотрела на Федора. Только в окно. Там было черное стекло и ее собственное отражение. Бледное. Усталое. Чужое. Она сама себе не нравилась. Женщина, которая несколько минут назад рассказала незнакомцу кусок своего кошмара. Женщина, которой стало легче от самого факта чужого присутствия.

Пальцы лежали на коленях. Холодные. Почти деревянные. Чай давно остыл. Сахар не тронут. Проводница ушла. Шторы чуть колыхались от сквозняка. Все было спокойно. Но покоя не было.

Федор молчал. И это молчание теперь ощущалось иначе. Не как давление. Как ожидание. Он уже не вынимал из нее слова. Он ждал, когда она сама додумает то, что он бросил ей в лицо.

Иногда, если нет другого пути, нужно заключить договор. Олеся повторяла это про себя уже в десятый раз. И каждый раз слова звучали все нелепее. Все опаснее.

Наконец она не выдержала.

— Вы серьезно это сказали? Или просто хотели меня отвлечь?

Федор поднял глаза. Взгляд был все такой же прямой. Ничего не обещающий.

— Я редко говорю, чтобы отвлечь.

— Очень заметно, — буркнула она и сама удивилась своей дерзости.

Он не отреагировал. Только чуть повел плечом.

— Тогда что вы имели в виду? — спросила она уже тише. — Какой еще договор?

— Фиктивный брак.

Сказал спокойно. Без паузы и подготовки. Словно речь шла не о жизни, а о маршруте пересадки. Олеся уставилась на него. Вот теперь ее по-настоящему качнуло. Не поезд. Воздух. Тело. Мысль. Все сразу.

— Что?

— Вы слышали.

Он не перешел на «ты», прозвучало не фамильярно. Хуже. Как будто решение уже приблизилось к коже.

— Нет, — быстро сказала она. — Нет. Это какое-то безумие.

Он не спорил.

— Возможно.

— Возможно? — голос сорвался, смешно же. — Вы вообще понимаете, что предлагаете?

— Да.

— Нет, не понимаете. Вы меня не знаете. Я вас тоже. Мы едем в одном купе несколько часов. И вы вдруг предлагаете мне брак. Пусть даже фиктивный. Это ненормально.

— Нормально сейчас вам и не нужно.

Эта фраза ударила сильнее, чем ей хотелось. Потому что была страшно точной.

Олеся резко отвернулась. Опять в окно. В свое темное отражение. Хотелось рассмеяться. Или заплакать. Или попросить его замолчать. Но ничего из этого не помогло бы.

— Почему? — спросила она глухо. — Почему вы вообще это сказали?

Федор не ответил сразу. Сначала подумал. Потом проговорил. Бесил.

— Потому что вы действительно в опасности, — произнес он. — И потому что вы сама это понимаете, даже если сейчас пытаетесь говорить обратное.

Она поджала губы.

— Я не просила меня спасать.

— Я не предлагал спасение.

Она резко повернулась.

— А что тогда?

— Конструкцию.

Она моргнула.

— Что?

— Способ выжить в чужих глазах. Новый статус. Фамилию и город. Контур жизни. Люди охотнее лезут в судьбу одинокой женщины с громкой историей, чем в семью. Особенно в маленьком городе.

Вот теперь в купе стало совсем тихо.

Он не говорил красиво и не пытался успокоить. Даже не обещал, что все будет хорошо. Просто раскладывал ее будущее на части. И это было больней любой жалости.

— Вы думали об этом заранее? — медленно переспросила Олеся.

— О вас — нет.

— Очень приятно.

— О механизме — да.

Он не смягчал удары. Вообще. Не умел.

Олеся вцепилась в край сиденья. Его честность была почти жестокой. Но именно она и не давала ей отвернуться совсем.

— Для вас это... просто схема? — опять переспросила она. — Бумага. Решение. Выход из ситуации?

— Для начала — да.

— Для начала, — повторила она хрипло.

Он смотрел внимательно. Не отводил глаз. Но не давил. Не лез и не тянулся ближе. Понимал, что сейчас любое лишнее движение — и она сорвется.

— Послушайте меня, — уточнил он после короткой паузы. — Я не предлагаю вам любовь. Красивую легенду. Или иллюзию. Я предлагаю защитную оболочку. Холодную. Неудобную. Но рабочую.

Олеся засмеялась. Нервно. Совсем тихо.

— Вы даже о браке говорите, как о бронежилете.

— В данном случае это он и есть.

Она опустила голову.

Вот за это ей и было страшно. Не за саму идею даже. За то, как он говорил. Точно уже все проверил изнутри. Понял цену словам и потому пользовался только теми, которые хоть что-то держат.

— А вам-то это зачем? — спросила она, не глядя на него.

Вопрос повис. Он должен был прозвучать. Она чувствовала это с самого начала. Ни один нормальный мужчина не предлагает женщине фиктивный брак просто так. Особенно такой мужчина. Слишком собранный. Закрытый. Не похожий на безумца.

— У меня тоже есть причина, — ответил Федор.

Олеся подняла взгляд.

— Какая?

Он потер переносицу. Впервые за весь разговор позволил себе жест усталости.

— Мать.

— Что — мать?

— У нее сердце. Я еду к ней. Должен был приехать не один.

Олеся нахмурилась.

— Должен был?

— Да.

— А где та, с кем вы должны были приехать?

На этот раз он усмехнулся. Коротко. Без радости.

— Не приехала.

— Очень содержательно.

— Достаточно и этого. Пока.

Она смотрела на него и вдруг начала понимать. Не все. Только контур. Больной матери нужно показать, что у сына все в порядке. А у сына не в порядке. У нее — тем более. И вот теперь два несчастья смотрят друг на друга через стол и обсуждают брак.

Нелепо. Страшно. Очень логично.

— То есть я нужна вам тоже как решение, — тихо переспросила она.

Он кивнул.

— Да.

— Какая прекрасная основа для союза.

— Честная.

Олеся отвела взгляд. Да. Честная. Именно это и убивало. Если бы он начал юлить, заговорил о судьбе, о внезапной симпатии, о чем-то еще в этом духе — она бы просто замкнулась. Отмахнулась. Но он говорил, как есть. Грубо. Сухо. Почти по-деловому. И от этого все звучало убедительнее, чем хотелось.

— Я вас боюсь, — вдруг честно сказала она. Вдруг.

Фраза сорвалась сама. Он не дрогнул.

— Я знаю.

— И это вас не останавливает?

— Нет.

— Почему?

— Потому что страх не отменяет здравый смысл.

Вот теперь ей захотелось его ударить. Сильно. Взглядом. Да чем угодно. Стаканом в под-
стаканнике.

— У вас удивительный дар бесить, — прошептала она.

— Мне говорили.

Несколько секунд она просто смотрела на него.

Потом спросила:

— И как вы это видите? Чисто теоретически. Вдруг, соглашаюсь. Мы приезжаем в город и что? Делаем вид, что счастливо женаты? Спим в одной комнате? Едим вместе? Улыбаемся соседям? Я даже не знаю, как вы злитесь. Не то что, как вы молчите утром.

Он слушал. Очень внимательно.

— Все это обсуждаемо, — ответил он. — Правила. Границы. Срок. Совместное проживание. Публичное поведение. Деньги. Все.

— Боже мой, — выдохнула она. — Вы уже и это продумали.

— Да.

— Вы страшный человек.

— Возможно.

Опять это спокойное «возможно». Он вообще ничем не хотел себя оправдывать.

Олеся провела ладонью по лбу. Голова гудела.

— Я не понимаю, как дошла до того момента в жизни, где сижу в купе и обсуждаю с незнакомцем параметры фиктивного брака.

— Вы дошли до него не сейчас, — сказал Федор. — Вы дошли до него раньше. Сейчас просто нашлась форма.

Она замолчала.

Потому что это тоже было правдой.

Ей действительно уже некуда было идти. В Москву нельзя. В прошлое нельзя. В одиночество страшно. В новую жизнь — только с новой кожей. А он предлагал не кожу даже. Каркас. Защиту. Выход, от которого тошнило своей разумностью.

— Если я соглашусь, — повторила она медленно, — вы же потом не начнете требовать благодарности? Верности? Доверия? Близости? Нормальной семейной игры?

Он ответил сразу:

— Нет.

— И не будете делать вид, что мы обязаны друг другу больше, чем прописано?

— Нет.

— И не ползете мне в душу?

Он помедлил.

— Без разрешения — нет.

Олеся закрыла глаза. Поезд качнуло. Глухо стукнули рельсы. Где-то в соседнем вагоне кто-то засмеялся. Жизнь продолжалась. Обычная. А ее собственная жизнь в этот момент стояла на краю и ждала, в какую сторону упасть.

— Это ненормально, — простонала она очень тихо.

— Да.

— Это опасно.

— Да.

— Это похоже на безумие.

— Да.

Она открыла глаза.

— И вы все равно предлагаете.

Он посмотрел прямо.

— Да.

Она поняла, что больше всего на свете хочет, чтобы он хоть раз заколебался. Хоть на секунду. Усомнился. Испугался. Но нет. Перед ней сидел человек, который уже принял свое решение и теперь просто держал пространство, пока она принимает свое.

Как же ее бесило. И одновременно давало опору.

— Вы вообще понимаете, как это выглядит со стороны? — с ненавистью спросила она.

— Нет. Меня сейчас меньше всего интересует сторона.

— А что интересует?

— Чтобы вы остались живы и исчезли из старой истории быстрее, чем она дотянется до вас.

Вот после этого ей стало нечем дышать.

Потому что в этих словах не было романтики, игры или мужского самолюбования. Только страшная, жесткая, взрослая забота о выживании. Она и пробивала сильнее всего остального.

Олеся отвернулась. В горле стоял ком. Слез не было. Уже не было. Видимо, их запас кончился раньше. Еще в Москве.

— Если я откажусь? — безнадежно спросила она.

— Тогда я все равно сойду на станции и поеду дальше один.

— И все?

— И все.

— Вас это устроит?

Он чуть склонил голову.

— Нет.

— **Но вы примете?**

— Да.

Она смотрела в окно. На свое смазанное отражение. На тьму за стеклом. На женщину, которая хотела простой жизни, а получила этот разговор.

— Почему мне кажется, что вы уже знаете, что я скажу? — простила она.

— Потому что я думаю о вас лучше, чем вы о себе сейчас.

Эта фраза была почти нежной. Почти. Поэтому особенно опасной.

Олеся медленно повернулась к нему.

— Вы серьезно?

Вопрос прозвучал тихо. Не как истерика. Последняя попытка проверить реальность.

Федор не отвел взгляд.

— Да, я серьезен. Это единственный способ, чтобы вы могли быть в безопасности.

Тишина после этих слов стала другой. Не давящей или глухой. Решающей.

Олеся слышала, как внутри все еще кричит, что это безумие. Что нельзя. Что страшно. Что он чужой. Что она сама уже не знает, кто она. Но поверх этого медленно, тяжело поднималось другое чувство. Холодная логика. Та, которую она ненавидела. Которая и спасает иногда, когда больше уже нечем.

Поезд чуть замедлился. Потом снова набрал ход. До станции оставалось меньше полутора часов.

И она уже понимала, что назад себя не вернет.

- Значит так. – резко скомандовала она. – С этой минуты больше никаких – Вы.

Глава 3. КОНТРАКТ КАК СПАСЕНИЕ

Поезд тормозил долго. С натугой. Металл скрипел. Колеса стучали уже не в такт, а спорили между собой. Олеся сидела прямо. Руки лежали на коленях. Пальцы были ледяные. Она смотрела в темное окно и видела там не станцию. Себя. Чужую. Бледную. Слишком тихую.

Федор поднялся первым. Взял оба чемодана. Ее тоже. Не спросил. Просто сделал. Как будто, так и надо.

— Выходим.

Она кивнула. Голос бы ее подвел.

Ночной перрон оказался пустым и сырым. Туман лежал полосами. Лампы светили тускло. Где-то лаяла собака. Станция была маленькой. Сонной. С вывеской, которую Олеся не успела прочесть. Ей вдруг стало смешно. Она выходила замуж в месте, название которого даже не знала.

Смешно не получилось. Горло сжало.

Федор поставил вещи на скамью. Огляделся. Искал угрозу. Или выход. Потом коротко сказал:

— Загс там.

Он уже все увидел. Конечно. Олеся только теперь заметила одноэтажное здание за площадью. Светилось одно окно. Над дверью висела старая табличка. По диагонали через дорогу — нотариальная контора. Или что-то похожее. Вывеска была кривая. Буквы плясали.

— Ты это заранее знал? — тихо спросила она.

— Нет.

— Тогда откуда такая точность?

Он посмотрел на нее. Без усмешки. Но в глазах что-то дрогнуло.

— Я привык замечать важное.

Она промолчала. Это прозвучало слишком по-настоящему. Не как у случайного попутчика.

Они пошли через площадь. Колеса чемоданов дребезжали по плитке. Воздух пах углем, сыростью и чужой бессонницей. На крыльце загса горела одна лампа. Насекомые уже кружили возле нее, хотя до весны было еще далеко.

Дверь открыла женщина в вязаной кофте. Сонная. Недовольная. Потом увидела Федора. И Олеся. Потом их чемоданы. И уже после этого — выражение их лиц.

— Господи, — сказала она, — вы с поезда, что ли?

Федор ответил спокойно:

— Да.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Женщина посмотрела на Олеся. Потом снова на него. Вздохнула. Видимо, у любви на железной дороге было свое расписание.

— Паспорта давайте.

Олеся дрожащими пальцами полезла в сумку. Документы зацепились за молнию. Ноготь соскользнул. Сердце ударило в горло. Она вдруг подумала, что это знак. Что сейчас все сорвется. Паспорт выпадет. Страница порвется. Кто-то узнает ее фамилию. Узнает лицо. Спросит лишнее.

Федор молча протянул руку. Подержал ее сумку, пока она искала. Не касаясь пальцев. Только помогая не рассыпаться.

Женщина взяла паспорта. Развернула. Сначала его. Потом ее.

— Петрова? — переспросила она.

Олеся вздрогнула.

Федор ответил раньше нее:

— Пока да.

Женщина подняла бровь. Любопытство в ней жило крепче сна.

— А будет?

— Ветровая, — сказал он.

Олеся перевела на него взгляд. Он произнес это так ровно, будто уже все решил. Новое имя существовало давно. Просто ждало ее.

— Берете фамилию мужа? — спросила женщина уже у нее.

Надо было ответить сразу. Просто. Но голос не шел. Олеся смотрела на слово в собственном паспорте и чувствовала к нему только одну вещь. Отвращение. Эта фамилия досталась ей ненадолго. Но успела стать клеймом.

— Да, — сказала она. — Беру.

Женщина смягчилась.

— Ну и правильно. Красивая фамилия.

Олеся подумала, что слово «красивая» тут вообще ни при чем. Эта фамилия была не красивой. Она была спасательной. Как дверь, которую успели захлопнуть перед пожаром.

Их провели в маленький кабинет. На стене висели фото чужих свадеб. Букеты. Ленты. Улыбки. Все это выглядело нелепо. Слишком нарядно для них. Олеся сидела за столом с лицом человека, который подписывает не брак, а соглашение о переносе собственной жизни в другой город. Под другое имя и чужую крышу.

Женщина листала бумаги и вдруг спросила:

— Кольца есть?

Олеся замерла.

Федор ответил:

— Нет.

— Плохо, — сказала та. — Совсем без колец как-то грустно.

Она полезла в ящик. Достала две тонкие медные обручалки на ленточке.

— Это реквизит для фото. Но на пять минут сойдет. Потом вернете.

Олеся смотрела на кольца и не знала. Смеяться ей, плакать или бояться. У нее начинался фиктивный брак с прокатными кольцами. Лучше уже не придумаешь.

Федор, кажется, уловил эту мысль. Чуть повернул голову в ее сторону.

— Временные решения иногда самые надежные.

— Ты сейчас меня успокаиваешь? — шепотом спросила она.

— Да.

— У тебя плохо выходит.

— Я стараюсь.

Это был первый почти смешной обмен колкостями между ними. И он почему-то не ранил. Наоборот. Воздуха стало чуть больше. Когда дело дошло до подписи, ее ладонь снова вспотела. Ручка дрожала. Чернила легли жирной линией. Олеся вывела новую фамилию медленно. Неуверенно. Буква за буквой. Ветровая.

Незнакомое слово. Но уже ее.

Федор подписал рядом быстро. Четко. Без паузы. У него даже почерк был собранный. Ему и буквы служили по уставу.

Женщина встала. Поправила кофту. Включила настольную лампу ярче. И вдруг перешла на торжественный голос. Он доставался всем, даже тем, кто пришел сюда ночью с чемоданами и лицами людей после аварии.

— В соответствии с Семейным кодексом

Олеся почти не слушала. Слова текли мимо. Закон. Союз. Добровольное согласие. Взаимное уважение. Она слышала только движение собственной крови. И стук часов на стене. Да то, как рядом дышал Федор. Спокойно. Точно происходил не безумный поступок, а давно продуманная операция.

— Согласны ли вы — донеслось до нее.

— Да, — подтвердил Федор.

Она ответила через миг.

— Да.

— Объявляю вас мужем и женой.

Вот и все. Никакой музыки. Поцелуя. Только лампа. Усталый голос регистратора. Два медных кольца. И бумага, от которой зависело слишком много. Женщина подала им свидетельство. Потом смутилась.

— Ну поздравляю.

Олеся кивнула. Федор сказал спасибо.

На улице стало еще холоднее. Она крепче сжала документ. Как будто его могли отнять. Федор забрал у нее медное кольцо и вернул регистратору через окошко. Потом посмотрел на контору, что напротив.

— Теперь туда.

— Обязательно?

— Обязательно.

— Мы уже женаты.

— Брак — это эмоция для посторонних. Договор — это защита.

Она ничего не ответила. Он не играл. Действительно так думал. В юридической конторе пахло пылью, бумагой и старым линолеумом. За столом сидел мужчина лет пятидесяти. В очках и жилете. С лицом, на котором давно умерло удивление. Он выслушал Федора до конца. Не моргнул. Только спросил:

— Срочно?

— Да.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Хорошо. Тогда без лирики. Что нужно прописать?

Федор сел. Олеся осталась стоять. Ей казалось, что если она сядет, то уже не встанет. А он спокойно начал перечислять пункты. Сухо. Ясно. Как будто составлял план покупок.

Срок брака. Совместное проживание. Раздельная собственность. Личные доходы. Публичное поведение. Отсутствие взаимных материальных претензий. Основания расторжения. Обязанность сообщать о реальной опасности. Запрет на разглашение обстоятельств союза третьим лицам.

Олеся слушала и чувствовала странное. Не обиду или благодарность даже. Что-то другое. Он строил для нее каркас. Жесткий. Холодный. Но крепкий. А она так давно жила без каркаса, что уже почти забыла, как это бывает. Чувствовать себя защищенной. Хоть так.

Юрист поднял голову:

— Супруга согласна?

Супруга.

Это слово достало ее сильнее, чем «жена» в загсе.

Олеся наконец села.

— Не на все, — жестко проговорила она.

Федор повернулся к ней.

— Что именно?

— Про совместное проживание.

— Это необходимо.

— Я понимаю. Но мне нужны условия.

Юрист оживился. Вот теперь пошла жизнь. Не просто ночная формальность. А семейная дипломатия.

— Слушаю вас, — заинтересовался он почти бодро.

Олеся сжала пальцы.

— У нас будет одна комната. Так?

— Да, — ответил Федор.

— Одна кровать?

Он выдержал паузу.

— Скорее всего.

— Тогда я хочу отдельное одеяло.

Юрист кашлянул. Спрятал улыбку за ладонью.

Федор посмотрел на нее так, будто не ожидал именно этого.

— Это принципиально?

— Очень.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь всю ночь бороться за край одеяла с человеком, которого знаю несколько часов.

Юрист уже не кашлял. Он явно наслаждался редким случаем в своей практике.

Федор чуть склонил голову.

— Хорошо. Отдельное одеяло.

— И право спать у стены или с краю по моему выбору.

— Это зачем?

— Чтобы не чувствовать себя в ловушке.

Он сразу перестал спорить.

— Согласен.

Олеся выдохнула. Маленькая победа. Почти смешная. И очень важная.

— И еще, — сказала она. — Прикосновений без предупреждения не должно быть и точка.

Юрист снова стал серьезным. Застучал по клавишам.

Федор ответил сразу:

— Разумно.

— И без вопросов о прошлом, если я не готова.

Он посмотрел прямо.

— Тогда это касается обоих.

— Хорошо.

— И ты не исчезаешь без слов.

Она опустила глаза.

— Если ты тоже.

— Тоже.

Юрист печатал быстро. Как будто боялся потерять вдохновение. В комнате трещала батарея. За окном шла чужая жизнь. А у них рождался документ, который был похож не на брачный договор, а на инструкцию по выживанию рядом.

Когда текст лег перед ними, Олеся стала читать. Медленно. Почти по слогам. Там было все. Срок — три года. Дом его матери. Видимость нормального брака. Финансы. Ее работа. Его обязательства по жилью и расходам. Запрет на ложь при угрозе. Запрет на вмешательство в личные вещи. Обязанность сохранять уважительный тон на людях. Пункт о недопустимости потрясений для Екатерины Ветровой в связи с состоянием здоровья.

— Это обязательно? — спросила Олеся, указывая на строчку про мать.

— Да, — тихо сказал Федор.

— Ей правда так плохо?

— Иногда лучше. Иногда нет.

Он не добавил ничего. Но этого хватило. Строчка перестала быть сухой. В ней появилась боль.

Олеся дочитала до конца. В самом низу было: «При исчезновении оснований, ради которых заключен брак, стороны обязуются обсудить его прекращение в разумный срок».

Она перечитала фразу дважды.

Основания. Как будто она сама была не человеком. А обстоятельством.

— Не нравится? — спросил Федор.

— Звучит жестоко.

— Зато честно.

— Ты всегда такой?

— Почти.

— И тебе с этим удобно?

Он чуть повел плечом.

— Привычно.

Ей захотелось сказать что-нибудь колкое. Но не вышло. За привычкой слышалась усталость. Давняя. Глухая.

Они подписали бумаги.

Юрист промокнул печать. Поставил штамп. Потом посмотрел на них поверх очков и неожиданно сказал:

— Самые крепкие союзы иногда начинаются без романтики. А самые шумные разваливаются к осени. Не переживайте раньше времени.

Олеся не знала, что на это отвечают. Федор тоже. Они просто встали.

На улице уже светлело. Небо было сизое. Площадь опустела еще сильнее, хотя, казалось, дальше некуда. Поезд стоял. Ждал. Время сжалось. Им надо было вернуться до отправления.

Олеся шла быстро. Почти не чувствуя ног. В одной руке — свидетельство. В другой — договор. Бумаги легкие. Но тяжесть у них была такая, будто она несла кирпичи.

У вагона проводница посмотрела на них сонно. Потом на документы. На чемоданы. И, видимо, что-то поняла по-своему.

— Ой, — сказала она, расплываясь в улыбке. — Успели?

Олеся открыла рот. Закрыла. Федор ответил:

— Да.

— Молодцы какие, — восхитилась проводница. — А я сразу поняла. Искра. Судьба. Поездное дело.

Олеся едва не поперхнулась воздухом. Федор взял ее под локоть. Легко. Осторожно. И только тогда, когда она сама не отстранилась.

— Нам в купе, — сказал он.

— Конечно-конечно, — закивала проводница. — Я вам сейчас чай принесу. Семейный.

Это слово опять шарахнуло нелепо. Но уже не так больно. Скорее странно. Когда дверь купе закрылась, стало тихо. Очень. Поезд еще стоял. За окном мелькнул фонарь. Потом другой. Внутри пахло чаем и ночной пылью. На столике лежали салфетки. На полке — забытый кем-то журнал.

Олеся села. Свидетельство положила перед собой. Договор рядом. Смотрела на них и не верила.

Федор поставил чемоданы. Снял пиджак. Ослабил ворот. Первый раз за все время он выглядел не железным. Просто уставшим.

— Ты можешь передумать, — сказала она вдруг.

Он обернулся.

— Уже нет.

— Почему?

— Потому что мы оба зашли слишком далеко за один час.

— Это аргумент следователя?

Он задержал на ней взгляд.

— Бывшего.

Вот. Оно прозвучало. Не прямо. Но почти.

— Ты был следователем, — тихо уточнила она.

Не вопрос. Констатация.

— Был.

— По каким делам?

— По разным.

— По опасным?

— Да.

Она отвела глаза. Теперь многое встало на место. Спина. Манера смотреть. Точность.

Паузы. И то, как он сразу понял ее страх.

— Ты поэтому предложил мне это? Потому что увидел меня в деле?

Он подошел ближе. Но остановился на расстоянии.

— Нет.

— А почему тогда?

Он долго молчал. И это молчание было не пустым. Тяжелым. Настоящим.

— Потому что ты сидела напротив и делала вид, что еще держишься. А я видел, что это не так.

У нее защипало глаза. От усталости и нервов. От того, что он сказал без жалости. Просто как факт.

— Это плохая причина для брака.

— Для обычного — да.

— А для нашего?

— Для нашего хватило.

Поезд дернулся. Тронулся. Площадь поплыла назад. Олеся посмотрела в окно. Станция исчезала. Там остались ее старая фамилия, прокатные кольца и женщина в вязаной кофте. А впереди был город, которого она не знала. Дом чужой матери. Одна спальня. Отдельное одеяло. Контракт. И мужчина, которого она все еще боялась, но уже иначе.

Проводница принесла чай. Поставила два стакана. И, подмигнув Олеся, сказала:

— Муж у вас серьезный. Зато надежный. Это лучше.

Дверь закрылась, Олеся невольно усмехнулась.

— Она права, — сказал Федор.

— Ты самоуверен.

— Нет. Я просто редко спорю с очевидным.

— Это шутка?

— Возможно.

Она впервые улыбнулась по-настоящему. Слабо. Но без усилия. И сразу устала от собственной смелости. Он подвинул ей стакан.

— Пей. Ты совсем белая.

— А ты всегда командуешь?

— Когда человек на грани обморока, да.

Она взяла чай. Сделала глоток. Горячо. Горько. Хорошо.

— Значит, теперь я Ветровая, — сказала она, пробуя звук.

— Да.

— Странно.

— Привыкнешь.

— Не уверена.

— Я тоже не был уверен во многом.

— И как?

Он взял свой стакан. Не улыбнулся.

— Некоторые вещи все равно случились.

Олеся посмотрела на договор. Потом на его руки. Сильные. На них не было кольца. И у нее тоже. Это почему-то показалось правильным.

— Иногда, чтобы выжить, приходится делать то, что не хочешь, — сказала она тихо. Не ему. Себе.

Федор поднял взгляд.

— Ты сделала правильный выбор.

Слова простые. Но легли надежно. Как замок на двери. Не обещанием счастья или утешения. Опорой. На первое время этого хватало. Вполне.

Поезд набирал ход. Старый паспорт со штампом и новой фамилией лежала на столе. Договор трещал под весом реальности уже в ту минуту, когда высохла печать. Но пока он держался.

И Олеся тоже.

Глава 4. НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

Камышинский встретил их серым утром. Не злым и не ласковым. Просто сонным. Поезд выплюнул людей на короткий перрон и сразу стал чужим. Как будто своей задачей он считал только довести. Дальше — сами.

Олеся спустилась осторожно. Ноги были ватные. Спина ныла. В голове шумело. За одну ночь она успела сменить фамилию, подписать договор и стать женой человека, которого знала меньше суток. Редкое достижение. Ни одна подруга из прежней жизни не поверила бы. Если бы ей было кому писать.

Федор поставил чемоданы рядом. Оглядел привокзальную площадь так, будто проверял обстановку. У Олеси от этой его привычки уже начинало дергаться сердце. Он смотрел не просто по сторонам. А как будто сразу раскладывал всё на части. Выходы. Людей. Машины. Слепые зоны. Она заметила это еще ночью, на перроне. Теперь убедилась окончательно.

— Далеко? — спросила она.

— Нет. Пятнадцать минут.

— Пешком?

— На машине.

Он кивнул куда-то вправо. У самого края площади стояла темная «Лада». Чистая. Без показной новизны. Аккуратная. Такая же сдержанная, как ее владелец. Ни царапин, ни висящих игрушек на зеркале. Даже это почему-то заставило Олеся насторожиться. У нормальных людей в машине всегда бардак. Чеки из аптеки. Смятые салфетки. Ручка без колпачка. Сломанная разовая вилочка. И крошки. А у него, наверное, и воздух лежал по инструкции.

— Твоя?

— Да.

— Ты все еще не похож на человека, который ездит на такой машине.

Он взял чемодан.

— А на какой, похож?

Олеся пожала плечом.

— На той, где двери тяжелые. Все боятся испачкать коврики.

Он коротко посмотрел на нее. Почти удивленно.

— Это комплимент или упрек?

— Наблюдение.

— Тогда принимается.

Он открыл багажник. Внутри действительно было пусто. Ни пакета. Ни старого пледа. Бутылки с водой. Олеся вздохнула.

— Ну конечно.

— Что?

— Ничего. Просто у тебя даже багажник пугает стерильностью.

— Это поправимо.

— Не смейся.

Он не ответил. Но уголок рта дрогнул. Совсем чуть-чуть. Утро от этого стало терпимее.

Дорога в город шла мимо одноэтажных домов, голых деревьев и сонных магазинов. С вывесками, которые не обновляли лет десять. Здесь все было ниже. Тише. Уже. Даже небо казалось ближе к крышам. Москва осталась где-то в другой жизни. В той, где у нее был салон на Таганке. Хороший дизайнерский стол, лампа с холодным светом, две постоянные клиентки с капризами, один глупый фикус. Муж, который оказался чудовищем. Ее чудовищем. Или для нее.

Олеся быстро отвернулась к окну.

Федор вел спокойно. Не включал музыку. Не задавал лишних вопросов. Только один раз протянул ей бутылку воды.

— Пей.

— Ты всегда говоришь приказами?

— Когда человек сутки на нервах — да.

— А если я не хочу?

— Тогда будешь хотеть позже. С головной болью.

Она взяла воду.

— Ужасный характер.

— Удобный.

— Для кого?

— Для критической ситуации.

Олеся открыла крышку. Сделала глоток. Губы пересохли. Вода была холодная. Простая. От нее стало легче. И это раздражало. Потому что он снова оказался прав.

Город выступал почти незаметно. Частные дома теснились ближе к дороге. Потом появился рынок. Аптечный крест. Потом школа с облупившимся фасадом. Памятник кому-то очень серьезному. Камышинский не старался нравиться. Жил своей жизнью. Настолько честно, насколько мог.

— Здесь все друг друга знают? — спросила Олеся.

— Почти.

— Прекрасно.

— Это плохо для тебя?

— Это плохо для любой женщины, которая хочет просто дышать. А объяснять, почему она приехала.

— Тогда придется быстро придумать версию.

Олеся повернулась.

— Версию?

— Да. Простую. Чем проще, тем надежнее.

— Ты уже придумал?

— Частично.

— Конечно. Кто бы сомневался.

Он свернул на узкую улицу с тополями. Дома здесь были старые. Добротные. С заборами и калитками. Бельем на веревках. И коврами, выбитыми до состояния философии.

— Мы познакомились в Москве, — рассказывал он. — Поженились быстро. Ты переехала ко мне. Работаешь мастером маникюра. Раньше снимала место в салоне. Потом решила уйти на себя.

— Почему так быстро поженились?

— Потому что мать знает мой характер. От долгих романов она бы удивилась сильнее.

Олеся невольно хмыкнула.

— Удобно.

— Практично.

— А что ей известно про меня?

— Что тебя зовут Олеся. Что ты из Москвы. Что ты спокойная. И что мне с тобой хорошо.

Последнюю фразу он произнес без нажима. Почти так же, как сказал бы: «На улице сыро». Но у Олеси внутри что-то дернулось.

— И ей этого хватило?

— Она больна. Но не глупа. Ей не хватило. Она ждет подробностей.

— Чудесно.

- Поэтому не спорь со мной при ней.
- А если ты будешь нести ерунду?
- Тогда улыбайся.
- Я могу не успеть.
- Учись быстрее.

Машина остановилась у дома с высоким крыльцом и узкими окнами. Дом был старый. Не ветхий. Именно старый. Из тех, что стоят упрямо. С яблоней у ворот. С шиферной крышей. Крашеным забором цвета темной вишни. Возле калитки торчали сухие стебли прошлогодних цветов. Кто-то здесь любил лето и не сдавался зимой.

Олеся вышла и замерла.

Дом был живой. Это чувствовалось сразу. В окне шевельнулась тюлевая занавеска. Где-то внутри хлопнула дверь. На крыльце стояли резиновые сапоги, лейка и коврик с надписью, «Добро пожаловать». Все это разом ударило по ней неожиданной волной. Чужая семья. Быт. Чужая мать. И она — в роли молодой жены.

Ей захотелось сесть обратно в машину и уехать куда угодно. Федор уже доставал чемоданы.

- Поздно, — сказал он негромко.
- Олеся резко обернулась.
- Что поздно?
- Лицо у тебя такое, будто ты собираешься сбежать.
- Я так не думаю.
- Думаешь.
- Ужасный ты человек.
- Было. Уже.

Калитка открылась прежде, чем они подошли. На крыльцо вышла женщина в теплом кардигане и с накинутым на плечи платком. Невысокая. Светлоглазая. С лицом, на котором тревога давно устроилась на правах хозяйки. Вот толькотак и не смогла победить доброту. Она спустилась на одну ступеньку. Прижала ладонь к груди. Потом к губам.

— Федя.

Голос дрогнул. Не от болезни. От любви.

Он сразу изменился. Не сильно, но заметно. Плечи стали мягче. Взгляд — теплее. Даже шаг другой.

— Мам.

Он поднялся к ней, обнял осторожно. Очень бережно. Олеся стояла внизу и смотрела. «Вот оно» - подумала она. Настоящее. Не служебное.

Женщина отстранилась. Осмотрела сына как будто с претензией к расстоянию, времени и судьбе сразу.

- Ты похудел.
- Неправда.
- Мм, что, свет неудачный?

Потом она перевела взгляд на Олесю. И вся переменилась. Словно вспомнила, что теперь надо не только любить сына, но и оценивать его выбор.

Олеся поднялась на крыльцо. Сдержанно. Почти не чувствуя ног.

— Здравствуйте.

— Боже мой, — тихо сказала Екатерина Ветровая. — Какая вы красивая.

Олеся растерялась. После последних месяцев она привыкла слышать совсем другое. Или не слышать ничего.

- Спасибо.
- Заходите скорее. Замерзли ведь. Федя, что ты стоишь. Возьми у жены сумку.

Слово «жена» снова ударило мимо. Федор, впрочем, даже бровью не повел. Взял не только сумку, но и второй чемодан. Как будто этого от него и ждали всю жизнь.

Внутри дом пах яблоками, лекарствами, выпечкой и каким-то тихим порядком. В прихожей висели старые фотографии в рамках. На полке стояла ваза с засохшими веточками вербы. На стене тикали часы. Настоящие. С маятником. Олеся разулась и почувствовала теплый пол под тонкими носками. От этого стало еще тревожнее. Слишком быстро чужое пространство начинало касаться кожи. И проникать в поры.

— Проходите на кухню, — хлопотала Екатерина. — Я уже чайник поставила. Пирог есть. И бульон. И не спорьте со мной. С дороги сначала едят, потом разговаривают.

— Мама, мы только...

— Фе - дя.

Он замолчал. Олеся впервые увидела, что кто-то может остановить его, одним словом. Это оказалось неожиданно приятно. Очень.

Кухня была большой. Не модной. Настоящей. С тяжелым столом. Занавесками в мелкий цветок. Банками крупы на полке. Белой эмалированной кастрюлей на плите. На подоконнике стояли фиалки. Не капризные. Такие, какие умеют выживать у хороших женщин.

— Садитесь, — велела Екатерина. — Олеся, вот сюда. К окну. Светлее.

Олеся села. Федор, напротив. Это было неправильно. Супругов обычно сажают рядом. И Екатерина, конечно, заметила это сразу.

— Федя, ты что как в гостях? Сядь с женой.

Он встал молча. Пересел. Олеся чуть не уронила ложку.

— Вот, — удовлетворенно сказала Екатерина. — Уже лучше.

Первый комический удар был нанесен почти сразу.

На столе появились чашки, сырники, пирог, сметана, варенье, хлеб, масло и еще что-то, чему Олеся уже не знала названия. Она смотрела на все это с ужасом человека, который сутки жил на чае и нервной системе.

— Ешьте, — приказала Екатерина уже почти ласково. — В поезде разве кормят нормально.

Федор спокойно взял вилку. Олеся тоже. Но рука дрогнула.

— Вы бледная, — заметила Екатерина. — Совсем себя не бережете. Федя, ты куда смотрел?

Олеся открыла рот. Федор ответил раньше.

— Уже смотрю.

— Поздно. Жену надо было поить, кормить и укрывать.

Олеся кашлянула в чай. Федор невозмутимо подвинул ей салфетку. Уголок его губ снова дрогнул. Почти незаметно. Издевательски.

— Я учту, — буркнул он.

— Ты не учтешь. Ты упрямый. Поэтому теперь я сама присмотрю.

Олеся решила, что эта женщина опаснее, чем кажется. После завтрака Екатерина повела их по дому. Показала гостиную. Маленький кабинет сына. Свою комнату. Веранду, где летом сушили травы. Кладовую. Потом остановилась у двери в конце коридора и вдруг сказала с очень особым выражением лица:

— А здесь ваша спальня.

Олеся почувствовала, как у нее холодеют уши.

Комната была светлая. Большая кровать. Комод. Шкаф. Стул у окна. На покрывале лежали две подушки в кружевных наволочках. Сверху — одно огромное одеяло.

Олеся почти услышала, как где-то в бумагах брачного договора тихо захрустел пункт про отдельные правила сна.

Екатерина сияла.

— Я все перестелила еще вчера. Свежее белье. Матрас новый. И одеяло пуховое. Очень теплое. Молодым нельзя мерзнуть.

Федор кашлянул.

Олеся сказала первое, что пришло в голову:

— Очень красивое.

— Правда? Я знала, что вам понравится. Федя хотел купить серое. Как в казарме. А я сказала нет. Семейная спальня должна быть нарядной.

Федор молча смотрел в окно. Вероятно, вспоминал, где именно в жизни свернул не туда.

Екатерина подмигнула Олеся так, будто между ними уже существовал тайный союз всех женщин против слишком серьезных мужчин.

— Отдыхайте. Потом поговорим.

Дверь закрылась.

Тишина упала сразу. Густая. Знакомая. Та самая. Которая уже не пугала так, как в купе, но все еще держала между ними расстояние.

Олеся медленно повернулась к кровати.

— Это катастрофа.

— Нет.

— Нет?

— Катастрофа была бы, если бы она поставила две односпальные рядом.

Олеся уставилась на него.

— Ты сейчас шутишь?

— Очень слабо.

— Ужасное чувство юмора.

— И это уже было.

Он поставил чемодан у шкафа. Снял часы. Положил на комод. Все движения четкие. Спокойные. Как будто никакой двуспальной кровати в комнате не существовало.

— Мне нужно отдельное одеяло, — сказала Олеся.

— Я помню.

— Нет. Не просто помнишь. Мне правда нужно отдельное одеяло.

— Я понял.

— Сегодня.

— Да.

— До вечера.

— Хорошо.

Она кивнула. Потом вдруг заметила на стуле у окна аккуратно сложенный плед. Старый. Клетчатый.

— Вот.

— Что?

— Вот мое спасение.

Федор проследил за ее взглядом.

— Это плед матери.

— Значит, не спасение.

— Я принесу другой.

Он говорил так ровно, что у Олеся исчезала почва под ногами. Ей хотелось, чтобы он хотя бы один раз потерял самообладание. Хоть немного. Но нет. Перед ней стоял человек, который и апокалипсис, встречал бы с блокнотом.

— Ты вообще нервничаешь? — переспросила она.

Он посмотрел прямо.

— Да.

— И где это видно?

— Нигде.

— Очень удобно.

— Не всегда.

Она ничего не ответила. Просто села на край кровати. Матрас и правда был новым. От этого стало еще хуже. Все вокруг старательно намекало на супружескую жизнь.

Федор стоял у окна. Потом сказал:

— Ты можешь принять душ. Слева по коридору. Я пока разберу вещи.

— Мои не трогай.

— Не буду.

— Совсем.

— Совсем.

— Даже если там бардак.

— Особенно если там бардак.

Она прищурилась.

— Ты это с осуждением сказал?

— С интересом.

Это было почти мило. И хотелось насторожиться вдвойне.

После душа стало легче. Совсем чуть-чуть. Горячая вода смыла дорогу, усталость и запах поезда. Но не тревогу. Она надела домашние брюки, длинную рубашку и долго смотрела на себя в зеркало. Фамилия сменилась быстро. Лицо — нет. Под глазами синяки. Губы бледные. Взгляд осторожный. Новая жизнь, говорили ей обстоятельства. А тело отвечало: не ври.

Когда она вышла, в комнате уже стоял второй стул, а на кровати лежало сложенное пополам еще одно одеяло. Темно-синее. Обычное. Не пуховое. Но отдельное.

Олеся остановилась.

— Где ты его взял?

— В шкафу на веранде.

— Так быстро?

— Я умею искать. В этом доме — точно.

— Я заметила.

Она подошла ближе. Осторожно тронула ткань ладонью. И почему-то именно этот глупый предмет — второе одеяло — растрогал ее больше, чем весь брачный договор. Потому что бумага обещала правила. А это было действие. Тихое. Без слов. Просьбы напомнить дважды.

— Спасибо, — благодарно сказала она.

Он кивнул. Принял, не ожидая благодарности.

— Мать позовет обедать через десять минут, — объявил он. — Потом покажу тебе помещение.

— Какое помещение?

— Для работы.

Олеся замерла.

— Ты уже нашел?

— Посмотрел. Решил, что подойдет.

— Где?

— На веранде с отдельным входом со двора.

У нее внутри вдруг шевельнулось что-то живое. Не страх или стыд. Почти интерес.

— Там есть свет?

— Есть.

— Вода?

— Рядом раковина.

— Места хватит?

— На стол, лампу, полку и кресло — да.

Она поймала себя на том, что уже мысленно расставляет инструменты. Пилки. Базы. Фрезы. Обезжириватель. Палитру. Салфетки. УФ-лампу. На секунду стало так знакомо, что больно.

— Я хочу посмотреть.

— После обеда.

— Почему не сейчас?

— Потому что мать решит, что я морю тебя голодом.

Олеся вздохнула.

— Умная у тебя мать.

— Это семейное.

Обед прошел под знаком тонкого допроса. Очень вежливого. По-домашнему. Оттого особенно опасного. Екатерина спрашивала, где они познакомились. Кто из них первым заговорил. Что Олеся любит на завтрак. Ест ли рыбу. Не мерзнет ли ночью. Не пьет ли слишком крепкий кофе. Какой цвет ей нравится. Сколько лет она работает. Бывала ли раньше в маленьких городах. Не скучно ли ей будет здесь. Не обижает ли Федор молчанием.

На последнем вопросе Олеся едва не подавилась.

— Мам, — простонал Федор.

— Что мама? Я просто хочу знать, не сидит ли она возле тебя как сирота при живом человеке.

— Нет, — быстро ответила Олеся. — Не сию.

Екатерина вздохнула.

— Это хорошо. А то он способен. У него иногда такой вид, будто он женился не на женщине, а на служебной инструкции.

Федор молча ел суп. Олеся не выдержала. Усмехнулась в ложку. Екатерина оживилась.

— Вот. Уже лучше. Смех в доме — к жизни.

После обеда они вышли во двор. День выдался прохладным, но ясным. За домом был небольшой сад. Голые ветки. Дорожка из плитки. Старая лавка. Сарай. И веранда сбоку. Застекленная, с отдельной дверью.

— Здесь? — спросила Олеся.

— Здесь.

Внутри было пусто. Почти. Стол у стены. Старый шкаф. Табурет. Белая крашеная рама окна. Много света. Даже зимой. Она сразу это увидела. Свет был главным. Для маникюра без него нельзя. И тишина. Не мертвая. Рабочая.

Олеся прошла по помещению медленно. Коснулась подоконника. Проверила высоту стола. Открыла шкаф. Внутри пахло деревом и сухой мятой. Наверное, раньше тут хранили банки или рассаду. А теперь это могло быть ее кабинетом.

— Нужен другой стол, — сказала она уже деловым голосом. — Уже. Нормальный. Под лампу. Кресло с регулировкой. Вытяжка. Полка. Контейнеры. Мой аппарат. И свет.

— Записывать? — спросил Федор.

Олеся повернулась. Он стоял у двери. И держал в руках телефон с заметками.

— Издеваешься?

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Рабочее.

— Ужас.

— Стол. Кресло. Вытяжка. Полка. Контейнеры. Свет. Что еще?

Она на миг растерялась. Потом вдруг увидела главное.

- Штора.
- Зачем?
- Чтобы люди с улицы не смотрели.
- Хорошо.
- И чайник.
- Для клиентов?
- Для меня.
- Это разумно.

Она обошла комнату еще раз. Уже иначе. Не как беглянка. Как мастер. Человек, который умеет делать что-то руками. Точно. Красиво. И эта простая мысль вдруг дала ей воздух.

— Я смогу здесь работать, — утвердительно сказала она.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты впервые за день сказала что-то без страха.

Она резко обернулась. Хотела возразить. Не смогла. Потому что он был прав.

Во двор выглянула Екатерина.

— Ну что? Понравилось?

— Очень, — честно ответила Олеся.

— Вот и славно. А я давно говорила Феде, что это помещение надо отдать под дело. Не стоять же ему пустым. Жизнь любит, когда в доме кто-то работает, а не только думает.

Последняя реплика явно предназначалась сыну.

Федор не спорил. Видимо, спор был старым. К вечеру в доме началось странное оживление. Екатерина позвонила соседке. Потом еще кому-то. Потом пришла женщина с короткой стрижкой и глазами человека, который знает всё про всех. Явилась девушка-почтальон. Потом соседка тетя Лида в тапках с мехом. Все они заходили на чай, как будто случайно. И все одинаково смотрели на Олесю. С живым интересом. И мгновенной оценкой. С тем видом, который бывает только в маленьких городах, когда в доме появляется новая женщина.

— Из Москвы? — переспросила тетя Лида. — Ой. Да у нас тут теперь прямо столичный филиал.

— Олеся мастер, — с гордостью сообщила Екатерина. — Маникюр. Очень хороший.

— Правда? — оживилась почтальонша. — А красный делаете?

Олеся замерла на долю секунды. Красный. Самый обычный вопрос. А внутри почему-то кольнуло.

— Делаю, — ответила она.

— И мне надо, — объявила соседка. — К восьмому марта.

— И мне, — вставила другая.

— И мне френч, если можно, — сказала девушка с таким видом, будто уже сидела у нее за столом.

Федор стоял у дверного косяка и молча наблюдал, как вокруг Олеси за пять минут образуется первая очередь. В его взгляде было что-то, чего она не поняла. Удивление? Одобрение? Тревога? Наверное, всё сразу.

Когда женщины ушли, Екатерина сияла.

— Я знала. У хорошей мастерицы работа сама найдется. Завтра еще Нина придет. У нее юбилей. И Зоя запишется. У нее руки ужасные, но характер золотой. А у Гали характер наоборот, зато ногти хорошие. Ты справишься.

Олеся смотрела на нее почти с ужасом.

— Завтра?

— А чего тянуть? — искренне удивилась Екатерина. — Люди себя в порядок хотят привести. Весна скоро. Даже если календарь врет.

Федор очень тихо сказал:

— Мам.

— Что мам? Девочке надо работать. Женщине легче дышится, когда у нее есть свое дело.

Я по себе знаю.

Олеся неожиданно почувствовала благодарность. Не за спешку. За тон. Такое простое «девочке надо работать». Без жалости и осторожного сочувствия. Как будто она была не сломанной. Просто новой.

Позже, когда дом затих, а Екатерина ушла к себе, началась другая часть реальности. Самая неловкая.

Олеся вошла в спальню и сразу увидела на тумбочке две чашки. Рядом лежала маленькая коробочка с сердечками. Она подошла. Открыла. Внутри оказался успокаивающий травяной сбор. На крышке записка рукой Екатерины: *«На ночь. Чтобы вы оба спали крепче и думали о хорошем».*

Олеся молча села на кровать.

Федор вошел через минуту. Увидел коробку. Закрыв глаза.

— Твоя мать решила нас долечить до полного счастья.

— Похоже на то.

— Если там окажется что-то для повышения рождаемости, я уйду жить на веранду.

Он взял записку. Прочитал. Лицо его стало странным. Почти беззащитным.

— Она боится за меня, — тихо пробормотал он. — Поэтому так давит.

Олеся подняла взгляд.

— А ты?

— Что я?

— Боишься за нее?

Он помолчал. Очень коротко. Но этого хватило.

— Да.

Она кивнула. Без слов.

Потом посмотрела на кровать. На два одеяла и подушки. Расстояние, которое вдруг стало очень материальным.

— Как мы будем спать? — спросила она.

— Нормально.

— Это не ответ.

— Тогда так. Я с краю. Ты у стены. Тебе будет спокойнее.

Олеся удивилась.

— С чего ты решил?

— Ты везде садишься так, чтобы видеть дверь.

Она отвела глаза. Он опять заметил то, что не должен был.

— Хорошо, — подтвердила она. — Но одеяла не путать.

— Я не собираюсь вести войну за тряпки.

— Ты просто не видел, как я сплю.

— И не планирую изучать.

— Отлично.

Он выключил верхний свет. Осталась только лампа у кровати. Комната стала мягче. Олеся скользнула под свое одеяло, натянула его до подбородка и уставилась в потолок. Федор лег поверх покрывала. Потом снял его, аккуратно сложил на стул и только после этого лег нормально. Даже в этом была дисциплина. Он устраивался на ночлег так, будто составлял протокол.

— Ты всегда так долго укладываешься? — не выдержала она.

— Нет.

— А сегодня?

— Сегодня рядом чужой человек.

— Очень утешительно.

— Зато честно.

Она повернулась к стене.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Тишина легла между ними. Не враждебная. Но настороженная. Дом поскрипывал. Где-то в глубине тикали часы. За окном прошел ветер. Олеся слушала чужое дыхание за спиной и понимала, что заснуть будет почти невозможно.

— Федор, — прошептала она в темноту.

— Да.

— Если завтра я не справлюсь?

— С чем?

— Со всем этим.

Он ответил не сразу.

— Тогда будем разбираться по частям.

Простой ответ. Без красивостей и обещаний. И почему-то именно он подействовал сильнее любого утешения. Она закрыла глаза. Но сон не шел. Вместо него пришла другая мысль. Тяжелая. Странная. Почти смешная в своей нелепости.

— Кажется, я живу чьей-то чужой жизнью, — пробормотала она.

Он, видимо, услышал. Но ничего не сказал.

И это молчание вдруг оказалось лучшим, что он мог дать ей в ту минуту.

Глава 5. МОЛЧАНИЕ И СЕКРЕТЫ

Утро началось слишком рано. Для Олеси — точно. Она проснулась от тихого стука в дверь и на миг не поняла, где находится. Потолок был чужой. Шторы тоже. Сладковатый запах чистого белья раздражал. За стеной тикали часы. Рядом было пусто.

Она резко села.

Вторая половина кровати уже остыла. Одеяло Федора было сложено. Ровно. На стуле. Как будто он не спал, а сдавал номер в гостинице. Олеся провела ладонью по лицу. Вспомнила все сразу. Поезд. Загс. Договор. Дом. Чужая мать. Новая фамилия.

Тихий стук повторился.

— Олеся? — донесся голос Екатерины. — Вы проснулись, милая?

— Да, — быстро ответила она. — Да, сейчас.

— Не торопитесь. Я только чай поставила. И Федя уже ушел во двор. С утра что-то чинит. Когда нервничает, у него всегда руки ищут работу.

Олеся замерла. Эта деталь почему-то зацепила сильнее многих других. Значит, нервничает. Не только она здесь держится на одном упорстве.

Она поднялась. На стуле лежали вещи. На тумбочке — стакан воды. Вечером его не было. Она посмотрела на дверь. Потом на стакан. Ничего не сказала. Только выпила почти до дна.

На кухне пахло сырниками и кофе. Екатерина стояла у плиты в светлом фартуке с мелкими синими цветами. На столе уже лежала скатерть. В вазочке — яблочное варенье. Как будто в этом доме каждое утро кто-то проводил репетицию нормальной жизни.

— Доброе утро, — поздоровалась Олеся.

— Доброе, — просияла Екатерина. — Как спалось?

Вопрос прозвучал слишком просто. Но в нем было больше смысла, чем в половине вчерашнего разговора. Олеся почувствовала, как мгновенно вспыхнули щеки.

— Нормально.

— Это хорошо. А то я переживала. После дороги, перемен. Да еще в новом доме.

Она поставила на стол тарелку. Села рядом. И посмотрела так внимательно, что Олесе захотелось немедленно уйти на веранду и жить там с вытяжкой и пилками до конца века.

— Вы не обижайтесь на меня, — вдруг сказала Екатерина. — Я, может, лезу. Но Федя молчит так, что с ума можно сойти. А мне хочется верить, что у вас все ладится.

Олеся взяла чашку обеими руками. Прятаться было некуда. Лгать напрямик — опасно. Говорить правду — нельзя.

— Мы просто оба уставшие, — осторожно сказала она.

— Это я вижу. Но усталость бывает разная.

Олеся не нашла ответа. Повисла пауза. Не злая, но вязкая.

Екатерина мягко вздохнула.

— Понимаете, милая. Я мать. И у меня глаз старый, но не слепой. Вы оба очень вежливые. А молодые муж и жена так вежливо друг на друга обычно не смотрят. Они или воркуют, или спорят, или хотя бы мешают друг другу на кухне.

Олеся едва не поперхнулась кофе.

— Мы... просто не любим показывать чувства.

— Ох, — сказала Екатерина с тихой иронией. — Вот это уже очень по-фединому.

И тут в кухню вошел он сам. В темной футболке. Со следами пыли на запястье. И спокойным лицом человека, которого не смутит ничем, кроме конца света. Или криво повешенной полки.

— Доброе утро.

Екатерина повернулась к сыну с такой скоростью, будто ждала именно его.

— Федя, скажи честно. Ты опять что-то недоговариваешь?

Он налил себе кофе. Даже не моргнул.

— Доброе утро, мама.

— Не уходи в сторону.

— Я не ухожу.

— Тогда сядь.

Он сел. Олеся невольно отметила, что сейчас он выглядел не как бывший следователь. А как сын, которого всю жизнь ловили на молчании. И все равно не могли победить.

Екатерина сложила руки на столе.

— Я не спрашиваю ничего лишнего. Но хочу понимать, почему вы смотрите друг на друга как соседи по коридору.

Федор поднял взгляд. Олеся — тоже. И оба сделали это одновременно. На секунду вышло почти смешно. Словно их и правда готовили к совместному допросу.

— Мы просто недавно вместе, — осторожно сказал он.

— Это не объяснение.

— Это факт.

— Факт слишком сухой.

Олеся не выдержала.

— Екатерина Ивановна, у нас все в порядке.

— Тогда называй меня мамой.

Тишина упала сразу. И очень тяжелая.

Олеся услышала, как тихо звякнула ложка о чашку в руке Федора. Он не вмешался. Не стал спасать и отводить разговор. Ждал.

— Я... постараюсь, — выдавила она.

Екатерина смягчилась.

— Вот и хорошо. А то «Екатерина Ивановна» звучит так, будто я у вас нотариус.

Федор вдруг произнес:

— Это было бы даже проще.

— Вот именно поэтому, — немедленно отрезала мать, — я и переживаю.

Олеся опустила глаза в чашку, чтобы не рассмеяться. Нельзя было. Совсем нельзя. Но смешно до боли. Мать Федора была точно и без жалости. Умела. И могла.

После завтрака он показал ей кабинет еще раз. Уже спокойно. Без вчерашнего первого впечатления. Свет действительно ложился хорошо. Стол можно было переставить к окну. Возле стены поместится полка. Рядом — узкая тумба. Она начала думать руками. Где будет лампа. Тут фрезер. Там баночки. Здесь палитры. От этого внутри вдруг стало тише и спокойнее.

Федор стоял у двери.

— Я заказал кресло.

Она резко повернулась.

— Когда успел?

— Утром.

— Ты ненормальный.

— Возможно.

— И стол?

— После обеда привезут.

— А вытяжка?

— Нашел. Завтра будет.

Олеся молчала. Потому что не знала, как это принимать. У нее в прошлой жизни мужчины умели дарить букеты, духи, обещания и тревогу. А этот просто молча собирал для нее рабочее место.

— Ты не обязан все это делать, так быстро, — сказала она наконец.

— Обязан.

— Почему?

— Потому что ты должна встать на ноги.

Фраза была правильная. Почти жесткая. Но в ней опять было нечто большее. Не жалость или желание понравиться. Что-то из его внутреннего кодекса. Очень личное.

— У тебя все через долг? — поинтересовалась она.

Он помолчал.

— Почти.

— Так жить тяжело.

— Я привык.

Она отошла к окну. За стеклом была яблоня. Голые ветки. Сырая земля. Мирный двор. И все равно тревога не отпускала.

— А я не привыкла, — оправдывалась она тихо.

— К чему?

— К тому, что мне помогают без условий. С моей стороны.

Он посмотрел внимательно.

— У нас как раз много условий. Ты их подписала.

Это было так в его духе, что она даже не обиделась. Только кивнула.

— Точно. Забыла.

— Но про рабочее место там ничего не было.

— Вот именно.

Он ничего не ответил.

К полудню в доме снова появились люди. Сначала соседка с банкой варенья. Потом тетя Лида с новостями. Девушка с рынка, которая «просто зашла познакомиться». Олеся быстро поняла две вещи. Первая: Камышинский жил слухами лучше, чем отоплением. Вторая: новость о молодой московской жене Федора уже расползлась по улицам так быстро, будто ее разносили специально обученные птицы.

— А вы и правда мастер? — спросила девушка с рынка, не отрывая взгляда от Олесиных рук.

— Правда.

— А красный лак у вас есть?

Олеся едва заметно замялась.

— Будет.

— Мне надо такой. Короткий квадрат. Но чтобы дорого смотрелось.

— Это уже зависит не только от лака.

Девушка рассмеялась.

— Ну вот. Сразу видно — профи.

Екатерина слушала это с видимым удовольствием. Потом отвела Олеся на кухню и почти шепотом сказала:

— Видишь? Я же говорила. У тебя сразу пойдут.

— Я еще даже ничего не открыла.

— Так откроешь. Город маленький. Хорошие руки тут на вес золота.

Олеся кивнула. И вдруг ощутила странный укол. Хорошие руки. Да. Они всегда у нее были. Именно руками она зарабатывала, успокаивалась, строила себе опору. Ими же когда-то застегивала рубашку Геннадию. И чуть не задохнулась от этой внезапной памяти.

Она поставила чашку слишком резко. Фарфор звякнул.

Екатерина сразу заметила.

— Что с тобой?

— Ничего. Просто устала.

Мать Федора пристально всмотрелась в нее. Потом мягко коснулась локтя.

— Ты не обязана рассказывать мне все. Но я вижу, когда женщине страшно.

Олеся подняла глаза.

— А если я не хочу, чтобы это видели?

— Тогда надо жить рядом с теми, кто делает вид, будто не заметил. Пока сама не заговоришь.

От этих слов у Олеся сжало горло. Потому что именно так последние сутки вел себя Федор. Видел всё. И ни разу не рванул с вопросами в лоб.

К вечеру дом наконец стих. Гости разошлись. Доставили стол для кабинета. Потом кресло. Федор сам собрал его на веранде. Молча. Быстро. Олеся сначала наблюдала из-за двери, потом не выдержала и подошла.

— Дай шуруповерт.

Он поднял голову.

— Ты умеешь?

— Я умею не смотреть, как человек мучает мебель в одиночку.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ. Пока.

Он протянул инструмент. Их пальцы на секунду соприкоснулись. Совсем легко. Но Олеся все равно внутренне напряглась. Он сразу это почувствовал. И тут же отдернул руку. Без обиды. Просто отступил на шаг.

От его мгновенной осторожности стало еще более неловко.

— Извини, — попросила она тихо.

— За что?

— За то, что дернулась.

— Не надо извиняться за рефлексы.

Она опустила взгляд.

— Звучит как из учебника по травме.

— Возможно.

— Ты часто так говоришь.

— Как?

— Как будто все уже разобрал по полкам. Реакции, страх, бегство, напряжение.

Он закрутил последний винт.

— Привычка.

— Следовательская?

— Не только.

Она хотела спросить еще. Про его дела. Про то, что он видел. Но остановилась. У них у обоих были закрытые комнаты. Лезть туда сейчас значило ломать то хрупкое, что только начинало появляться. За ужином Екатерина была необычно тихой. Смотрела то на сына, то на Олеся, то снова в тарелку. Это молчание оказалось тяжелее ее обычной суеты.

— Что случилось? — спросил Федор.

— Ничего.

— Мама.

— Просто думаю.

— Уже опасно, — фыркнул он сухо.

Олеся чуть не поперхнулась супом. Екатерина бросила на сына строгий взгляд.

— Не остри. Мне нельзя волноваться, помнишь?

— Помню.

— Так вот. Я и не хочу волноваться. Поэтому скажите мне честно. Вы не поссорились? Олеся медленно положила ложку.

— Нет.

— Тогда почему в комнате с утра оба были как после экзамена?

Федор устало провел ладонью по лбу.

— Потому что мы действительно устали.

— Федя.

— Что?

— Не делай из меня дуру.

Тишина повисла над столом. Олеся почувствовала, как под ребрами опять натягивается нерв. Еще немного — и все сорвется. Не фактами или признанием. Просто интонацией. Дистанцией. Любой мелочью.

Екатерина вдруг встала. Подошла к буфету. Достала оттуда маленькую фарфоровую сахарницу и поставила перед ними так торжественно, будто несла семейную реликвию.

— Вот.

— Что это? — спросила Олеся.

— Это сахарница моей мамы. Она говорила: когда в доме молодые, чай надо пить вместе. Иначе люди быстро начинают молчать не к месту. Сегодня будете сидеть в гостиной и пить чай. Вместе. Без побега по углам.

Федор закрыл глаза на секунду.

— Мам.

— Не спорь. У меня сердце.

Это был удар без права на апелляцию. Через десять минут они сидели в гостиной на диване. Рядом. На низком столике стояли чашки, сахарница, печенье и настольная лампа с желтым светом. Екатерина устроилась в кресле напротив с вязанием и таким выражением лица, будто лично организовала спасательную операцию на семейном фронте.

Олеся держала чашку двумя руками. Смотрела в нее так, как будто там могла открыться запасная дверь из ситуации.

— Ну, — сказала Екатерина, — рассказывайте.

— Что именно? — спокойно спросил Федор.

— Что угодно. Как познакомились. Почему поженились. Кто первым сказал «люблю». Хоть что-нибудь человеческое.

Олеся чуть не выронила чашку. Федор тоже застыл. На четверть секунды. Для него это было почти паникой.

— Не слишком быстро? — осторожно спросила Олеся.

Екатерина посмотрела на нее с неожиданной мягкостью.

— Милая. Быстро вы уже расписались. Теперь можно и поговорить.

Вот теперь Олеся по-настоящему оценила масштаб проблемы. Эта женщина не собиралась удовлетворяться красивой вывеской. Ей нужна была жизнь за дверью.

Федор поставил чашку.

— Мы познакомились в Москве.

— Это я знаю.

— На вокзале.

Олеся повернула к нему голову. На вокзале? Вот так, значит. Он придумал на ходу.

— Романтично, — оживилась Екатерина. — А дальше?

— Дальше разговорились.

— И сразу поженились?

— Не сразу, — сказал Федор.

Его голос оставался ровным. Но Олеся уже чувствовала, как он натягивает новую версию на реальность. Осторожно. Как бронезилет на голое тело.

— А когда поняли, что это серьезно? — не отставала мать.

И тут он вдруг посмотрел на Олесю. Не демонстративно. Просто прямо. И ответил:

— Когда стало тихо.

Она замерла.

Екатерина моргнула.

— Что это значит?

Федор не отвел взгляда от жены.

— С ней рядом не надо было изображать из себя кого-то другого.

У Олеси пересохло в горле. Это было неправдой. И в то же время страшно похоже на правду. Потому что в купе они оба и правда сбросили лишнее слишком быстро. От безвыходности и усталости. Чужой темноты за окном.

Екатерина разом смягчилась.

— Вот это уже похоже на моего сына, — тихо самой себе проговорила она. — Редко, но метко.

Олеся поняла, что теперь очередь за ней.

— А вы? — спросила Екатерина.

Она опустила глаза на чай. Потом подняла.

— Мне рядом с ним стало... спокойнее.

Это тоже было правдой. Не полной, но правдой.

Екатерина улыбнулась. И вдруг совсем по-женски вздохнула.

— Ну вот. А я уже надумала, бог знает, что.

Федор фыркнул:

— Это твой любимый спорт.

— А мой сын — любимый повод.

Казалось, напряжение спало. Но только на поверхности. Потому что после чая, когда они поднялись в спальню. Тишина снова стала другой. Более плотной и личной.

Олеся закрыла дверь и сразу прислонилась к ней спиной.

— На вокзале?

Федор расстегивал часы.

— Простая версия.

— А «когда стало тихо» — это тоже версия?

Он положил часы на тумбочку.

— Частично.

— Ты умеешь говорить страшные вещи спокойным голосом.

— Это профессия.

— Бывшая.

— Некоторые навыки не уходят.

Она подошла к окну. За стеклом темнел сад. На яблоне качалась ветка. В доме уже почти все стихло.

— Твоя мать не поверила бы в красивую сказку, да?

— Нет.

— Она вообще многое видит.

— Да.

— Это плохо.

— И хорошо тоже.

Олеся обернулась.

— Ты так уверен?

— Она тебя приняла.

Слова прозвучали очень просто. Но в них было тепло. Глухое. Неумелое. И оттого особенно сильное.

— Она приняла вывеску, — сказала Олеся. — Не меня.

— Нет.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что она не любит фальшь. А к тебе тянется.

Олеся ничего не ответила. Внутри все сжалось. Ее давно никто не принимал без оговорок. Ее или жалели, или боялись, или хотели расспросить. Здесь впервые кто-то просто тянулся. Федор подошел к комоду. Достал из ящика папку. Положил на кровать.

— Что это?

— Копия договора. Тебе.

Она села. Открыла. Пролистала страницы. Строчки были знакомые. Надежные. И вдруг в конце она заметила пункт, которого не запомнила.

— Это что?

— Где?

— «При возникновении обстоятельств, требующих срочной защиты одной из сторон, вторая сторона действует без дополнительного согласования».

Он молчал.

— Ты это добавил?

— Да.

— Когда?

— Ночью.

Олеся медленно подняла голову.

— И не сказал?

— Это не ухудшало твое положение.

— Ты не имел права.

Он кивнул.

— Возможно.

— Федор.

Она встала. Сердце колотилось уже не от страха. От злости. Почти забытой. Живой.

— Ты не можешь решать за меня. Даже если тебе кажется, что так лучше.

Он посмотрел прямо.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Потому что уже сделал.

— Если возникнет реальная угроза, у меня не будет времени спрашивать разрешение.

— Это мой выбор.

— Пока нет опасности — да.

— А если я скажу, что уберу этот пункт?

Он выдержал паузу.

— Уберем.

Сказано было слишком быстро. Без торга. И от этого ее злость споткнулась.

— Вот так просто?

— Да.

— Почему?

— Потому что это твоя жизнь.

Стоял рядом. Спокойный. Но в этой спокойной поверхности уже чувствовалось напряжение. Настоящее. Глубокое.

Олеся медленно закрыла папку.

— Тогда зачем добавил?

Он отвернулся к окну. Ответил не сразу.

— Потому что видел людей, которые не успевали выбрать. А потом было поздно. Ничего уже не было.

В комнате стало тихо. Очень.

Она вдруг ясно поняла, откуда в нем эта жесткость. Не от характера. Из опыта и вины. Памяти о чьей-то смерти. Может быть, о которой он пока не рассказал до конца.

— Ты все равно не имеешь права, — повторила она еще тише.

— Знаю.

— Но хотел бы иметь.

— Да.

— Опасно.

— Да.

Они стояли в полумраке и говорили коротко. Рубленными фразами. Но впервые не прятались за общими словами. Олеся положила папку на комод.

— Пока оставим так. Но больше ничего не меняй без меня.

— Хорошо.

— Никогда.

— Хорошо.

— Даже если решишь, что прав.

— Я понял.

Ей хотелось верить. Не получалось. Но хотя бы было что держать под контролем. Когда они легли, сон снова не шел. Дом поскрипывал. На тумбочке тихо тикали его часы. За стеной кашлянула Екатерина. Олеся уставилась в темноту.

— Федор.

— Да.

— Мы подписали контракт. Никто не говорил, что будет легко.

Он ответил не сразу. Тихо произнес:

— Мы вообще многое подписали, не читая мелкий шрифт.

Она невольно усмехнулась в подушку. Нервы сдали неожиданно и мягко.

— Слишком много тайн, — пробурчала она уже почти шепотом.

— Да.

— И это плохо.

— Да.

— Но ты все равно не отступишь.

— Нет.

Она повернулась к стене. Закрыла глаза.

И почему-то именно в эту ночь впервые подумала не о том, как сбежать. А о том, сколько еще сможет выдержать такая странная, натянутая, опасная близость. В которой оба молчали больше, чем говорили. И все равно слышали друг друга слишком очень хорошо.

Глава 6. ПУБЛИЧНОСТЬ

К утру в доме уже знали, что вечером придется выйти «в люди».

Новость принесла не соседка и не случайная знакомая. Даже не сам Федор. Ее, как приговор, озвучила Екатерина за завтраком, намазывая масло на хлеб. С той невозмутимостью, с какой обычно сообщают о погоде.

— В шесть мы идем к Савельевым.

Олеся подняла взгляд.

— К кому?

— К Савельевым. У Ларисы день рождения. Ничего большого. Свои. Но быть надо.

Федор не сразу оторвался от чашки.

— Мам.

— Что мам? Они сто лет нас зовут. Я уже два раза отказывалась. Третий будет подозрительным.

Олеся медленно положила вилку.

— А почему обязательно нам?

Екатерина посмотрела на нее с мягким удивлением.

— Потому что вы муж и жена. Потому что город маленький. Люди хотят посмотреть на мою невестку. И если вас не показать сейчас, потом начнут сочинять такое, что никакой врач не успокоит.

Федор тихо вздохнул. Он явно понимал, что это не приглашение. Очередной этап. И уклониться от него будет трудно.

— Нас и так уже все обсуждают, — заметил он.

— Обсуждают. Но по кусочкам. А после вечера соберут цельную картину. Так лучше.

Олеся поняла главное. В Камышинском даже торт на чужом юбилее может выполнять функцию официального подтверждения брака.

— А если я не хочу? — спросила она.

Екатерина не обиделась. Даже не удивилась. Просто убрала нож на блюдо.

— Тогда тем более надо идти. Когда женщина не хочет выходить к людям, люди начинают ходить к ней сами.

Фраза прозвучала так точно, что спорить стало бессмысленно.

Федор наконец вмешался:

— Это будет недолго.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я так сделаю.

Екатерина хмыкнула.

— Ты всегда уверен, что можешь управлять временем и людьми. Ни с тем, ни с другим у тебя толком не вышло.

Олеся опустила глаза в чашку, чтобы скрыть улыбку. Мать Федора снова была без промаха.

После завтрака Олеся ушла на веранду. Там уже стоял новый стол. Кресло. Лампа. Полка еще не висела. Коробки с расходниками, которые она успела разобрать, уже придавали помещению вид рабочего места. Ее места. Это ощущение пока было хрупким. Почти декоративным. Но оно спасало.

Она достала палитру. Баночки. Салфетки. Разложила все по цветам. По размерам и необходимости. Пальцы работали привычно. Голова — нет. Там снова крутилась только одна мысль:

вечером придется играть жену. Не перед матерью. Перед чужими. И городом. Федор появился в дверях ближе к полудню. Постоял молча. Потом спросил:

— Нужна помощь?

— Уже нет.

— Это был не вопрос, про мебель.

Олеся не подняла глаз.

— Я поняла.

— Тогда?

Она поставила на стол флакон базы чуть резче, чем собиралась.

— Мне не нравится идти туда, где все будут смотреть.

— Мне тоже.

— Но ты, кажется, умеешь жить под чужими взглядами.

— Умею не реагировать.

— Это не одно и то же.

Он вошел. Остановился у шкафа. Не слишком близко. Как всегда. С учетом ее границ.

— Там не будет опасности, — сказал он спокойно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю этих людей.

Она наконец подняла голову.

— А если опасность не в них? А во мне?

Он молчал пару секунд. Потом сел на край подоконника. Не как хозяин. Скорее как человек, который понимает, что разговор нельзя прервать.

— Объясни.

Олеся сжала в руках пилочку. Тонкую. Почти игрушечную.

— Я не умею больше быть обычной. Понимаешь? Женщины там будут говорить про пироги, детей, мужей, отпуск, ногти, давление, новых соседей. А я все время думаю о том, не появится ли из прошлого кто-то, кто знает мою фамилию. Или лицо. Или мой старый адрес. Я больше не умею просто сидеть и есть салат.

Он слушал молча. Без привычной сухой вставки. Без советов. Только потом сказал:

— Значит, сегодня будешь не обычной. Будешь моей женой.

Фраза прозвучала ровно. Но ее все равно обдало теплом и тревогой одновременно.

— Это одно и то же? — спросила она.

— Сегодня — да.

Она отвела взгляд. На палитру. На лампу. На окно.

— Ты говоришь слишком уверенно.

— Это помогает.

— Тебе.

— Нам обоим.

И снова он был прав так спокойно, что хотелось спорить только из упрямства.

К обеду Екатерина взялась за Олеся всерьез. Не как мать, не как хозяйка, а как женщина, которая считает, что внешний вид способен спасти полмира и половину нервов.

— Так. Показывай, что у тебя есть.

— Что именно?

— Платье.

Олеся замерла.

— У меня нет платья.

Екатерина перестала дышать на секунду.

— Как это нет?

— Так. Есть юбка. Рубашка. Брюки. Свитер. Еще один свитер. И жизнь, в которой мне давно было не до красивых выходов.

Сказано вышло жестче, чем она хотела. Но Екатерина не обиделась. Только посмотрела очень внимательно. Потом кивнула.

— Понятно.

И ушла к себе.

Вернулась через пять минут с коробкой.

— Вот.

— Что это?

— Открывай.

Внутри лежало платье. Темно-синее. Простое. Тонкое. Не праздничное, а именно хорошее. Такое, которое не кричит о себе, но держит спину.

Олеся тронула ткань.

— Нет.

— Да.

— Я не могу взять.

— Можешь.

— Екате... мама, это ваше.

Екатерина улыбнулась. Совсем мягко.

— Оно куплено было не мне. Я еще надеялась, что однажды у моего сына появится женщина, которой понадобится нормальное платье, а не допрос.

Олеся не знала, смеяться ей или плакать.

— Вы покупали платье для невестки заранее?

— Я женщина с больным сердцем и тревожным умом. Я многое покупаю заранее.

Из коридора донесся очень тихий звук. Кажется, Федор кашлянул, пряча смех.

Олеся все-таки взяла коробку.

— Если не подойдет?

— Тогда подгоним. Я не зря тридцать лет шила половину этого города.

Вот еще одна новая деталь. Мать Федора не просто жила красиво. Она еще и умела руками. Становилось понятно, откуда в доме так много текстиля, салфеток, штор и точных складок на скатертях.

Платье подошло почти идеально. Чуть тесно в талии. Совсем немного свободно в плечах. Но в целом — как будто его действительно ждали.

Олеся стояла перед зеркалом и смотрела на себя с тем странным ощущением, когда лицо знакомое, а жизнь нет.

Темные волосы она собрала низко. У висков оставила несколько прядей. Макияж сделала очень легкий. Только тон, тушь и губы. Не хотелось быть яркой. Хотелось выжить.

На столике в спальне лежала маленькая коробочка. Когда она открыла, внутри оказались серьги. Небольшие. Серебряные. Тонкие. Явно тоже от Екатерины.

— Нет, — сказала она вслух пустой комнате. — Нет. Нет.

— Да, — ответил голос от двери.

Олеся резко обернулась. Федор стоял, прислонившись плечом к косяку. Уже в темной рубашке и пиджаке. Строгий. Собранный. Такой, будто вечер — это просто очередная операция под прикрытием.

— Ты подслушивал?

— Я зашел постучать. Ты спорила с серьгами.

— И они пока выигрывают.

Он подошел ближе. Взял коробочку. Достал одну серьгу.

— Можно?

Она замерла. Горло сразу пересохло.

— Что именно?

— Помочь.

Всего одно слово. Простое. Но внутри тут же поднялась старая волна. Чужие руки. Чужая близость. Непрошеное движение.

Он все понял еще до того, как она ответила. И уже хотел отступить. Она сама остановила.

— Подожди.

Федор замер.

Олеся медленно повернулась к зеркалу. Убрала волосы за ухо.

— Только осторожно.

— Конечно.

Он подошел. Почти вплотную. Не касаясь лишнего. Только пальцы у мочки уха. Очень теплые. Очень спокойные. Запах у него был простой. Чистый. Без тяжелого парфюма. Только рубашка, мыло и что-то мужское, почти неуловимое.

Серьга вошла не сразу. Она чуть вздрогнула.

— Больно?

— Нет.

— Я не очень часто это делаю.

— Я догадалась.

— Неудачная шутка?

— Слабая.

— Принято.

Вторую серьгу он надел быстрее. Потом отступил. Сразу. Будто соблюдал внутренний закон: помог — отойди.

Олеся подняла взгляд на зеркало. И увидела там странную картину. Женщина в темно-синем платье. Слишком прямая спина. Слишком настороженный взгляд. И мужчина рядом. Сдержанный. Собранный. Неприступный. Со стороны они и правда выглядели почти идеально.

— Мы должны быть идеальными для всех, даже если сами в это не верим, — тихо сказала она.

Он встретился с ней глазами в зеркале.

— Нам не нужно быть идеальными.

— А какими?

— Достаточно убедительными.

От этой формулировки стало легче. Совсем чуть-чуть. И одновременно страшнее. Потому что убедительность предполагает игру. А игра у нее всегда ассоциировалась с опасностью.

Дом Савельевых стоял на соседней улице. Идти было недалеко. Екатерина настояла на пешей прогулке.

— Люди должны видеть, как вы идете вместе, — пояснила она. — Это производит хорошее впечатление.

Олеся уже переставала удивляться тому, как прагматично в этом городе понимали романтику.

На улице было прохладно. Фонари уже загорелись. В окнах светились занавески. Где-то тянуло жареным луком. Где-то — печным дымом. Камышинский жил близко. Кожа к коже. Окно к окну. Слух к слуху.

У калитки Федор вдруг негромко сказал:

— Дай руку.

Олеся резко повернулась.

— Что?

— На улице.

— Это обязательно?

— Да.

Она опустила взгляд на его ладонь. Большую. Спокойно раскрытую. Без нажима. Просто предложение. Он не тянул. Не торопил. Ждал.

Олеся вложила пальцы в его руку. И сразу почувствовала себя странно. Не плохо. Не безопасно. Просто странно. Как будто тело не успело согласовать с головой этот поступок.

Его ладонь сжалась ровно настолько, чтобы это выглядело естественно.

— Если хочешь, можно под локоть, — тихо сказал он.

— Уже нет.

— Хорошо.

Они шли молча. Но тишина была не пустой. Она вся состояла из уличного света, шагов, чужих взглядов из-за занавесок и ощущения, что они оба сейчас играют сцену, в которой почему-то слишком много правды.

Савельевы жили широко. Не богато. Именно широко. Дом с большой верандой. С двумя фонарями у крыльца. С клумбами, укрытыми на зиму. Изнутри уже доносились голоса и музыка. Негромкая. Старая. Из тех песен, под которые люди либо ностальгируют, либо спорят на кухне.

Дверь открыла сама Лариса Савельева. Полная. Румяная. В яркой кофте и с глазами женщины, которая любит гостей, сюрпризы и новости в равной степени.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Господи, Катя, ну ты не обманула. И правда красива.

Олеся почувствовала, как ее ладонь в руке Федора чуть напряглась. Он слегка сжал пальцы. Почти незаметно. Но этого хватило.

— Поздравляю, — сказала Олеся и протянула коробку с тортом, которую им вручила Екатерина перед выходом, как дипломатический пропуск.

— Проходите, проходите. Все уже здесь.

В гостиной было тепло. Ярко. Много лиц. Много запахов. Много чужой жизни, слепленной в один вечер. Мужчины стояли у окна с рюмками. Женщины сидели ближе к столу. На диване уже кто-то смеялся. На буфете горела гирлянда, оставшаяся, видимо, еще с Нового года. Все это разом обрушилось на Олесю, как шумный вал.

— Это Федор, все знают. А это его жена Олеся, — громко объявила Лариса, и комната дружно повернулась к ним.

Вот. Началось.

Ей улыбались. Кивали. Присматривались. Не зло. Но внимательно. Как на примерке. Как будто город проверял: настоящая ли.

— Из Москвы? — спросила кто-то справа.

— Да.

— И как вам у нас?

— Тихо, — ответила Олеся.

— Ой, это сначала, — добродушно засмеялась другая. — Потом привыкнете, и начнется.

Федор помог ей снять пальто. Повесил сам. Потом подвел к столу. Не ведя за собой. Просто рядом. И именно эта манера оказалась самой правильной. Не слишком навязчиво. Не слишком холодно.

Лариса усадила их вместе. Очень близко. Так близко, что колено Олеси невольно коснулось ноги Федора под столом. Она тут же отдернулась. Он — нет. Только слегка сместился, давая ей пространство. Без лишнего движения.

— Ну рассказывайте, — весело сказала Лариса. — Как это вы так тихо и быстро?

Екатерина, сидевшая чуть поодаль, сделала вид, что слишком занята салатом, чтобы спасти молодых от допроса.

Федор взял слово первым.

— Спокойно.

— Как интересно, — протянула Лариса. — Прямо дух захватывает от страсти.

За столом засмеялись. Олеся тоже улыбнулась. Надо было. И вдруг заметила, что Федор, к ее удивлению, не напрягся. Наоборот. В нем появилось что-то почти живое.

— Это потому, что вы плохо представляете себе мою страсть к тишине, — сказал он.

Смех за столом стал громче.

— Нет, — махнула рукой Лариса. — Вот это я как раз представляю. Но все равно интересно, где ты такую женщину нашел.

Олеся поняла, что сейчас нельзя молчать.

— Он меня не нашел, — сказала она спокойно. — Мы просто вовремя встретились.

Фраза повисла в воздухе. Простая. Но достаточно емкая. Женщины за столом заметно смягчились. Им понравилось. Олеся увидела это почти физически.

Лариса довольно кивнула.

— А вот это хорошо сказано.

Одна из соседок тут же подхватила:

— И работает красиво. Мне Катя уже все уши прожужжала. Маникюр, да?

— Да, — сказала Олеся.

— А на дому?

— Пока да.

— Значит, я первая в записи.

— Нет, — вмешалась Екатерина. — Первая Нина. У нее юбилей.

— Ну и пусть. Я вторая.

Разговор внезапно ушел в ногти, базу, форму, френч, укрепление и красный цвет. Последнее слово опять царапнуло где-то внутри, но Олеся удержала лицо. Отвечала коротко. По делу. Профессионально. И довольно быстро почувствовала: это работает. Когда она говорила как мастер, страх отступал. У профессии был свой голос. Уверенный. Четкий. Без дрожи.

Федор молча слушал. Иногда подливал ей воду. Один раз подвинул тарелку с закуской, когда увидел, что она так и не взяла ничего сама. Движение вышло будничным. Почти супружеским. И именно от этого у Олеся внутри стало беспокойно.

Музыка сменилась. Кто-то предложил тост. Потом еще один. Потом хозяйка вдруг хлопнула в ладоши.

— Так. Молодые у нас сегодня главная новость. Значит, танцевать будут первыми.

Олеся замерла.

— Нет, — сказал Федор сразу.

— Да, — отрезала Лариса. — Нельзя прийти к людям такой красивой парой и не танцевать. Это вообще против этикета.

— Я не танцую, — тихо сказала Олеся.

— Прекрасно, — ответила Лариса. — А он научит.

Федор повернулся к жене.

— Хочешь отказаться?

Она чувствовала на себе слишком много глаз. Слишком много ожидания. И вдруг поняла простую вещь. Отказ сейчас будет замечен сильнее, чем любой неуклюжий шаг.

— Нет, — сказала она. — Уже нет.

Он встал первым. Протянул ей руку. И снова это вышло без давления. Просто как путь, по которому можно пойти. Или не пойти.

Она встала.

Музыка была медленная. Почти старомодная. Не романтическая. Скорее домашняя. Такая, под которую люди вспоминают себя моложе и красивее, чем были на самом деле.

Федор положил ладонь ей на спину. Очень аккуратно. Чуть выше талии. Вторую руку держал с ее пальцами. Олеся сделала вдох. Потом еще один.

— Если наступлю, не умирай, — прошептала она.

— Постараюсь.

— Ты серьезен даже в танце.

— Это защитная реакция.

— От меня?

— От внимания зала.

Она едва не фыркнула. И именно это ее немного расслабило.

Он вел уверенно. Не мягко. Но бережно. Не тянул. Не давил. Просто задавал ритм. Ей оставалось не бороться. И, наверное, впервые за весь вечер Олеся поняла, как сильно устала держать всё под контролем. Иногда можно было просто пойти за чужим движением. На три минуты. На один танец.

— На нас смотрят, — сказала она.

— Пусть.

— Им нравится.

— Это было целью.

— Ты циничный.

— Я практичный.

— Это уже было.

— Значит, правда.

Она подняла глаза. И увидела, что он тоже смотрит на нее не так, как раньше. Взгляд оставался собранным. Но в нем уже не было одной только задачи. Там появилось что-то человеческое. Теплое. Почти удивленное.

— Что? — тихо спросила она.

— Ничего.

— Не ври.

Он помолчал. Потом ответил:

— Ты очень красивая.

Олеся сбилась с шага.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что это осложняет.

— Что именно?

— Все.

Он чуть крепче сжал ее пальцы. Не болезненно. Просто не давая окончательно развалиться ритму.

— Тогда считай это констатацией, — сказал он.

Она уже не знала, что хуже. Если бы он сказал красиво. Или вот так. Просто. Сухо. И оттого страшно честно.

Когда танец закончился, заплодировали даже мужчины у окна. Лариса сияла. Екатерина смотрела на них так, будто ей только что выдали рецепт еще на десять лет жизни.

Олеся села обратно слишком быстро. Щеки горели. Сердце било под горло. Она взяла бокал воды и сделала большой глоток.

— Ты в порядке? — тихо спросил Федор.

— Нет.

— Хочешь выйти?

— Еще не знаю.

И в этот момент одна из женщин за столом, полноватая блондинка с золотой цепочкой, наклонилась к соседке и сказала, как ей казалось, очень тихо:

— А ведь Петрову его бывшую тоже Олеся звали, да?

Мир не рухнул. Не закричал. Не стал темнее. Он просто мгновенно сузился до одной точки.

Олеся перестала слышать музыку.

Федор это уловил сразу. Не слова. Ее. Как она застыла. Как в руке дрогнул бокал. Как плечи стали каменными.

— Олеся, — сказал он почти беззвучно.

Она не ответила.

Женщина рядом уже поняла, что сказала лишнее, и поспешно замолчала. Но поздно. Имя прозвучало. Чужая история царапнула настоящее.

Федор поднялся.

— Извините. Мы на минуту.

Он не дал никому времени на вопросы. Просто помог Олесе встать и вывел ее в коридор. Потом на веранду. Там было темно. Прохладно. Пахло мокрым деревом и дымом из трубы.

Она стояла, вцепившись в перила.

— Ты слышал? — спросила она.

— Да.

— Конечно слышал.

Он молчал.

— Это уже здесь, — сказала она тихо. — Понимаешь? Это не осталось в Москве. Не осталось в бумагах. В новостях. Все уже здесь. В чужом доме. За чужим столом. В чужих языках.

Голос дрожал. Но не срывался. Это было даже страшнее.

Федор встал рядом. Не касаясь.

— Это была не ты.

— Для них — почти я.

— Нет.

Она резко повернулась.

— Ты не понимаешь. Для людей это всегда почти одно и то же. Жена убийцы. Молодая. Красивая. Москва. История. Позор. Жалость. Подозрение. Они не будут разбираться.

— Будут.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я не дам им другого.

Он сказал это тихо. Но твердо. Так, как говорят не о надежде. О решении.

Олеся закрыла глаза.

— Мне надо домой.

— Хорошо.

— Прямо сейчас.

— Хорошо.

— И пусть потом думают что хотят.

— Пусть.

Он все время отвечал одинаково. Без паники. Без нажима. И от этого ее собственный страх не разрастался дальше. Оставался в теле. В руках. В горле. Но не захватывал целиком.

Через минуту они уже прощались. Лариса хлопотала, предлагала забрать торт, звала в другой раз без официальностей. Екатерина пыталась понять по лицам, что случилось. Но Федор мягко сказал:

— Олеся устала.

И мать, к удивлению жены, не стала допрашивать. Только коротко кивнула. И пошла за ними домой сама.

Обратная дорога была тихой. Не той спасительной тишиной, что иногда возникала между ними. Другой. Натянутой. После удара.

Дома Екатерина сняла платок, поставила чайник и только тогда спросила:

— Что произошло?

Федор посмотрел на Олесю. Она стояла у окна в гостиной и не оборачивалась.

— Ничего особенного, — сказала она раньше него. — Просто устала.

Екатерина подошла ближе. Очень осторожно.

— Мне не нужно знать лишнее. Но мне нужно понимать, не обидел ли тебя кто-нибудь в моем городе.

Олеся неожиданно почувствовала, как в горле встает ком.

— Ваш город тут ни при чем.

— Нет, — мягко возразила Екатерина. — Если ты плачешь после первого вечера, мой город очень даже при чем.

Только тогда Олеся поняла, что по щеке действительно течет слеза. Одна. Тихая. Без истерики. Просто тело уже не держало.

Федор шагнул было к ней. Потом остановился. И это его сдержанное движение вдруг оказалось важнее любого объятия. Он не лез. Не исправлял. Не присваивал ее боль.

Екатерина перевела взгляд с нее на сына. И все поняла. Не факты. Не детали. Главное.

— Иди, — тихо сказала она Федору. — А я пока сделаю чай.

В спальне было темно. Только лампа у кровати. Олеся села на край матраса и сняла серьги. Положила на тумбочку. Очень аккуратно. Как будто боялась, что если сделает резкое движение, день развалится окончательно.

Федор остался у двери.

— Я могу войти?

Она подняла на него усталые глаза.

— Это и твоя комната.

— Не всегда.

— Входи.

Он подошел. Сел на стул. Не рядом. Напротив. И в этом снова было что-то поразительно правильное.

— Ты хочешь поговорить? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

— Но ты все равно останешься.

— Да.

Она закрыла лицо ладонями.

— Я ненавижу это.

— Что именно?

— Что один чужой шепот может испортить целый вечер. Что я иду туда как человек, а потом одно слово — и снова становлюсь приложением к чьему-то кошмару.

Он молчал. И она заговорила дальше. Тише. Уже почти себе самой.

— Я ведь почти поверила. На какой-то час. За столом. Когда они говорили про ногти, про цвет, про клиентов. Когда твоя мать смотрела на нас и светилась. Когда мы танцевали. Я почти поверила, что могу быть просто женщиной. Без этого хвоста за спиной.

Федор поднял взгляд.

— Ты и была ей.

— Нет. Потому что этого оказалось достаточно, чтобы все вернуть.

— Одной фразой ничего не вернуть.
— Ты опять говоришь как человек, который умеет отрезать лишнее.
— А ты сейчас говоришь как человек, который верит только в худшее.

Она опустила руки. Посмотрела прямо.

— Потому что худшее уже было.

Тишина в комнате стала густой. Почти осязаемой.

Он встал. Подошел к окну. Потом сказал, не оборачиваясь:

— Я не могу стереть твое прошлое.

— Знаю.

— Но я могу сделать так, чтобы оно не управляло каждым вечером.

— Каким образом?

Теперь он повернулся.

— По частям.

Она горько усмехнулась.

— Ты опять все делишь на части.

— Иначе это невозможно вынести.

Олеся долго смотрела на него. На прямую спину. На усталые глаза. На ту сдержанность, за которой он прятал почти все.

— Ты всегда такой? — тихо спросила она.

— Какой?

— Как будто собираешь разрушенный дом и даже не надеешься, что в нем кто-то будет жить. Но все равно собираешь.

Он ответил не сразу.

— Да.

Она отвернулась.

Снизу позвала Екатерина:

— Чай готов!

Олеся вздохнула. Медленно. Глубоко.

— Я не хочу спускаться.

— Тогда не надо.

— Она обидится.

— Нет.

— Почему?

— Потому что она тоже умеет слышать тишину.

Они все-таки спустились. На кухне горел мягкий свет. На столе стояли чашки, мед, лимон, сухари и маленькая вазочка с клубничным вареньем. Екатерина ничего не спрашивала. Просто поставила чай перед Олесей и сказала:

— Пей. Потом станет легче. Не сразу. Но станет.

И в этот момент Олеся вдруг ясно поняла: сегодня вечером она устала не от чужих глаз. Не от платья. Не от танца. Она устала от того, как сильно ей самой захотелось поверить в эту новую роль.

Потому что именно это делало ее опасной.

Потому что если слишком поверить, потом будет нечем защищаться.

Она взяла чашку. Подняла взгляд на Федора. Он сидел напротив. Спокойный. Молчаливый. Такой же невозможный, как в поезде. И уже совсем не чужой.

Но верить в это было рано.

Слишком рано.

Глава 7. СЕКРЕТЫ СТАРОГО МИРА

Утро после вечера у Савельевых было тихим. Почти бережным. Как будто дом сам понял, что Олеся нужно не участие, а пауза.

Она проснулась рано. Еще до будильника, которого не ставила. Просто открыла глаза и сразу вспомнила все. Шепот за столом. Имя. Танец. Веранду. Чай с вареньем. Свой голос, который вчера держался из последних сил и все-таки не сорвался.

Рядом было пусто. Федор опять встал раньше. Но в этот раз его одеяло не лежало на стуле идеально ровным прямоугольником. Один край свисал. Мелочь. Ерунда. Но почему-то именно она подсказала: спал он тоже плохо.

Олеся села. Потерла ладонями лицо. В комнате было прохладно. Из кухни тянуло хлебом. В доме уже кто-то двигался. Наверное, Екатерина. Или он. Или оба. Здесь люди не умели валяться в постели до полудня и делать вид, что жизни нет.

Она оделась быстро. Собрала волосы. Застегнула кофту до горла. Перед зеркалом задержалась на секунду. Лицо было бледным. Но не разбитым. Уже хорошо.

На кухне Федор сидел у окна с чашкой кофе и телефоном в руке. Екатерина раскладывала по тарелкам сырники. Оба подняли головы одновременно. Как будто ждали.

— Доброе утро, — сказала Олеся.

— Доброе, — мягко ответила Екатерина. — Как ты?

— Нормально.

Это слово уже начинало ей надоедать. В нем было слишком много лжи для четырех букв.

Федор молча встал. Подвинул ей стул. Она села. На столе уже стояла чашка. Чай. Не кофе. Он запомнил, что по утрам она выбирает чай. Эта маленькая точность раздражала и успокаивала одновременно.

Екатерина не спрашивала про вчерашнее. Только один раз внимательно посмотрела на сына. Потом на Олесю. И сказала:

— Сегодня никто вас никуда не тянет. Живите спокойно.

Вот это «живите спокойно» почему-то зацепило сильнее заботы. Будто спокойствие было чем-то отдельным. Почти предметом. Почти роскошью.

После завтрака Олеся ушла в кабинет. Ей нужно было занять руки. Обязательно. Иначе голова начнет жить своей жизнью и потащит ее туда, куда не надо.

Она распаковала последние коробки. Расставила фрезы. Отдельно базы. Отдельно цвета. Протерла стол. Проверила лампу. Потом села и стала делать палитру. Первый нюд. Второй. Третий. Молочный. Пыльная роза. Холодный беж. Руки работали уверенно. Точно. Вот только мысли все равно ползли обратно.

Петрову его бывшую тоже Олеся звали, да?

Фраза была пустяковой. Почти случайной. А ощущение от нее осталось такое, будто кто-то пальцем нажал на старый синяк.

Она положила кисть. Выдохнула. Потом услышала шаги за дверью.

Федор вошел без стука. Но остановился на пороге. Не пересек границу сразу.

— Можно?

— Уже вошел.

— Значит, можно.

В руках у него была папка. Простая. Серая. Не местная. Не бытовая. Слишком рабочая для домашнего утра.

Олеся напряглась мгновенно.

— Что это?

— То, о чем нам надо поговорить.

— Уже не нравится.

Он вошел. Закрыл дверь. Положил папку на край стола. Не придвинул. Дал ей самой решить, смотреть или нет.

— Мне утром написал один человек из Москвы, — сказал он.

У Олеси внутри все сжалось.

— Кто?

— Бывший коллега.

— Я думала, ты больше не работаешь.

— Не работаю. Но связи остались.

Она медленно подняла на него взгляд.

— Ты копал под меня?

Он выдержал паузу.

— Да.

Честно. Спокойно. Без оправданий.

— Замечательно.

— Я должен был понимать масштаб.

— Не должен.

— Должен.

— Это уже становится привычкой.

— Возможно.

Олеся встала. Слишком резко. Кресло тихо скрипнуло.

— И что ты узнал? Что я правда была женой чудовища? Что фамилия у меня не выдуманная? Что газетам было весело? Поздравляю. Тайна века раскрыта.

Он смотрел на нее очень прямо.

— Я узнал не это.

— А что?

— Что родственники двух погибших девушек действительно пытались выйти на тебя после ареста Петрова.

Она застыла.

— Что значит пытались?

— Запрашивали адрес через знакомых. Искали старые фото. Поднимали твои соцсети.

Один раз приезжали к дому, где ты раньше жила.

Воздух в маленьком кабинете будто стал жестче.

— Когда?

— После его смерти по документам. Через пару недель.

— По документам?

Он понял, что оговорился. Поздно.

Олеся шагнула к нему.

— Что значит «по документам»?

Федор медленно выдохнул.

— Сейчас это не главное.

— Для меня главное.

— Олеся.

— Нет. Не уходи в сторону. Ты сказал «по документам». Это что значит?

Он молчал слишком долго. И в этом молчании уже был ответ. Не весь. Но достаточно страшный.

— Ты что-то еще знаешь, — сказала она очень тихо.

— Пока нет подтверждения.

— На что?

Он посмотрел на папку. Потом снова на нее.

— На то, что история с его смертью может быть не такой чистой, как тебе сообщили.

Мир не качнулся. Не провалился. Просто вдруг стал очень, очень узким. До края стола. До папки. До его лица напротив.

— Нет, — сказала она сразу.

Не возразила. Просто отказалась впускать.

— Я не утверждаю, — сказал он. — Я проверяю.

— Нет.

— Олеся.

— Нет.

Она отступила на шаг. Потом еще. Уперлась бедром в подоконник. Холод стекла отдался в спину.

— Мне пришло уведомление. Официальное. Из колонии. Подпись. Печать. Справка.

— Я знаю.

— Тогда что ты сейчас делаешь? Зачем?

— Потому что если там есть ошибка, я должен знать раньше, чем она доберется до тебя.

Вот. Опять. Должен. Раньше. Доберется. У него даже страх звучал как инструкция к действию.

Олеся закрыла глаза. На секунду. Только чтобы не видеть эту проклятую папку.

— Что еще? — спросила она.

— Вчера после вечера я позвонил в Москву. Попросил проверить, остались ли активные запросы по твоему имени.

Она открыла глаза.

— Вчера? Когда?

— Поздно.

— Пока я спала?

— Да.

— Прекрасно.

— Не прекрасно. Но нужно.

— Для кого?

— Для нас обоих.

Ее вдруг затрясло. Не сильно. Но противно. Изнутри.

— Я устала от того, что мою жизнь все время кто-то проверяет. Следователи. Полиция. Журналисты. Родственники. Теперь еще ты.

Он не дернулся. Не оправдался. Просто сказал:

— Я бы предпочел, чтобы это делал только я.

Фраза прозвучала ужасно. Почти по-хозяйски. Почти опасно. И он сам это понял в ту же секунду.

— Не так, — сказал он сразу. — Я не про контроль.

— А про что?

— Про защиту.

— Люди вроде тебя всегда считают, что между этими словами маленькая разница.

Тишина стала тяжелой. Почти металлической.

Потом он медленно открыл папку. Достал один лист. Протянул ей.

— Вот.

Она не хотела брать. Очень. Но взяла.

Это была распечатка. Несколько строк. Сухих. Служебных. И оттого особенно страшных.

... в неофициальных разговорах упоминалась бывшая супруга Петрова. Сохраняется убежденность части потерпевших, что она знала больше, чем сообщила...

Олеся перечитала один абзац дважды. Потом третий раз. Буквы не плыли. Они, наоборот, становились все четче.

— «Знала больше», — повторила она тихо. — Конечно. Это же так удобно. Если рядом стояла жена, значит, точно что-то видела. Точно молчала. Точно покрывала.

— Люди ищут, куда деть свою боль.

— А я, значит, удобная мишень.

— Да.

Он ответил слишком быстро. И именно это заставило ее вскинуть голову.

— Ты тоже так думал?

— Нет.

— Сразу?

Он помолчал.

— Сначала я думал, что ты недоговариваешь.

— Спасибо.

— А потом понял, что ты просто выживала.

Вот теперь стало тише. Не легче. Просто тише.

Она села. Очень медленно. Папка лежала перед ней. Серый картон. Ничего особенного. А ощущение такое, будто на стол положили старую могильную плиту.

— И что теперь?

Федор тоже сел. На подоконник. Как раньше. Но сейчас между ними было уже не состояние, а что-то другое. Общее напряжение.

— Теперь мы понимаем, что твое прошлое не закрыто.

— Я и без папки это понимала.

— Нет. Теперь мы понимаем, что оно не только в твоей голове.

Олеся провела ладонью по лбу.

— Это жестоко.

— Да.

— И ты решил сказать мне прямо с утра?

— Лучше от меня.

— Это тоже твоя любимая фраза?

— Одна из.

Она вдруг усмехнулась. Криво. Без радости.

— У тебя удивительный талант делать еще хуже, чем уже есть.

— Я стараюсь делать точнее.

— В обычной жизни людей за это не любят.

— Я заметил.

От этой короткой сухой реплики у нее опять дрогнуло что-то внутри. Неуместно. Почти нежно. Как будто за всей его жесткостью стояла усталость человека, который слишком давно привык быть плохим вестником.

Она положила бумагу обратно.

— И что с родственниками?

— Сейчас тише. Но не пусто.

— Что это значит?

— Кто-то из них все еще считает, что ты избежала своей части наказания.

— Какой именно части? Быть замужем за психопатом? Или не умереть рядом?

Голос все-таки сорвался. Не в крик. В резкость.

Он ничего не сказал. Только выдержал ее взгляд.

— Прости, — выдохнула она через секунду. — Это не тебе.

— Знаю.

— Но ты принес.

— Да.

— Значит, тебе тоже досталось.

— Нормально.

Опять это слово. Нормально. Все у них было нормально. Прямо клуб любителей вранья короткими фразами.

В дверь постучали. На этот раз по-настоящему. Осторожно.

— Можно? — это была Екатерина.

Олеся быстро провела ладонью по лицу. Федор уже закрыл папку.

— Да, — ответил он.

Мать вошла с тарелкой яблочных оладий и сразу почувствовала воздух в комнате. Хорошие женщины всегда чувствуют воздух. Особенно плохой.

— Я не вовремя?

— Вовремя, — сказала Олеся слишком поспешно.

Екатерина поставила тарелку на стол. Посмотрела на сына. Потом на жену. Потом на папку.

— Я не спрашиваю. Просто напоминаю. В этом доме есть чай. Еда. И дверь, которую можно закрыть, если внешний мир опять решил вести себя мерзко.

Олеся опустила глаза. В горле вдруг стало горячо.

— Спасибо.

— Не за что. И еще. Тебя после обеда Нина ждет. На покрытие. Не сбежишь?

Вот это было спасение. Самое простое. Самое глупое. Клиентка. Ногти. Цвет. Пыль от опила. Обычная женская рутина. То, за что можно зацепиться руками.

— Не сбегу, — сказала Олеся.

— Вот и славно.

Когда Екатерина ушла, в комнате стало чуть легче. Не потому что угроза исчезла. Просто жизнь снова напомнила о себе самым бытовым способом.

Олеся открыла верхний ящик стола. Достала новую палитру.

— Какой у Нины характер? — спросила она, не поднимая глаз.

Федор чуть удивился смене темы. Но ответил сразу:

— Громкий.

— Это полезно?

— Иногда утомительно. Но честно.

— Уже хорошо.

Он встал.

— Мне надо в город.

Она напряглась.

— Куда?

— В отдел.

Слово прозвучало буднично. Но не для нее.

— В МВД?

— Да.

— Зачем?

— Проверить кое-что по своим каналам.

— По моему делу?

— По возможным связям.

— Я не хочу, чтобы ты ходил туда из-за меня.

— Поздно.

— Федор.

— Я не собираюсь поднимать шум. Просто сверю информацию.

Она вцепилась пальцами в край стола.

— А если кто-то узнает?

— Уже знают.

— Ты понимаешь, как это звучит? Молодая жена бывшего следователя — бывшая жена маньяка. Да тут половина города сгорит от счастья.

Он подошел ближе.

— Поэтому я иду туда один.

— Это не ответ.

— Это решение.

— Я ненавижу, когда ты так делаешь.

— Я знаю.

— И все равно делаешь.

— Да.

Вот за это ей хотелось одновременно швырнуть в него палитрой и схватиться за пиджак. Потому что он опять принимал удар на себя. И опять не спрашивал, нравится ли ей такой способ защиты.

— Вернешься быстро? — спросила она уже тише.

— Да.

— Обещаешь?

Он замер на долю секунды.

— Постараюсь.

— Ненавижу это слово.

— Я тоже.

Он ушел, а Олеся еще минуту сидела неподвижно. Потом резко поднялась. Открыла окно. Впустила в кабинет холодный воздух. Нужен был кислород. Нужна была ясность. Нужна была хоть какая-то поверхность, на которую можно поставить ноги.

После обеда пришла Нина. Крупная. Румяная. В ярком пуховике. С голосом женщины, которая способна перекричать маршрутку, телевизор и собственную свекровь.

— Ну здравствуй, красавица. Катя мне все уши прожужжала. Сразу говорю: я вредная. Но плачу честно.

— Это уже хороший набор, — сказала Олеся.

Нина уселась в кресло, вытянула руки и с любопытством огляделась.

— Уютно. Свет хороший. Это правильно. Мастеру свет нужен. И терпение. Особенно с такими, как я. Мне красный.

Олеся замерла на секунду.

— Красный какой?

— Глубокий. Не бабский. И не девичий. Чтобы как будто я женщина, которая может простить, но лучше не проверять.

Олеся вдруг усмехнулась. По-настоящему.

— Поняла.

Работа пошла почти сразу. Обработка. Форма. Разговор. Нина говорила много. Про сына. Про огород. Про давление. Про Савельевых. Про местную продавщицу, которая опять «красит губы как грех». И в этом потоке слов было что-то спасительное. Жизнь не сводилась к одному ужасу. Она упрямо продолжала существовать. С борщом. С маникюром. С юбилеями. С соседями.

— А ты сама где раньше работала? — спросила Нина.

— В Москве.

— В салоне?

— Да.

— Хорошобрала?

— Нормально.

— Это ты зря. Надо говорить: дорого. У хорошей мастерицы руки дешево стоять не могут.

Олеся подняла взгляд. И вдруг поняла, что ей давно никто не говорил ничего настолько нормального.

Когда покрытие было почти готово, в дверь постучали. Не Екатерина. Не ветер. Четко. Мужской ритм.

Олеся вздрогнула. Кисть дернулась.

— Тихо-тихо, — тут же сказала Нина. — Я живая еще. Не режь.

— Извините.

Стук повторился.

— Войдите, — сказала Олеся, и сердце сразу ушло куда-то вниз.

Но это был не Геннадий. И не полицейский. Просто участковый. Молодой. Светловолосый. С вежливым лицом и привычкой смотреть чуть дольше, чем надо.

— Добрый день. Извините. Федор Сергеевич дома?

Олеся почувствовала, как у нее леденеет спина.

— Нет.

— Понял. Я позже зайду.

Он уже хотел выйти, но взгляд зацепился за Нину, за лампу, за баночки, за ее руки в перчатках.

— Вы, значит, и есть новая мастерица?

Нина хмыкнула:

— Ты чего, Паша? Уже записываться пришел?

Парень смутился.

— Нет, я... просто спросил.

Олеся держала лицо. Изо всех сил.

— Если вы ищите Федора, он вернется позже.

— Хорошо. Передайте, пожалуйста, что Сергей Ильич звонил из отдела. Просил его набрать.

Вот и все. Ничего особенного. Но слово «отдел» снова ударило туда же.

Когда дверь закрылась, Нина внимательно посмотрела на Олеся.

— Боишься формы?

Олеся медленно выдохнула.

— Немного.

— Зря. Этот Пашка безобидный. Воробья оформит так, что тот сам от стыда улетит.

Олеся усмехнулась. Криво, но уже лучше, чем ничего.

Рабочий день закончился ближе к вечеру. Нина ушла довольная, с руками, которые и правда выглядели так, будто могут и простить, и не простить. Екатерина зашла позже, ахнула от красоты, похвалила свет, мебель и «профессиональную тишину», которая теперь жила на веранде. Потом ушла ставить чай.

А Федор все не возвращался.

Сумерки сгущались быстро. Олеся сидела на кухне и слушала, как чайник начинает шуметь. Потом затихает. Потом снова. Каждый звук казался слишком громким.

— Он обещал быстро? — спросила Екатерина, будто невзначай.

— Сказал, постарается.

— Значит, задерживается.

— Вы спокойно об этом говорите.

— Потому что с ним иначе нельзя. Если начнешь паниковать каждый раз, когда он задержался, сердце кончится раньше, чем сын исправится.

Олеся смотрела в окно.

— Вам не страшно?

Екатерина пожала плечом.

— Страшно. Но я давно поняла: с такими мужчинами страх нельзя ставить во главе стола.

Он и без того в доме живет.

Фраза показалась ей страшно точной. Страх у них и правда уже жил. Не как гость. Как тихий родственник.

Федор вернулся, когда уже совсем стемнело. Вошел быстро. Снял пальто. Положил ключи. Все движения четкие. Но по лицу было видно — день вышел тяжелым.

Олеся встала первой.

— Ну?

Он посмотрел на Екатерину. Та сразу поднялась.

— Я поставлю чай. И не буду мешать. Но если вы меня не позовете через пять минут, я все равно приду.

Когда они остались одни, он достал из внутреннего кармана еще один лист.

У Олеся даже сил злиться не осталось.

— Опять?

— Да.

— Я уже начинаю ненавидеть бумагу.

— Это взаимно.

Она взяла лист. Пробежала глазами.

И сразу увидела главное.

... подтверждений смерти Петрова по внутренним каналам недостаточно. Дело архивировано с несостыковками. Рекомендуется дополнительная проверка...

Дальше читать не хотелось. Но она дочитала. До конца. Потому что страх хуже, когда у него нет формы.

— Несостыковки, — повторила она глухо. — Как долго я смогу прятаться от прошлого?

Это был не вопрос к нему. Вообще ни к кому. Просто то, что уже созрело внутри и наконец нашло слова.

Федор медленно забрал у нее лист. Положил на стол. Потом сказал:

— Недолго. Поэтому будем не прятаться. Будем готовиться.

Она подняла на него глаза.

— Ты так просто это говоришь.

— Нет.

— А как?

Он впервые за весь день позволил себе слабость. Совсем короткую. Провел ладонью по лицу. Закрыв глаза на секунду.

— Как человек, который очень хотел бы ошибиться.

И это было страшнее всех справок. Потому что если даже он хотел ошибиться — значит, беда уже стояла не в прошлом. Где-то гораздо ближе.

Олеся медленно опустилась на стул. Пальцы дрожали. Но голова вдруг стала очень ясной. Почти холодной.

Прошлое не осталось там. Не умерло. Не отцепилось.

Глава 8. ПЕРВАЯ УГРОЗА

Утром Олеся проснулась раньше света. Не от звука. От ощущения. Так бывает, когда тело уже знает то, чего голова еще не успела оформить.

В комнате было темно. Шторы не пропускали рассвет. Дом молчал. Рядом дышал Федор. Ровно. Тихо. Но не глубоко. Значит, и он не спал толком.

Она лежала неподвижно и смотрела в потолок. Вчерашняя бумага не уходила из головы. Несостыковки. Архив. Дополнительная проверка. Слова были сухие. А внутри от них было сыро и холодно.

Потом Федор открыл глаза. Сразу. Как будто ждал сигнала.

— Ты не спишь, — сказал он.

— И ты.

— Да.

Она повернулась на бок. Волосы упали на лицо. Он не двигался. Только смотрел в полумрак над ее плечом.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Сегодня я еще раз выйду на связь с Москвой.

— А я?

— Ты будешь работать.

— Это звучит так, будто у нас обычный четверг.

— Чем обычнее ты выглядишь, тем лучше.

Она невесело усмехнулась.

— Ты опять хочешь сделать вид, что все под контролем.

— Нет. Я хочу, чтобы паника не стала отдельным жильцом в доме.

На это нечего было возразить. Она отвернулась. Через минуту он встал. Тихо. Быстро. Своим бесшумным военным способом. Она услышала, как он надевает часы. Как открывает дверь. Как уходит.

И только тогда позволила себе сжать кулаки под одеялом.

На кухне пахло пшеничной кашей и яблоками. Екатерина уже стояла у плиты. В светлом халате. С заколотыми волосами. С таким лицом, будто мир обязан вести себя прилично хотя бы до обеда.

— Садись, — сказала она Олеся. — Ты сегодня совсем белая.

— Я просто плохо спала.

— Тогда надо есть больше. И думать меньше.

— Это не всегда связано.

— У тебя — связано, — спокойно сказала Екатерина. — У тебя лицо умное. Оно все выдает.

Олеся невольно коснулась щеки.

— Так заметно?

— Мне — да.

Екатерина поставила перед ней тарелку. Потом чашку. Потом села напротив. Посмотрела внимательно.

— Я не люблю, когда мой дом начинает дышать страхом.

Олеся подняла глаза.

— А он начал?

— Еще как. Только вы с Федей оба делаете вид, будто это сквозняк.

Она не нашлась с ответом. В доме и правда уже жила напряженность. Тихая. Сухая. Настойчивая. Ее нельзя было показать соседям. Но и выкинуть в окно было нельзя.

К десяти у нее была запись. Не одна. Сразу три женщины. Нина успела разнести весть о новой мастерице лучше любой рекламы. Сначала пришла почтальонша с круглым лицом и острым языком. Потом молодая продавщица из аптеки. Потом та самая Галя, у которой, по словам Екатерины, характер был хуже ногтей.

Олеся работала спокойно. Почти машинально. Обработка. Пилка. База. Цвет. Слова клиенток текли мимо и помогали. Кто-то жаловался на мужа. Кто-то — на цены. Кто-то — на невестку. Все это было земное. Обычное. И потому спасительное.

Пока не зазвонил телефон.

Номер был незнакомый. Московский.

Она сразу почувствовала, как леденеет позвоночник.

— Извини, — сказала она клиентке и вышла в маленький коридор между верандой и кухней.

Гудок. Потом второй.

— Да?

В ответ было молчание.

Не помехи. Не сбой. Чье-то дыхание.

Очень тихое.

Олеся застыла.

— Кто это?

Молчание не исчезло. Просто стало чуть ближе.

А потом мужской голос. Низкий. Спокойный. Почти вежливый.

— Ты быстро сменила фамилию.

Мир сузился до размеров телефона в ее руке.

Она узнала этот голос не сразу. Не разумом. Кожей.

Колени подогнулись.

— Нет, — выдохнула она.

В трубке тихо усмехнулись.

— Я скучал по твоему «нет», Олеся.

Она нажала отбой так резко, будто телефон жег ладонь. Потом еще раз. И еще. Как будто могла раздавить сам факт звонка.

Из кухни выглянула Екатерина.

— Что случилось?

Олеся не смогла ответить. Просто смотрела в экран. Номер уже исчез. Осталась только пустая черная поверхность. И собственное лицо в отражении. Совсем чужое.

Екатерина шагнула ближе. Поняла сразу, что вопросами не поможет.

— Сядь, — сказала она тихо.

Олеся села на стул у стены. Пальцы не слушались. Сердце било где-то в горле.

— Это был он, — прошептала она.

Екатерина побледнела. Но взяла себя в руки быстрее, чем можно было ожидать от женщины с больным сердцем.

— Кто?

Олеся подняла взгляд.

— Первый муж.

В эту секунду Екатерина как будто стала старше. Не слабее. Жестче. Серьезнее.

— Ты уверена?

— Да.

— Он жив?

— Да.

Она произнесла это и сама впервые услышала слово вслух. Не несостыковки. Не проверка. Не подозрение. Жив.

Екатерина очень медленно села рядом.

— Федору звони.

Олеся кивнула. Но не смогла нажать сразу. Пальцы дрожали слишком сильно.

Он ответил с первого гудка.

— Да.

— Это был он.

Пауза с той стороны длилась меньше секунды.

— Когда?

— Только что.

— Что сказал?

— Что я быстро сменила фамилию.

Тишина в трубке стала тяжелой. Потом его голос. Очень ровный. Слишком ровный.

— Я еду.

— Не надо.

— Надо.

— У меня клиентки.

— Отмени.

— Я не могу.

— Можешь.

Она закрыла глаза.

— Федор, если я сейчас побегу и начну прятаться по углам, он уже выиграл.

Он молчал.

— Я доработаю, — сказала она тише. — Потом поговорим.

— Дверь закрой изнутри.

— Хорошо.

— И никому, кроме матери, ничего.

— Хорошо.

— Если будет еще звонок, не отвечай.

— Хорошо.

Когда она вернулась в кабинет, Галя уже с интересом вытянула шею.

— Что-то случилось?

— Нет. Ошиблись номером.

Галя посмотрела так, будто ошибочным звонкам не доверяла с детства. Но промолчала. И это был подарок.

Олеся доработала всех троих. Не помнила как. Руки справились. Голова — почти нет. Каждый раз, когда на улице хлопала калитка, она вздрагивала. Каждый мужской голос за окном резал слух. Каждый звук телефона в чужих руках казался угрозой.

К четырем пришел Федор.

Не один.

С ним были двое мужчин. Один старше. Лет сорока пяти. Высокий. В сером пальто. С лицом, на котором усталость и привычка не верить жили давно и мирно. Второй — моложе. Светлый. Собранный. Тоже в гражданском. Но слишком выправленный, чтобы быть просто знакомым.

Олеся увидела их в окно и сразу поняла: это не гости.

Она вышла им навстречу на крыльцо веранды. Федор поднялся первым.

— Это мои люди, — сказал он тихо. — Не пугайся.

— Уже поздно.

Старший мужчина кивнул коротко.

— Андрей Сергеевич. Бывший напарник.

Молодой представился:

— Кирилл.

Олеся не протянула руку. Просто кивнула.

— Зачем вы здесь?

Ответил не Федор. Андрей.

— Потому что официально мы к вам не приходили. А неофициально лучше говорить быстро и без свидетелей.

Она перевела взгляд на Федора.

— Ты привел сюда следователей.

— Бывших.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Но это полезно.

Вот от этой его собранной прямооты захотелось закричать. Но она только открыла дверь шире.

На кухне уже ждала Екатерина. Бледная. Очень прямая. С чашками на подносе. Она умела встречать беду как визитеров: сначала чай, потом разговор.

Мужчины сели. Федор остался стоять. Олеся тоже.

— Говорите, — сказала она.

Андрей Сергеевич сложил руки на столе.

— У нас есть основание считать, что информация о смерти Геннадия Петрова была сфальсифицирована.

Сказано было сухо. Без пафоса. Поэтому ударило еще сильнее.

Екатерина тихо вдохнула. Федор не шевельнулся.

— Каким образом? — спросила Олеся. И сама удивилась, как спокойно прозвучал голос.

— Скорее всего, через подмену документов на этапе внутренней проводки. Подробности еще проверяются.

— Зачем?

— Чтобы вывести его из системы как мертвого. Это дает много преимуществ. Поиск прекращается. Контроль слабеет. Внешне — все закрыто.

Олеся смотрела на Андрея и вдруг ясно видела перед собой не человека, а бездонную черную дыру, в которую проваливалась ее новая жизнь.

— Он звонил мне сегодня.

Кирилл сразу поднял голову.

— Номер сохранился?

— Нет. Скрыт.

— Что именно он сказал?

Она повторила. Не все. Только главное. Этого хватило. Мужчины обменялись коротким взглядом.

— Это уже не просто утечка информации, — сказал Андрей. — Это контакт.

— Я поняла, — тихо ответила Олеся.

Федор наконец сел. Не рядом. Чуть в стороне. Но так, чтобы видеть всех.

— Что еще? — спросил он.

Андрей достал из внутреннего кармана конверт.

— Это пришло сегодня в отделение на старый московский адрес. Соседи передали дальше. По цепочке. Мы перехватили.

Конверт был обычный. Белый. Без обратного адреса.

Федор напрягся сразу.

— Уже открывали?

— Нет. Ждали при тебе.

— Здесь не надо, — сказал он.

— Надо, — сказала Олеся.

Тихо. Но твердо.

Все посмотрели на нее.

Она протянула руку. Андрей помедлил. Потом отдал конверт.

Бумага шуршала слишком громко. Внутри была только фотография.

Старая. Ее. Возле подъезда в Москве. С пакетом из продуктового. В светлом плаще. Следанная, судя по всему, из машины или из-за угла.

На обороте — одна фраза.

Ты всегда красиво уходила.

Олеся не вскрикнула. Не уронила. Просто положила снимок на стол и отодвинула от себя так медленно, будто это была живая вещь.

Екатерина креститься не стала. Но побледнела еще сильнее.

Кирилл тихо выругался.

Федор взял фотографию. Посмотрел. Скулы у него стали жестче.

— Это когда?

— До переезда, — сказала Олеся. — За неделю, может. Я не знаю. У меня был этот плащ.

— Значит, наблюдение шло уже тогда, — сказал Андрей. — Или его материалы сохранились.

— Нет, — очень тихо сказала она. — Это не архив. Он так писал. Всегда. Словно хвалил и резал одновременно.

На кухне стало очень тихо.

Потом Федор спросил:

— Что вы предлагаете?

Андрей ответил без колебаний:

— Первое. Максимальная тишина. Никаких официальных заявлений пока. Второе. Ограничить маршруты Олеси. Третье. Собрать все, что есть по ее прошлому контакту с Петровым. Любые письма. Сообщения. Привычки. Фразы. Места. Все.

— И ждать? — спросила она.

— Нет, — ответил Кирилл. — Не ждать. Готовиться.

То же слово. То же сухое, страшное слово. Только теперь оно прозвучало уже не от одного Федора. От системы.

— А если он приедет сюда? — спросила Екатерина.

Андрей посмотрел на нее очень внимательно.

— Тогда мы должны узнать об этом раньше него.

После разговора мужчины ушли быстро. Не прощаясь долго. Не растягивая тревогу. Андрей только задержался на пороге и сказал Федору:

— Не геройствуй в одиночку. У тебя жена. И мать.

Слово «жена» в этот раз прозвучало совсем иначе. Не бытово. Не тепло. Как зона ответственности.

Когда калитка закрылась, в доме стало слишком просторно. Как будто следователи вынесли с собой воздух.

Екатерина первой нарушила молчание.

— Я лягу, — сказала она. — Не потому что слабая. Потому что если еще минуту постою, начну командовать всем сразу.

Она подошла к Олесе. Очень бережно коснулась ее плеча.

— Ты не виновата, что он жив. Даже если кто-то вокруг решит иначе.

Олеся хотела ответить. Не смогла. Только кивнула.

Когда мать ушла к себе, на кухне остались двое. Она и Федор. И фотография на столе.

Он смотрел на нее долго. Потом перевернул лицом вниз.

— Тебе не надо на это смотреть.

— Мне уже надо смотреть на все, — сказала она.

Он поднял взгляд.

— Нет.

— Да, Федор. Хватит. Ты все время пытаешься поставить меня за спину. Но это моя история.

— Это наша угроза.

— Нет. Пока — моя.

— Уже нет.

Он сказал это так резко, что она сама вздрогнула. В нем впервые за все время прорезалось не просто упрямство. Настоящий злой страх.

— Не надо, — сказала она тише.

— Чего?

— Говорить так, будто ты обязан меня тащить.

Он встал. Прошел к окну. Вернулся. Опять встал. В нем не помещалось напряжение. И это было почти страшнее его обычного ледяного контроля.

— Он позвонил тебе в моем доме, — сказал он. — Прислал фото. Влез сюда через телефон, через память, через воздух. Так что не надо мне сейчас рассказывать, где заканчивается твое и начинается мое.

Олеся смотрела на него и понимала: да, вот оно. Первый раз его действительно пробило. Не вежливый порядок. Не сухая защита. Живое раздражение. Почти ярость.

— Я не просила тебя... — начала она.

— Знаю.

— Тогда почему?

Он замолчал на секунду. А потом ответил слишком честно:

— Потому что не могу по-другому.

И это было хуже любого крика.

Она встала тоже. Подошла к столу. Оперлась ладонями о край.

— Я устала быть чьей-то проблемой.

— Ты не проблема.

— Тогда что?

Он смотрел прямо. Без права на отступление.

— Человек, которого я не отдам.

На секунду все в комнате остановилось. Часы. Воздух. Мысли. Даже страх будто отступил на полшага, чтобы дать место этим словам.

Олеся отвела глаза первой.

— Ты не должен так говорить.

— Возможно.

— Это усложняет.

— Знаю.

— И без того все сложно.

— Да.

Снова короткие фразы. Снова тишина между ними. Но теперь она уже не защищала. Наоборот. Стягивала ближе.

Он подошел. Медленно. Не касаясь.

— Сегодня ты одна не останешься.

— Я и не собиралась.

— Даже в веранде.

— Федор.

— Нет.

Она чуть горько усмехнулась.

— Значит, у нас новый пункт договора?

— Да.

— «Сидеть под надзором бывшего следователя»?

— «Не давать психопату фору».

Вот это уже звучало по-настоящему. Без романтики. Без театра. И оттого успокаивало.

Вечером никто не ел толком. Екатерина поставила на стол суп, потом убрала почти нетронутый. Дом ходил тише обычного. Даже половицы будто старались не шуметь.

Позже, когда она вошла в спальню, на тумбочке лежал ее телефон. А рядом — старый кнопочный аппарат.

— Что это? — спросила она.

Федор застегивал рубашку, хотя спать еще явно не собирался.

— Временная замена. Основной пусть будет выключен ночью.

— Ты серьезно?

— Да.

— Я как подпольщица.

— Пока да.

Она взяла кнопочный телефон. Повернула в руке.

— Ненавижу это.

— Я тоже.

Он не подходил ближе. Не пытался ее обнять. Не делал ничего, что выглядело бы красивым утешением. Только проверил замок на окне. Потом входную дверь. Потом еще раз калитку во дворе.

Когда он вернулся, Олесяуже сидела на кровати. Фото с оборотом вниз лежало в ящике. Но слова никуда не ушли.

— Ты думаешь, он придет? — спросила она.

Федор не ответил сразу.

— Думаю, он уже начал.

— Это не ответ.

Он сел напротив. На стул.

— Я думаю, он не позвонил бы, если бы хотел остаться тенью. Значит, он будет давить. Сначала на нервы. Потом ближе.

Она кивнула. Очень медленно.

— А я ведь почти поверила, что все закончилось.

— Я знаю.

— Идиотка.

— Нет.

— Почему ты все время это говоришь?

— Потому что это правда.

Она провела ладонью по лицу. Потом вдруг опустила руку и сказала очень спокойно. Даже сама удивилась своему голосу:

— Теперь я знаю, что не могу скрыться от него.

Федор поднял взгляд.

— Да.

— И что дальше?

Он встал. Подошел к кровати. Но остановился в шаге.

— Дальше он сильно пожалеет, что напомнил о себе.

Голос был тихим. Почти бесцветным. И именно поэтому Олеся вдруг поверила ему больше, чем всем справкам, бывшим коллегам и планам.

За окном качнулась яблоня. Ветер тронул стекло. Дом снова стал дышать страхом. Но теперь внутри него появилась и другая вещь.

Не надежда.

Сопротивление.

Глава 9. ПЕРВОЕ НАРУШЕНИЕ

После нескольких тревожных дней дом наконец выдохнул. Не полностью. Не глубоко. Но хотя бы перестал звенеть от ожидания беды. Телефон молчал. Калитка не хлопала. Незнакомые номера не вспыхивали на экране. Даже ветер во дворе как будто стал мягче.

Олеся не верила в такие паузы. Она уже поняла, что тишина умеет быть разной. Спасительной. Натянутой. Пустой. Обманчивой. Сейчас была именно обманчивая. Та, в которой человек начинает расправлять плечи, а потом злится на себя за эту слабость.

Утром она работала. Днем тоже. Кабинет на веранде стал для нее чем-то вроде маленькой границы. Здесь мир сужался до лампы, пилочек, баночек и женских рук, которые доверчиво ложились на подлокотник. Здесь можно было думать не о Геннадии. Не о смерти, которой не было. Не о письмах. А о форме, длине, цвете и том, как выровнять пластину без лишнего опиала.

Пришла Нина. Потом Галя. Потом Марина. Все говорили. Все жаловались. Все смеялись. И все, сами того не зная, вытаскивали ее из вязкого болота страха.

Под вечер она устала так сильно, что даже обрадовалась. Усталость была простой. Телесной. Честной. Не как нервное истощение, в котором человек не живет, а дрожит.

Когда последняя клиентка ушла, Олеся закрыла дверь веранды, прислонилась к ней спиной и ненадолго прикрыла глаза. Пальцы ныли. Поясница тоже. Лампой за день она нагрела комнату так, что хотелось выйти на воздух. Но сил идти не было. Хотелось только тишины. Без слов. Без анализа. Без мы должны. Без надо быть осторожнее.

Она сняла маску, выключила аппарат и начала убирать со стола. По привычке. Медленно. Почти в полусне.

За дверью раздались шаги.

Не стук. Не оклик. Просто шаги. Узнаваемые. Размеренные. Без суеты.

Федор.

Олеся не обернулась сразу. Почему-то в последние дни она стала различать его походку из всех прочих. Это раздражало. И пугало тоже. Слишком рано тело начало узнавать человека, с которым все должно было быть по договору. Без лишнего. Без близости. Без привязанности.

Он остановился в дверях.

— Закончила?

— Да.

— Много было?

— Достаточно.

— Голова болит?

Она повернулась.

— С чего ты решил?

Он посмотрел на нее внимательно. Как всегда. Слишком внимательно.

— Ты третий раз за минуту потеряла висок.

Олеся машинально убрала руку.

— Это еще не повод для вопроса.

— Это не вопрос.

— А что?

— Наблюдение.

Она устало усмехнулась.

— Как у тебя все просто.

Он не ответил. Только подошел к окну, проверил, закрыта ли защелка, и сказал:

— Через десять минут ужин.

- Я не хочу есть.
- Хочешь.
- Нет.
- Тогда хотя бы сядешь за стол.
- Командовать обязательно?
- Нет.
- Но ты все равно будешь.
- Да.

И в этом был весь он. Ни попытки понравиться. Ни сглаживания. Просто да. Иди и спорь дальше, если силы есть.

Сил не было.

Олеся пошла в дом медленно. Через кухню уже тянуло жареной курицей, укропом и чем-то сливочным. Екатерина опять решила, что еда способна спасти мир. Иногда Олеся казалось, что эта женщина в молодости, наверное, могла остановить войну одним только тазом пирожков.

На кухне уже горел мягкий свет. Скатерть лежала ровно. Супница стояла на подставке. Рядом — блюдо с салатом. Тарелки. Вилки. Стаканы. Все как всегда. Все слишком по-домашнему для жизни, собранной на бегу.

— Идите мыть руки, — велела Екатерина. — Я не для мебели тут стояла у плиты.

Федор молча пошел первым. Олеся — следом. В ванной она долго смотрела на воду, льющуюся на ладони. Потом подняла голову. В зеркале отражалась женщина, которая очень хотела быть просто усталой. Не напуганной. Не настороженной. Просто усталой после рабочего дня.

На ужине сначала говорила только Екатерина. Про соседку. Про цены на яйца. Про то, что в саду надо бы весной пересадить пионы. Про почтальоншу, у которой опять слишком яркие губы. Олеся слушала вполуха и была благодарна за это словесное покрывало. Оно не грело по-настоящему, но хотя бы скрывало внутреннюю дрожь.

Она сидела у края стола и ковыряла вилкой курицу. Есть не хотелось. В горле стояла усталость. Такая, что даже вода шла с усилием.

Федор заметил это первым. Конечно. Он вообще в последнее время замечал слишком многое.

Не говоря ни слова, он подвинул к ней блюдо с пюре. Потом, когда она не отреагировала, сам положил ей ложку на тарелку.

Олеся подняла глаза.

- Я не просила.
- Знаю.
- Тогда зачем?
- Потому что ты за весь день ела только на бегу.

Екатерина сделала вид, что очень занята салатом. Но уголок рта у нее дрогнул так заметно, что Олеся захотелось под столом пнуть ножку стула. Чьего-нибудь. Неважно.

- Ты следил, что ли? — тихо спросила она.
- Нет. Видел.
- Это почти одно и то же.
- Нет.

Фраза прозвучала спокойно. Почти сухо. Но на тарелке перед ней уже лежало пюре. И от этого спор казался бессмысленным.

Через минуту Екатерина поднялась за хлебом. А Олеся, воспользовавшись паузой, все-таки отрезала кусочек курицы. Положила в рот. Прожевала.

Федор ничего не сказал. Но она почувствовала, что он заметил и это.

Удивительно, как может раздражать чужая правота, когда она проявляется в таких мелочах.

Потом заговорила Екатерина.

— Лариса сегодня звонила. Спрашивала, как вы после вечера.

Олеся сразу напряглась. Ложка тихо звякнула о край тарелки.

— И что вы сказали?

— Что вы живы. Это для начала уже хорошо.

Федор поднял взгляд.

— Мама.

— Что мама? Я же не стала рассказывать, что вы оба третий день ходите как герои после пожара.

Олеся не удержалась. Фыркнула. И почти сразу сама удивилась этому звуку. Она уже несколько дней не смеялась за столом.

Екатерина оживилась мгновенно.

— Вот. Уже лучше. А то я начала подозревать, что мне в дом подкинули двух людей без чувства юмора.

— Меня можно было вычислить и раньше, — сухо заметил Федор.

— Тебя — да. А Олеся жалко было.

Олеся опустила глаза в тарелку. И тут поняла, что почти доела. Просто не заметила, как это случилось.

Федор спокойно подлил ей воды. Опять без вопроса. Просто взял графин и наполнил стакан.

Она замерла на секунду.

Потому что именно такие вещи и были опаснее всего.

Не громкие признания. Не красивые слова. А вот это. Тихо. На автомате. Буднично. Как будто он давно знал, где стоит ее стакан и когда он пустеет.

— Спасибо, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим.

Он кивнул. Просто принял. Не отыграл. Не смутился. Как будто так и надо.

После ужина она хотела сразу уйти. В спальню. В душ. В веранду. Куда угодно. Только бы не сидеть за этим столом и не чувствовать, как что-то начинает сдвигаться. Но Екатерина остановила ее у двери.

— Подожди.

— Что?

— У тебя глаза больные.

— Уставшие.

— Не спорь со мной. Я три десятка лет шила женщинам платья и слушала их жизнь. По глазам вижу больше, чем вы сами хотите показать.

Она ушла к буфету. Пошуршала там чем-то. Вернулась с маленькой белой коробкой.

— Это что? — спросила Олеся.

— Таблетка от головы. И не смотри так. Я не собираюсь тебя травить.

Олеся взяла коробку машинально. Но не успела открыть. Потому что Федор уже встал, достал стакан, налил воды и положил рядом блистер.

— Пей.

Она уставилась на него.

— Вы что, сговорились?

— Нет, — ответил он. — Просто у тебя болит голова.

— Ты не врач.

— И слава богу, — вставила Екатерина.

Олеся медленно опустила коробку на стол.

— Я сама разберусь.

— Разберешься, — спокойно сказал Федор. — После таблетки.

— Ты невозможный.

— Это уже было.

— Потому что это правда.

Он ничего не ответил. Просто подвинул к ней стакан ближе.

Вот тут и произошел первый настоящий сбой. Не из-за таблетки даже. Не из-за головной боли. А из-за того, как все это выглядело со стороны. И изнутри тоже.

Он не играл мужа. Не выполнял роль перед матерью. Екатерина в этот момент уже отвернулась к чайнику. Он мог бы ничего не делать. Вообще ничего. Но делал.

Слишком естественно.

Олеся взяла таблетку и запила ее водой скорее от растерянности, чем из покорности. И сама разозлилась на себя за эту мысль. Как будто между ними уже были такие позиции: один давит, другая уступает. Нет. Не было. И не должно было быть.

— Вот и хорошо, — довольно сказала Екатерина. — А теперь марш отдыхать оба. У меня от ваших лиц уже собственное давление скачет.

Олеся ушла в спальню первой. Закрыла дверь. Села на край кровати. Потерла пальцами лоб.

Тишина пришла почти сразу. Но не успокоила. Наоборот. В этой тишине все ужинные мелочи стали еще отчетливее. Тарелка с пюре. Стакан воды. Таблетка. Его спокойный голос. Его пей.

Она вдруг разозлилась. Не на него. На саму эту мягкую, ненужную, не по договору возникающую заботу. Потому что ей некуда было ее деть.

Через несколько минут вошел Федор.

Он был уже без пиджака. В рубашке с расстегнутым верхним пуговицами. Волосы слегка растрепались. Усталый. Но все такой же собранный. Как человек, у которого даже усталость ходит по графику.

Он остановился, увидел ее лицо и сразу понял: разговор будет.

— Голова? — спросил он.

— Почти прошла.

— Хорошо.

Он потянулся к тумбочке, чтобы положить часы. И тут Олеся сказала:

— Нам надо поговорить.

Он замер. Потом положил часы. Медленно. Аккуратно. Как всегда.

— О чем?

— О тебе.

— Это редко хорошая тема.

— Не уходи в сторону.

— Не ухожу.

Она встала. Подошла к окну. Потом обернулась.

— Ты ведь обещал, что всё будет только по контракту.

Слова прозвучали тише, чем она хотела. И почему-то от этого еще жестче.

Он посмотрел на нее внимательно. Не удивился. Не сделал вид, что не понял.

— Да.

— Тогда что это было за ужином?

— Что именно?

— Не прикидывайся. Ты прекрасно понимаешь.

Он молчал.

Она шагнула ближе.

— Ты подкладываешь мне еду. Следишь, чтобы я пила воду. Даешь таблетки. Подвигаешь салат так, как будто знаешь, что я все равно до него не дотянусь. И делаешь это не на публику. Не для матери. Просто так.

Он выслушал все до конца.

— И?

— И это не по контракту.

— Контракт не запрещает налить тебе воды.

— Не надо сейчас делать из меня идиотку.

— Не делаю.

— Тогда скажи честно. Что происходит?

Он выдержал паузу. Очень долгую. Почти тягучую. В такие моменты она особенно чувствовала, как сильно он привык сначала думать, потом говорить. Иногда это бесило. Иногда успокаивало. Сейчас бесило.

— Ты устала, — сказал он наконец.

— Это не ответ.

— Это часть ответа.

— Федор.

Он тихо выдохнул.

— Хорошо. Я скажу иначе.

Он сделал шаг. Не к ней. К стулу у кровати. Сел. Локти поставил на колени. Смотрел прямо. Без привычной отстраненности. Уже это было нарушением.

— Когда человек рядом с тобой живет под одной крышей, у него перестают быть абстрактные головные боли и абстрактный голод, — сказал он. — Они становятся конкретными. Видимыми.

Олеся смотрела на него и чувствовала, как уходит часть злости. Не потому, что он сказал что-то хорошее. А потому, что это было слишком честно.

— Это звучит опасно, — тихо сказала она.

— Да.

— Тебя это не смущает?

— Смущает.

— И все равно.

— И все равно.

Она опустила глаза. Потом снова подняла.

— Почему?

Вот тут он впервые отвел взгляд. Совсем ненадолго. Но этого хватило. Потому что Федор Ветровой не любил отводить глаза. Особенно когда мог спрятаться за сухой фразой и не делать этого.

— Иногда, — сказал он очень спокойно, — даже в контракте есть места для жестов, которые не вписываются.

Тишина после этих слов была особенной. Не пустой. Почти осязаемой. Как ткань. Как теплый воздух в комнате. Как дыхание перед тем, что уже невозможно будет забрать назад.

Олеся почувствовала, как внутри что-то резко сжалось.

— Не надо так говорить.

— Почему?

— Потому что это звучит... — Она запнулась. — Не так.

— А как?

— Как будто у нас все меньше контракта.

Он ответил не сразу.

— Возможно.

Этого она не ожидала.

Ни отрицания. Ни улыбки. Ни тебе показалось. Просто возможно.

Она отвернулась. Прошла к кровати. Поправила подушку, хотя та лежала идеально.

Потом снова повернулась к нему.

— Мы договорились иначе.

— Да.

— Ты сам настаивал.

— Да.

— И сам первый нарушил.

Он чуть склонил голову.

— Да.

Эта тройная, спокойная честность обезоруживала хуже любой нежности.

— Ты ужасный человек, — сказала она почти беззлобно.

— Это тоже уже было.

— Но сейчас я говорю серьезно.

— Я понял.

Она села на край кровати. Смотрела в пол.

— Мне нельзя привыкать к этому.

— К чему?

— К тому, что ты рядом. И видишь. И делаешь что-то до того, как я попрошу.

Слова выходили неровно. Слишком правдиво. И именно потому стыдно.

Он молчал долго. Потом встал. Подошел к окну. Но не открыл его. Просто встал спиной к стеклу.

— Привычка — не всегда плохая вещь, — сказал он.

— В моем случае почти всегда.

— Это уже не твое прошлое говорит. Это страх.

— А ты у нас большой специалист по страху?

— Да.

— Скромно.

— Зато честно.

Она покачала головой.

— Ты невозможен.

— Знаю.

Снова тишина. На этот раз не тяжелая. Просто вязкая. Дом за стенами жил своей вечерней жизнью. Где-то звякнула чашка. Екатерина, наверное, убирала со стола. Скрипнула половица. За окном прошел ветер.

Олеся подняла руку и потерла висок.

Федор заметил это мгновенно.

— До конца не прошло?

Она резко опустила руку.

— Вот. Вот именно это.

— Что?

— Ты опять.

Он почти усмехнулся. Почти.

— Прости.

— Нет. Не извиняйся. От этого хуже.

— Почему?

— Потому что тогда все это становится еще более... настоящим.

Слово далось ей с трудом.

Он тоже услышал это. Конечно.

— А если не извиняться? — спросил он тихо.

— Тогда я не знаю, что делать.

— Это честный ответ.

Она подняла глаза.

— А у тебя есть нечестные?

— Сколько угодно. Просто я сегодня устал их выбирать.

Вот тут у нее внутри что-то дрогнуло. Почти жалость. Почти желание подойти ближе. Почти доверие. Все это было слишком рано. Слишком опасно. Слишком не по плану.

Она встала.

— Мне нужен душ.

— Хорошо.

Он отошел от двери прежде, чем она успела попросить. Освободил проход. Не коснулся. Не задержал взгляд слишком долго. И именно эта аккуратность добила ее окончательно. Потому что если бы он был грубее, было бы проще.

В ванной Олеся долго стояла под горячей водой. Не двигаясь. Просто позволяла струям стекать по плечам и спине. Пыталась смыть усталость, головную боль, растерянность. Не вышло.

Она слишком хорошо помнила все, что произошло за этот вечер. Как он смотрел на ее тарелку. Как подвинул воду. Как сказал пей так, будто давно имеет на это право. Хотя права у него не было. И не должно было быть.

Когда она вернулась в спальню, он уже выключил верхний свет. Горела только лампа у кровати. Его сторона была разобрана. Ее — тоже. Два одеяла лежали ровно. Почти смешно. Почти символично. Так они держали границы. Текстилем.

Она легла молча. Спиной к нему. Под свое одеяло. Закрыла глаза.

Через минуту он тихо сказал:

— Олеся.

— Что?

— Я не собираюсь делать вид, что ничего не было.

Она открыла глаза. В темноте это не имело значения. Но все равно.

— Это очень благородно.

— Нет. Просто бессмысленно.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего.

— В каком смысле?

— В смысле ничего не решать сегодня.

Она помолчала.

— Удобная позиция.

— Разумная.

— Для кого?

— Для двух уставших людей с плохим вечером за плечами.

Вот за это она и ненавидела его. И за это же постепенно начинала доверять. Он не тянул разговор туда, где они оба могли наломать слов. Не требовал ясности. Не выжимал из момента лишнее. Просто предлагал не ломать.

Она выдохнула.

— Хорошо.

— Хорошо.

Снова пауза.

— Но это все равно было нарушением, — сказала она в темноту.

— Да.

— И я не знаю, что с ним делать.

— Я тоже.

— Ты меня сейчас пугаешь.

— Почему?

— Потому что ты впервые не знаешь.

Он тихо усмехнулся.

— Я много чего не знаю. Просто не всегда говорю это вслух.

Она почти улыбнулась в подушку. Почти.

А потом вдруг произнесла то, чего не собиралась:

— Спасибо за воду.

Он ответил не сразу.

— Пожалуйста.

— И за таблетку.

— Это уже было сложнее.

— Почему?

— Потому что ты смотрела так, будто готова меня ударить.

— Я была близка.

— Я понял.

Теперь она точно улыбнулась. Слабо. В темноте. Без свидетелей.

Сон пришел не сразу. Но уже ближе, чем в предыдущие ночи. И перед тем как окончательно провалиться в дрему, Олеся успела подумать одну очень неприятную вещь.

Контракт треснул не тогда, когда они легли в одну комнату. Не тогда, когда он помог ей надеть серьги. Не тогда, когда они танцевали у Савельевых.

Он треснул сегодня.

За ужином.

Из-за тарелки с пюре. Из-за стакана воды. Из-за таблетки от головы.

Из-за мелочей, которым вообще-то не место в фиктивном браке.

И именно поэтому это было так опасно.

Глава 10. ОТВЕТ

Утром Олеся проснулась с ясной головой и очень плохой идеей.

Не возвращаться к вчерашнему ужину. Не разбирать по косточкам стакан воды, таблетку, его спокойное «пей». Честное: «Да, нарушил». Не давать этому моменту больше веса, чем он уже получил.

Решение казалось самым разумным. И опасным.

Она лежала с закрытыми глазами и слушала дом. На кухне уже двигалась Екатерина. Звенела чашками. Что-то открывала, закрывала. Во дворе коротко скрипнула калитка. Потом стихло. Рядом Федор еще не встал. Это удивило. Обычно он поднимался раньше нее. Был внутренне заведён на чужую тревогу и не умел валяться в кровати просто так.

Она чуть повернула голову.

Он спал на спине. Или делал вид, что спит. Лицо спокойное. Но между бровями складка, которая выдавала напряжение лучше любых слов. Волосы растрепались. Рука лежала поверх одеяла. Ладонь открытая. Беззащитная. Почти чужая и совсем не такая, как его обычный собранный образ.

Олеся резко отвернулась.

Вот этого тоже нельзя было. Смотреть на него, когда он не видит. Замечать то, что не положено замечать по контракту. И уж тем более чувствовать к этому что-то, кроме раздражения.

Она тихо выбралась из-под одеяла. Взяла одежду. Ушла в ванную. Долго умывалась холодной водой, пока лицо не стало почти бесстрастным. Потом посмотрела на себя в зеркало и мысленно сказала: «Все». *Никаких разговоров, сцен, намеков. Живем дальше.*

На кухне Екатерина как раз ставила на стол творожную запеканку. Милый домашний запах. Невыносимо мирный.

— Доброе утро, — приветствовала Олеся.

— Доброе. Ты сегодня бодрая.

— Это плохо?

— Подозрительно, — честно ответила Екатерина. — После ваших лиц вчера я ждала хотя бы одну драму к завтраку.

Олеся села. Взяла чашку. Улыбнулась очень спокойно.

— Вы меня переоцениваете.

— Боюсь, наоборот. Я тебя пока еще недооцениваю.

Вот в этом была вся мать Федора. Она и пирог могла поставить, и диагноз.

Через минуту вошел он. Уже собранный. В темной футболке. С мокрыми после душа волосами. Увидел ее за столом. Остановился на полшага. Совсем ненадолго. Но она заметила.

— Доброе утро, — наклонил голову в приветственном жесте.

— Доброе.

И все.

Никакой неловкости в голосе. Даже тени вчерашнего разговора. Никакого «нам надо обсудить». Она даже не подняла глаза сразу. Только отломилась ложкой кусок запеканки и медленно положила в рот.

Это было ее решение. Спокойствие. Ровность. Вежливость. Если он хочет жить дальше, как будто нарушение контракта — просто мелкая трещина, пусть попробует. Она тоже попробует. И посмотрим, кому первому станет не по себе.

Федор сел, напротив. Очень тихо. Взял чашку. Сделал глоток кофе. Потом еще один. Олеся чувствовала его взгляд слишком отчетливо, чтобы это было случайностью.

— Как голова? — спросил он.

Она подняла глаза.

— Хорошо. Спасибо.

И снова уткнулась в тарелку. Екатерина перевела взгляд с одного на другую. Потом на всякий случай сделала вид, что занята вареньем. Федор еще секунду смотрел на жену. Вот так и начался ее ответ.

Не скандалом, холодной войной, упреком. Именно молчанием. Четким. Почти безупречным.

После завтрака она сразу ушла в веранду. Не задержалась на кухне. Не дала ему ни одного шанса заговорить без повода. Достала расходники. Проверила запись. Села за стол. Включила лампу.

Работа всегда была ее способом держать себя в руках. Когда не знаешь, что делать с человеком — делай ногти. Когда не понимаешь, что происходит внутри — выравнивай линию кутикулы. Когда слишком хочется обернуться — смотри на кисть и молчи.

Первая клиентка пришла рано. Молодая учительница истории. Тонкие руки. Сбитые ногти. Усталый взгляд.

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Я записана на укрепление.

— Да. Проходите.

Олеся работала почти механически. Сама себе удивлялась. Внутри было не пусто, кипело. Просто снаружи — гладь. И гладь, как ни странно, придавала ей силы. Не объяснять. Не выяснять. Не быть женщиной, которую можно успокоить словами. Пусть теперь он понервничает.

К полудню она уже понимала, что ее план действует.

Федор заходил на веранду дважды. Первый раз спросил, не нужен ли ей новый удлинитель. Второй — сказал, что в пять привезут полку. Все. Оба раза он говорил по делу. Но при этом слишком внимательно следил за ее лицом. И за тем, как она говорит.

Она отвечала идеально.

— Нет, удлинитель не нужен. — Хорошо, полку приму. — Спасибо. — Да, поняла.

Ни одной лишней интонации. Или намек на вчерашний вечер. Вот это бесило его больше, чем если бы она устроила сцену. Во второй половине дня пришла Марина-почтальонша. Она всегда говорила много. Громко и быстро. Поэтому на ее фоне даже внутренний ураган Олеся казался дисциплинированным.

— А у вас с мужем, я гляжу, тишина в доме крепкая, — сказала Марина, пока Олеся снимала старое покрытие.

— Почему вы так решили?

— Потому что тихие пары всегда опаснее шумных. Шумные утром поорали, вечером обнялись. А тихие ходят, думают. Потом либо золото, либо развод.

Олеся чуть не усмехнулась.

— Умеее вы поддержать.

— Я не поддерживаю. Наблюдаю.

Вот и еще одна наблюдательница. Этот город был полон людей, которые с одинаковым азартом следили за грядками, чужими окнами и отношениями.

— А вы ссоритесь красиво? — не унималась Марина.

— Я не люблю ссориться.

— А он?

Олеся замедлила движение пилки. Совсем на секунду.

— Он тоже.

— Это плохо.

— Почему?

— Когда оба молчат, потом кто-то начинает любить сильнее. А кто-то делает вид, что ничего не заметил.

Вот после этой фразы Олеся едва не испортила форму ногтя. Пришлось остановиться. Выдохнуть. Продолжить. Почему именно сегодня весь мир решил говорить ей в лицо вещи, которые она сама еще не готова была сформулировать?

Когда Марина ушла, Олеся вышла во двор и встала под яблоней. Голые ветки скрипели на ветру. Земля еще не оттаяла. Воздух был жесткий, но чистый. Ей нужно было несколько минут, чтобы не слышать людей.

— Ты избегаешь меня, — сказал голос сзади.

Она не вздрогнула. Хотя сердце дернулось. Федор стоял у крыльца. Только в свитере. Руки в карманах. Слишком спокойный на вид. И напряженный внутри.

— Нет.

— Да.

Она повернулась к нему.

— Ты опять все знаешь лучше меня?

— Нет. Я вижу.

— У тебя опасная привычка.

— Ты не ответила ни на один вопрос нормально с утра.

— Я ответила на все вопросы.

— Именно.

Олеся скрестила руки на груди.

— И что тебя не устраивает?

Он помолчал. Достаточно долго, чтобы ее злость успела снова поднять голову.

— Ты слишком спокойная, — сказал он растеряно.

Она даже коротко рассмеялась. Безрадостно.

— Прости. В следующий раз буду кидаться вилками.

— Не надо.

— Тогда чего ты хочешь?

— Честности.

— Серьезно? От человека, который сам живет на недосказанности?

— Олеся.

— Нет, правда. Ты вчера нарушил наши правила. Сам признал это. А сегодня ходишь и смотришь так, будто тебе невыносимо, что я не устроила разбор.

Он шагнул ближе. Один раз. И остановился.

— Потому что ты не такая, когда тебе все равно.

Она подняла подбородок.

— А если мне все равно?

— Тогда я совсем перестану понимать, что между нами происходит.

Слова прозвучали просто. Но в этом и была проблема. Он не пытался спорить ради победы. Он правда не понимал. Что неожиданно делало его уязвимым.

Она отвела взгляд на яблоню.

— Это не значит, что я обязана облегчать тебе задачу.

— Не обязана.

— Хорошо.

— Но ты делаешь это нарочно.

— Возможно.

Вот тут он впервые за весь день почти усмехнулся. Почти.

— Значит, я прав.

— Не льсти себе.

— Уже поздно.

Она почувствовала, что еще немного — и этот разговор свернет туда, где станет слишком лично. А ей сегодня нужен был контроль. Хотя бы над чем-то.

— Мне надо обратно, — устало сказала она.

— Хорошо.

Он снова не спорил. И это было подозрительно. Федор Ветровой в последние дни либо спорил, либо делал по-своему. Спокойное «хорошо» от него всегда означало, что он уже что-то понял. Просто не озвучивает до времени.

Вечером приехали с полкой. Двое мужчин. Шумные. В грязных ботинках. Один с дрелью. Другой с вечным «сейчас все будет». Они возились на веранде почти сорок минут. Олеся стояла рядом и следила, чтобы полку не повесили слишком высоко. Федор был рядом. Молчал. Иногда отвечал на бытовые вопросы. Придерживал шкаф. Никаких лишних жестов.

После вчерашнего нарушения она ждала продолжения. Еще одного стакана воды. «Сядь», «поешь», «пей». А он, наоборот, словно убрал руки в карманы. Оставил только дистанцию. Деловую. Удобную. Почти безупречную.

Олеся ловила себя на неприятной мысли, что ее это раздражает.

Значит, вот так. Когда он заботится — плохо. Когда держит границу — тоже плохо.

Она стиснула зубы. Работа. Ей нужна была работа. А не анализ.

За ужином Екатерина сразу почувствовала сдвиг. Не в плохую сторону.

— Вы сегодня оба какие-то... — она поискала слово. — Воспитанные.

Федор налил себе суп.

— Спасибо.

— Это не похвала.

Олеся молча отломилась хлеб.

— Я не шучу. Мне не нравится, когда люди за моим столом вдруг становятся похожи на двух дипломатов на скучном приеме.

— Может, нам так удобно, — парировала Олеся.

Екатерина посмотрела на нее так внимательно, что даже суп на секунду перестал иметь значение.

— А тебе удобно?

Олеся подняла глаза. И ответила с той самой ровностью, которую тренировала весь день:

— Мне спокойно.

Федор повернул голову чуть быстрее, чем следовало. Вот. Попала. Екатерина переводила взгляд с одного на другую.

— Ну-ну, — проворчала она наконец. — Только потом не жалуйтесь, что молчание дороже разговоров.

После ужина Олеся помогла убрать со стола. Потому что ей не хотелось оставаться с ним в одной комнате без движения. Пока руки заняты тарелками и полотенцем, можно не думать о том, как он весь вечер почти не смотрел в ее сторону.

— Ты специально? — тихо спросила Екатерина, когда они остались у мойки вдвоем.

Олеся вздрогнула.

— Что именно?

— Мучаешь его.

Она чуть не выронила тарелку.

— С чего вы решили, что я кого-то мучаю?

— Потому что я не слепая. У моего сына сейчас лицо человека, который не понимает, где наступил на мину. А ты слишком спокойная для женщины, у которой внутри пусто.

Олеся медленно вытерла руки.

— Может, мне просто надоело все проговаривать.

— Может. Но тишина — тоже язык, милая. И очень жесткий, если им пользоваться умно. Вот это прозвучало почти как комплимент. И как предупреждение.

Позже, уже в спальне, Федор долго молчал. Снимал часы. Складывал рубашку. Проверял телефон. Как будто все время искал правильный момент, но не знал, где он.

Олеся читала. Точнее, держала книгу. На одной странице уже десять минут. Текст не шел. Мысли тоже.

Наконец он сказал:

— Ты решила меня наказать?

Она перевернула страницу. Медленно.

— За что?

— За вчерашнее.

— Нет.

— Тогда что это?

Она закрыла книгу. Подняла глаза.

— А что именно тебя смущает?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет. Объясни.

Теперь уже он посмотрел на нее так, будто хотел улыбнуться, но не смог.

— Ты весь день разговариваешь со мной как с человеком, который пришел чинить раковину.

— Это неправда. Я была вежлива.

— Именно.

Она положила книгу на тумбочку.

— Что плохо?

Он подошел к окну. Повернулся. Остался стоять.

— Сбивает.

Она и ждала подобного.

— Чем?

— Тем, что я не понимаю, ты злишься, отстранилась или просто решила оставить вчерашнее без разговора.

Она смотрела на него и чувствовала очень странное удовлетворение. Не злое. Почти спокойное. Значит, вот как. Его и правда выбило. Ее молчание, ровность. Отказ бросаться на каждую неловкость.

— А если все сразу? — переспросила она.

Он чуть сощурился.

— Нечестно.

— Почему?

— Потому что ты знаешь, что я не люблю неясность.

— А я не люблю, когда за меня решают, где заканчивается контракт.

Он медленно кивнул.

— Справедливо.

И снова эта его проклятая честность. Она встала с кровати. Подошла к зеркалу. Начала расчесывать волосы. Медленно. Потому что с зеркалом разговаривать легче. Не так уязвимо.

— Я не хочу устраивать сцен, — проговорила она. — Не хочу выяснений. Но и делать вид, что не заметила, тоже не собираюсь.

Он стоял за ее спиной. Не близко. Но так, что его присутствие ощущалось. Даже в тишине.

— Я заметил, — покойно ответил он.

— Это хорошо.

— Нет. Неприятно. Очень.

Она поймала его взгляд в зеркале.

— Ты не можешь меня контролировать, ты поймешь.

Слова прозвучали негромко. Почти мягко. Но легли очень точно. Она увидела, как он замер. Не от обиды. От понимания. Вот оно. Самое главное. Он привык действовать. Решать. Предугадывать. Подхватывать. Спасать. А здесь его поставили в точку, где нельзя ничего сделать быстро. Нельзя исправить одним жестом. Организовать безопасность. Проломить стену силой воли.

Федор отвел взгляд первым.

— Уже понял, — тихо сказал он.

— Правда?

Он усмехнулся едва заметно. Почти устало.

— Ты меня пугаешь.

Она замерла с расческой в руке. В комнате стало очень тихо. До того, что было слышно, как в соседней комнате Екатерина закрывает шкаф.

— Я? — переспросила Олеся.

— Да.

— Почему?

Он выдохнул. Подошел к стулу. Сел.

— Потому что ты не устраиваешь истерик. Не хлопаешь дверями. Не требуешь объяснений. Ты просто переставила воздух между нами так, что я весь день чувствую, что-то изменилось. И не могу это починить. Быстро.

Олеся медленно положила расческу.

— А ты хотел бы починить?

— Да.

— Даже если не понимаешь, что именно сломалось?

— Да.

Она отвернулась от зеркала. Села на край кровати.

— Вот поэтому ты и опасный.

Он чуть поднял бровь.

— Я?

— Да. Ты все время хочешь немедленно чинить то, что еще даже не назвало себя.

Он помолчал.

— Возможно.

— Такое не всегда помощь.

— Я знаю.

— Нет. Пока не знаешь.

Он не спорил. Спорящего Федора она уже научилась выдерживать. А вот этого — тихого, растерянного, честного — пока нет.

— Я не хочу, чтобы ты отступал, — заметила она после паузы. — Но и наступать так, как тебе удобно, тоже не надо.

— А как надо?

— Иногда просто ждать.

Он посмотрел на нее внимательно.

— Трудно.

— Для меня тоже.

— Но ты сейчас справляешься лучше.

Она качнула головой.

— Не льсти мне. Я просто очень устала. И не хочу превращать любую мелочь в драму.

— Для тебя это мелочь?

Она замялась всего на секунду. Но он, конечно, заметил.

— Нет, — ответила она честно. — Не мелочь. Именно поэтому я и молчу.

Он закрыл глаза на мгновение. Потом открыл.

— Жестоко.

— Да.

— И умно.

— Возможно.

Теперь уже он почти улыбнулся.

— Значит, ты правда решила меня помучить.

— Нет. Просто оставить внутри тебя немного неясности. Для воспитания.

— Очень по-доброму.

— А я и не обещала быть доброй.

— Это я тоже понял.

Снова тишина. Но уже другая. Более живая. Как будто они впервые за долгое время перестали не только играть роли, но и защищаться от самого факта взаимного влияния.

Она легла первой. Под свое одеяло. Отвернулась к стене. Через минуту он выключил лампу.

Темнота сразу сблизила все, что при свете еще можно было разложить по углам.

— Олеся, — сказал он тихо.

— Что?

— Я правда не хотел делать тебе хуже.

— Знаю.

— Но сделал.

— Да.

— И ты все равно не стала бить посуду.

— Не заслужил.

Он тихо усмехнулся.

— Спасибо.

— Не за что.

Пауза.

— И еще, — сказал он. — Я не пытаюсь тебя контролировать.

Она не повернулась.

— Пока нет. Но склонность есть.

— Это обнадеживает.

— Для кого?

— Для тебя. Значит, ты уже меня читаешь.

Она чуть улыбнулась в подушку.

— Не обольщайся. Ты довольно примитивен в некоторых вещах.

— Вот теперь я точно оскорблен.

— Ничего. Переживешь.

Он замолчал. И она уже почти провалилась в сон, когда услышала его очень тихое, почти невесомое:

— Ты меня правда пугаешь.

На этот раз она не ответила. Потому что поняла: это уже не про конфликт или про контроль. И даже не про контракт. А про то, что он начал зависеть от ее молчания сильнее, чем от чужих слов. И это делало их обоих намного уязвимее, чем любой прямой разговор.

Глава 11. СБЛИЖЕНИЕ

После их ночного разговора дом будто сдвинулся на полтона.

Не в сказку или в покой. Но в сторону чего-то более человеческого. Как если бы в комнате, где давно не открывали шторы, кто-то наконец отодвинул ткань. На ладонь. Света мало. Но его уже нельзя не замечать.

Олеся проснулась рано. Не от страха и шума. От тепла.

На секунду она не поняла, что именно изменилось. Потом открыла глаза и увидела, что ее одеяло съехало к ногам. На плечах же лежал плед. Темно-серый. Не ее. Не вчерашний.

Она резко села. Федор уже встал. Его сторона кровати была пуста. Дверь в спальню приоткрыта. Из кухни доносился тихий звон посуды.

Олеся смотрела на плед и чувствовала, как внутри поднимается раздражение. И еще что-то. Намного хуже раздражения. Он заметил, что она замерзла. Ночью. Молча. Не разбудил. Просто укрыл.

Вот оно. Еще одно нарушение. Еще один жест, который не вписывался. И который уже нельзя было списать ни на публику, ни на мать, ни на случайность.

Она взяла плед двумя пальцами, словно улику. Потом сама разозлилась на этот жест. Слишком театрально и по-детски. Она так не поступала. До него.

В кухне пахло овсянкой и кофе. Екатерина что-то тихо напевала у плиты. Федор стоял у окна с кружкой в руке. Услышав шаги, обернулся.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответила Олеся.

Спокойно. Очень спокойно. Она положила плед на спинку стула у двери и прошла к столу.

Федор скользнул по пледу взглядом. Не отвел глаза. Только чуть кивнул. Сам себе. Да. Замечательно. Екатерина обернулась с ложкой.

— Ой, какая ты сегодня живая. Это хорошо. А то вчера вы оба были как люди, которые в темноте подписали ипотеку.

Олеся не удержалась. Усмехнулась.

— Очень образно.

— Я умею, — довольно хохотнула Екатерина. — Ешьте, пока не остыло.

Завтрак прошел почти мирно. Плед лежал в углу и молчал громче всех. Олеся чувствовала его спиной. Как доказательство. Или лишнюю строчку в договоре.

Федор же вел себя безукоризненно. Спросил только, во сколько у нее первая запись. Потом сказал, что к обеду привезут новую вытяжку. Поинтересовался, нужен ли удлинитель для лампы. Все по делу. Никаких лишних интонаций. Никаких намеков. Еще сильнее ее раздражив.

Потому что кто тогда укрыл ее пледом? Неужели это вообще можно было сделать с таким лицом, будто утром ничего особенного не произошло?

После завтрака она специально ушла в веранду раньше обычного. Открыла окно. Впустила холодный воздух. Потом закрыла. Проверила баночки. Переставила пилки. Протерла стол. Сделала все, что уже и так было сделано. Не любила чувствовать себя выбитой из колеи. Особенно из-за чего-то такого глупого, как плед.

Первая клиентка опоздала. Вторая пришла слишком рано. Третья отменилась. День пошел рвано. Это раздражало. Но одновременно давало паузы, в которых можно было подумать.

И Олеся думала.

О том, что Федор все чаще замечает вещи, которых не должен замечать. Что в нем раздражающе мало красоты и много надежности. Рядом с ним страшно не только потому, что прошлое дышит в затылок. А просто рядом с ним становится легче. А это уже почти роскошь. А роскошь всегда отбирают первой. И достаточно жестоко отбирают.

К обеду приехала вытяжка. Вместе с ней — сам Федор. И парень из магазина, который заносил коробку. Шумел, спотыкался, извинялся. И пять раз спросил, «сюда или сюда». Олеся объясняла, куда ставить. Ловила себя на том, что внимательно следит, не заденет ли Федор коробкой ее лампу.

Он, конечно, не задел. Когда парень ушел, на веранде стало тихо. Только новая вытяжка лежала на столе, как обещание порядка. Когда-нибудь.

Федор начал распаковывать коробку.

— Я сама.

— Знаю.

— Тогда зачем ты это делаешь?

— Потому что тут тяжелый корпус.

— Я справлюсь.

— Угу.

Она посмотрела на него. Сердито.

— Ты всегда отвечаешь так, чтобы спорить было бессмысленно?

— Не всегда. Только когда ты устала.

— Откуда ты знаешь, что я устала?

Он на секунду поднял взгляд.

— Потому что ты третий раз с утра перекладываешь одну и ту же пилку.

Олеся резко посмотрела на стол. Пилка и правда лежала уже на четвертом месте.

— Случайно.

— Конечно.

Хотела огрызнуться, но не стала. Потому что это снова было бы слишком похоже на признание. Да, он прав. Да, она нервничает. Да, плед в углу спальни до сих пор не дает ей покоя.

— Спасибо, — ответила она сухо. — За вытяжку.

— Пожалуйста.

— И за плед.

Он замер всего на мгновение.

— Ты замерзла.

— Не ответ.

— Это факт.

— Ты не обязан.

— Да.

— И все равно.

— Угу.

Она закрыла коробку. Потом снова открыла. Поняла, что ведет себя глупо, и убрала руки.

— Ты все делаешь так, будто это нормально.

— А разве нет?

Она подняла на него глаза.

— Нет. Для фиктивного мужа — нет.

Он оперся ладонью о край стола.

— Ты бы предпочла проснуться замерзшей?

— Я бы предпочла не привыкать.

Вот тут он замолчал. Надолго. Слишком. Только сказал:

— Это уже не про плед.

Олеся отвернулась к окну.

— Да.

В воздухе повисло еще одно честное слово, которое уже нельзя было убрать обратно.

Он не пошел за ней. Не полез дальше. Просто тихо продолжил разбирать коробку. Сдержанность снова выбила ее из равновесия. Он слишком хорошо чувствовал, когда надо отступить. Не потому что боялся. Чувствовал, что ли.

К вечеру дом стал особенно тихим. Клиентки разошлись. Екатерина задремала в кресле у окна с журналом на коленях. Во дворе светился мокрый снег кое-где. Совсем чуть-чуть. Не зима уже. Но и не весна.

Олеся сидела на кухне одна и пила чай. Без сахара. Просто потому что больше не хотела ничего делать. И думать тоже не хотела.

Федор вошел позже. Снял куртку. Повесил. Увидел Олеся за столом и почему-то не стал проходить мимо. Сел рядом. Не напрягая.

— Ты сегодня совсем не ела, — отметил небрежно он. Глядя куда-то в сторону.

Она посмотрела на него поверх чашки.

— Начинается.

— Нет. Констатация. Факта.

— У тебя все опасное подается как констатация.

— Не все.

— Например?

— Например, то, что ты красивая, я уже говорил не как констатацию.

Олеся чуть не поперхнулась чаем.

— Ты умеешь убивать разговоры.

— Иногда это полезно.

Она поставила чашку.

— Ты специально?

— Что именно?

— Говоришь такие вещи своим ужасно спокойным голосом, как будто я должна просто кивнуть и жить дальше.

Он чуть наклонил голову.

— А ты не можешь?

— Нет.

— Хорошо.

И снова никакой защиты. Никакого «не понял шутки». Услышал. Принял. От этого хотелось или ударить его ложкой, или сесть ближе. Обе реакции были одинаково плохими. Она устала в стол.

— Мне не нравится, что рядом с тобой становится... удобно.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Мне тоже.

Олеся подняла глаза резко.

— Что?

— Мне не нравится, что я начал ждать, когда ты выйдешь утром на кухню.

На этот раз молчание было уже другим. Не робким. Она смотрела на него и не знала, что делать с этой прямоотой. Нормальные мужчины, наверное, в такие моменты берут за руку, говорят красивое, приближаются. Этот сидел за столом в сером свитере, с чуть уставшими глазами, и говорил простые вещи. Так, что после них становилось труднее дышать.

— Ты очень плохо умеешь быть фиктивным, — усмехнулась она. Почти жалко.

— А ты очень плохо умеешь быть равнодушной.

— Это обвинение?

— Наблюдение.

Она почти улыбнулась. Почти. Екатерина проснулась в кресле и заявила, не открывая глаз:

— Если вы там наконец перестали изображать двух бухгалтеров на поминках, налейте и мне чаю.

Олеся не выдержала. Рассмеялась. Тихо. Но по-настоящему.

Федор встал первым. Поставил чайник. Достал чашку матери. Все движения привычные. Домашние. И, глядя на него в этот момент, Олеся вдруг поняла то, что раньше только чувствовала краем ощущений. Он любил не словами. Он вообще, наверное, все важное делал не словами. Подвинуть стул. Налить воду. Проверить замок. Купить вытяжку. Укрыть пледом. Поставить чайник для матери.

Такие вещи цепляются глубже всего.

Вечером вырубился свет. Не в доме. Во всем квартале. Мигнул. Щелкнул. И все погасло. Сразу.

— Ну прекрасно, — язвительно сказала Екатерина в темноте. — Только этого не хватало.

— Сиди, — сразу отозвался Федор. — Принесу фонарь.

Олеся уже встала. Но в темноте не сразу нашла край стола. Коленом задела ножку. Тихо выругалась. И в ту же секунду его ладонь легла на ее локоть.

Не удерживая. Просто ориентир.

— Стой, — сказал он. — Не двигайся.

Она замерла. Темнота была полная. Плотная. Без улицы и фонарей. Только его рука на локте. Теплая. Надежная. И очень реальная.

Он отпустил почти сразу. Нашел фонарь. Щелкнул кнопкой. Кухня вынырнула из мрака кусками. Стол. Чайник. Кресло. Лицо Екатерины. И его лицо. Сосредоточенное. Близкое.

— Генератор есть? — спросила Олеся, сама не зная зачем.

— Нет. Но свечи есть, — ответила Екатерина. — И слава богу, я не настолько современная, чтобы доверить жизнь только проводам.

Через пару минут кухня уже светила двумя свечами и одним фонарем. Все это выглядело так по-домашнему, что хотелось либо плакать, либо сбежать из собственного тела. Да и из жизни. Наверное.

— Вот, — довольно ворковала Екатерина. — Совсем другое дело. Теперь как люди.

Федор принес плед и накинул матери на плечи. Потом вопросительно посмотрел на Олеся.

— Нет, — отказалась она сразу.

— Я еще ничего не предложил.

— И не надо.

— Хорошо.

Свеча освещала его лицо так, что оно казалось мягче. Тени сгладили жесткость скул. Глаза стали темнее. Спокойнее. Почему-то именно в этом полумраке сидеть с ним за столом было не страшно. А приятно. И очень тихо.

Екатерина ушла к себе раньше обычного. Сослалась на сердце. И на погоду. На атмосферу. Оставила их вдвоем.

Олеся не сразу поняла, что они впервые остались одни не в спальне, не на бегу. В кухне. При свечах. Как нормальные люди, которым не надо срочно решать, спасать, прятаться, чинить.

Она крутила в пальцах ложечку.

— Знаешь, что самое страшное? — спросила она неожиданно. Для себя.

Федор поднял взгляд.

— Что?

— Не то, что он жив.

Он не перебил. Слушал. Ждал.

— Не то, что может найти. Не письма. Не звонки. Ерунда все. Я иногда забываю бояться. Особенно, когда рядом кто-то есть. А зря.

Слова получились глупыми и не серьезными. Почти шепотом. Но уже было поздно их забирать обратно.

Федор долго смотрел на нее. Потом сказал:

— Это не страшно. Не бойся.

— Для тебя.

— Для тебя тоже.

Она покачала головой.

— Нет. Пока рядом кто-то есть, а потом не станет. И будет еще хуже.

Вот оно. Самое дно. Честный страх. Не перед Геннадием (Боже! Она произнесла это имя. Даже не вслух). Перед потерей опоры, которая только начала складываться. Он отвел глаза. От неловкости. Думал, как ответить и не соврать.

— Я не умею обещать того, что не зависит только от меня, — проговорил он наконец.

— Я знаю.

— Но пока я рядом, тебе не надо бояться. Одной.

Она посмотрела на него. Не почувствовала желания спорить. Потому что это не было обещанием вечной защиты. Или красивой фразой. На сейчас. В этой кухне. На этот вечер. С догоревшей свечой между ними.

— Я никогда не думала, что можно быть так близко и не бояться, — прошептала она. Больше себе, чем кому-то еще.

Он замер.

Свеча дрогнула. Тени качнулись по стене. Федор не сразу ответил. И она уже подумала, что, наверное, сказала лишнее. Рано. Слишком открыто. Но потом он поднял глаза. И в них было что-то совсем новое. Не осторожность. Страх. Настоящий. Живой.

— Может, я чего-то не понимаю, — прошептал он, — но я боюсь потерять тебя. Теперь.

Кухня стала слишком маленькой. Олеся медленно вдохнула. Потом выдохнула. И не нашла ни одного безопасного слова. Ни одного. Все, что приходило в голову, было или слишком холодным, или слишком близким.

Поэтому она не сказала ничего. Просто смотрела на него. Он тоже молчал.

В эту секунду между ними не было контракта. Матери, города, клиенток, чужих взглядов. Геннадия. Только чистая правда, на которую оба еще не имели права. Но не могли сделать вид, будто не слышали ее.

Свет дали только еще через двадцать минут. Лампочка вспыхнула резко. Вернула кухне обычный вид. Стол. Чашки. Чайник. Полотенце на спинке стула. Все прежнее. Только они уже были другими.

Олеся первой встала.

— Мне пора спать, — обозначила она.

— Да, — хрипло ответил он.

Не удерживал. И за это она была ему благодарна почти так же сильно, как за плед.

В спальне она долго стояла у окна. Смотрела на темный двор. На яблоню и забор. Мокрый снег, который уже таял. Сердце билось спокойно. Все изменилось. Вообще все.

Когда Федор вошел, она не обернулась.

— Ты жалеешь? — спросила она в темноту стекла.

Он понял, о чем речь. Конечно.

— Нет.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Она закрыла глаза.

— Ужасный человек.

— Потому что честный?

— Потому что говоришь такие вещи и оставляешь меня с ними. Одну.

Он подошел. Но остановился в шаге.

— Если хочешь, я могу замолчать.

Олеся наконец обернулась.

— Нет. Будет еще хуже.

Он кивнул. Как будто и сам это знал.

Потом они легли. Каждый под свое одеяло. На своей стороне. И все равно между ними уже не было прежней дистанции. Ее нельзя было вернуть текстилем. И глупостями.

В темноте Олеся долго не засыпала.

Она слушала его дыхание. Близкое. И думала о том, что в нормальной жизни, это и называется началом. А в их жизни — гранью. Желанной. Почти невыносимой.

Глава 12. ВНЕШНИЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ

После вечера на кухне все стало опасно тихим.

Не потому, что между ними случилось что-то плохое. Наоборот. Случилось что-то слишком хорошее. Честное. Оба понимали.

Олеся проснулась раньше будильника и сразу почувствовала неловкость. Не стыд или страх. Именно неловкость. Так бывает, когда человек вчера сказал больше, чем собирался. А утром должен снова жить в обычной комнате. С теми же шторами, тумбочкой и мужчиной. Рядом.

Было пусто. Федор опять встал раньше. На тумбочке стоял стакан воды. Уже привычный. Она села. Потерла лицо ладонями. Вчерашние слова не уходили.

Я начал бояться потерять тебя.

Нормальный человек после такого, наверное, должен был либо испугаться, либо растаять. Олеся не смогла ни того, ни другого. Внутри была смесь тревоги, тепла, почти злости. Потому что слишком быстро. Не по плану. Теперь рядом с ним она уже не только боялась. Начинала ждать. То есть с ужасной скоростью неслась к краху. И осознала это. Дурь и беспомощность.

На кухне пахло сырниками. Екатерина напевала себе под нос. Федор стоял у окна с телефоном в руке. Услышав шаги, сразу поднял голову. И вот это ей тоже больше не нравилось. Он теперь всегда реагировал на ее шаги.

— Доброе утро, — улыбнулся он.

— Доброе.

Екатерина обернулась с тарелкой.

— Садитесь оба. И не смотрите друг на друга так, будто вам ночью выдали новую форму общения. И вы еще не успели ее примерить.

Олеся едва не подавилась воздухом. Федор очень спокойно сел за стол. Только по лицу было видно, что мать попала. Как обычно.

Завтрак прошел в странной мягкости. Никто не спорил, ничего не выяснял. Екатерина рассказывала про рынок и какую-то тетю Зою. Внук который опять связался «с девицей с губами, как сигнал тревоги». Федор отвечал коротко. Олеся молчала больше обычного, но уже не в наказание. Скорее из осторожности. Любое лишнее слово сейчас могло потянуть за собой вчерашний вечер. А она еще не была готова очутиться в той же точке.

После завтрака он сказал:

— Я в город. На час. Потом в отдел.

Она сразу напряглась.

— Опять?

— Да.

— По делу Петрова?

— Частично.

— А остальное?

Он на секунду замолчал. Потом ответил:

— Старые бумаги.

Олеся подняла взгляд.

— Какие именно?

— Мои.

Вот тут что-то кольнуло. Не сильно, но неприятно. Экая заноза.

— Ясно.

Он смотрел на нее внимательно.

— Что?

— Ничего.

— Олеся.

— Я сказала: ничего.

Он, кажется, хотел продолжить. Но в кухню вошла Екатерина с банкой сметаны, и момент был потерян. Федор взял ключи, куртку и ушел. А Олеся осталась с этой сухой фразой внутри.

Мои бумаги.

Не надо было быть очень умной, чтобы понять, что в городе его ждет не только работа. Прошрое шевельнулось. И оно у него есть. Отчего-то именно сегодня это раздражало сильнее, чем следовало.

В веранде было прохладно. Она включила лампу, разложила инструменты и попыталась уйти в работу. Не вышло. В голове крутились вчерашние слова. Утренний взгляд. И это глупое «мои бумаги».

Первая клиентка пришла бодрая, разговорчивая и в алом шарфе.

— Мне короткий квадрат, — сказала она, устраиваясь в кресле. — И что-нибудь не вызывающее. А то муж у меня нервный.

— Нервный — это диагноз или характеристика? — хихикнула Олеся.

Женщина рассмеялась.

— Вот. Уже люблю тебя. Характеристика. Но с претензией на диагноз.

Работа пошла. Слова клиентки текли поверх ее мыслей и чуть приглушали их. Потом пришла вторая. Следом третья. К обеду в веранде уже пахло обезжиривателем, кремом для рук и женскими разговорами. Мир опять делал вид, что все просто. Олеся почти начала ему верить, когда телефон Екатерины резко зазвонил в кухне. Громко. Старой мелодией. Почти тревогой.

Через минуту мать Федора появилась в дверях.

— Олеся, ты можешь оторваться, на пять минут?

По ее лицу стало все понятно. Нет, это не про сметану и не про соседку.

Олеся извинилась перед клиенткой и вышла в кухню.

— Что случилось?

Екатерина стояла у стола, крепко сжав телефон.

— Мне звонили из отдела. Неофициально. Просили передать Феде, что к нему приехали.

— Кто?

Екатерина посмотрела очень странно. С сочувствием и раздражением одновременно.

— Женщина.

Олеся ничего не сказала. Вообще ничего. Но внутри будто тонко треснуло стекло.

— Какая женщина? — спросила она наконец.

— Не знаю. Назвалась Анной. Сказала, что вопрос личный. И ждать будет недолго.

Вот теперь ударило сильнее.

Анна.

Та самая? Предательница? Что была до нее? Из-за которой он ехал тогда в поезде? К матери. С чужой болью и планом в голове?

Екатерина все увидела по ее лицу.

— Я, наверное, зря тебе сразу сказала.

— Нет. Правильно.

— Не накручивай себя.

— Не накручиваю. Все отлично.

Но это, конечно, была ложь.

Она вернулась на веранду с бледным лицом. Доработала клиентку, не помнила, как. Пальцы делали свое. Голова жила в другом мире. В отделе. Или не в отделе. В машине, коридоре. Рядом с женщиной по имени Анна.

Олеся очень старалась не давать этому имени форму. Не представлять ее. И точно не думать, как именно она выглядела. Когда Федор застал ее с другим. Но разум, как назло, уже работал против нее. Наверное, красивая. Уверенная. Взрослая. Та, ради которой мужчина вроде него вообще мог потерять голову.

К вечеру она устала от самой себя. Последняя клиентка ушла позже обычного. За окном уже сгустились сумерки. Дом внутри был тихий. Екатерина то ли специально не заходила, то ли просто понимала, что сейчас лучше не трогать.

Федор вернулся, когда Олеся протирала стол. Она услышала его шаги. Остановилась. Не обернулась сразу. Он вошел на веранду. Постоял в дверях. Потом тихо сказал:

— Нам надо поговорить.

Вот. Классика. Значит, было о чем.

Олеся медленно повернулась.

— Да неужели.

Он уловил тон сразу.

— Мама сказала?

— А должна была молчать?

— Нет.

— Тогда в чем проблема?

Федор провел ладонью по лицу. Усталый жест. Без защиты.

— В том, что ты уже злишься, не зная деталей.

— Так расскажи, детали.

Он зашел внутрь. Закрыв дверь.

— Анна.

— Я догадалась.

— Приехала без предупреждения.

— Какой ужас. Бедный.

На секунду в его глазах вспыхнуло что-то резкое. Потом он снова взял себя в руки.

— Не надо.

— Чего именно?

— Делать вид, что тебе все равно.

Олеся отложила салфетку.

— А мне и не все равно.

Вот и прозвучало. Быстро. Почти зло. Но честно.

Он посмотрел прямо.

— Хорошо.

— Это все, что ты скажешь?

— А что ты хочешь услышать?

— Правду.

— Тогда слушай.

Он оперся ладонями о край стола. Думал, иначе не удержит разговор в форме.

— Она приехала потому, что узнала о Геннадии.

Олеся моргнула.

— Откуда?

— У нее знакомые в Москве. Кто-то видел старую сводку. Дальше пошло по цепочке.

— И ей зачем это?

— Потому что она знает, как я реагирую на такие вещи.

— Очень мило. Чуткая бывшая.

— Олеся.

— Я слушаю.

Он замолчал на секунду. Потом продолжил:

— Она хотела предупредить.

— О чем?

— Что, по ее информации, Петров не один. И если он вышел, значит, ему помогали люди с деньгами и связями. Значит, не просто психопат, который бежал за прошлым. Это человек, у которого остались ресурсы.

Вот теперь ревность споткнулась о реальность. Не исчезла. Но потеряла право быть главной.

— Почему ты не сказал утром? — тихо спросила она.

— Потому что не знал, приедет ли она. И не хотел вносить лишние. Проблемы.

— То есть, решил сам.

— Да.

— Опять.

— Да.

Она отвернулась к окну. В стекле отражалась комната. Ее лицо. Его фигура за спиной. Все это выглядело почти по семейному. И оттого особенно раздражало.

— Ты мне сказал, что прошлого нет.

Слова вышли ехиднее, чем она ожидала. Но легли точно. Он не ответил сразу. Задумался.

— Я сказал, что не хочу жить им, — произнес он наконец.

— Это не одно и то же.

— Да.

— Тогда почему ты сделал вид, что все закрыто?

Шагнул ближе. Не касаясь. Но уже слишком рядом для спокойного разговора.

— Потому что не хотел принести его в дом.

— И оно само пришло?

— Да.

— Очень удобно.

— Думаешь, мне удобно?

Она резко обернулась.

— Я думаю, что ты опять решил за двоих. Я узнаю о важных вещах после матери, отдела, бывшей любовницы и кого угодно еще. Только не от тебя.

Теперь он тоже перестал быть спокойным. Голос стал жестче.

— Она не любовница.

— Уже нет?

— Уже давно нет.

— Но приехала именно к тебе.

— Потому что знала, что я не проигнорирую угрозу.

— Или потому что знала, что ты не проигнорируешь ее.

Тишина ударила сразу. Очень больно. Почти физически.

Он смотрел на нее так, будто в эту секунду решал, что сказать дальше или не сказать вообще.

— Несправедливо и жестко, — произнес он тихо.

— Возможно.

— И ты это понимаешь.

— Да.

— Но все равно говоришь.

— Да.

Вот так они и стояли. На узкой веранде, среди баночек, лампы и женских пилок. Мужчина, который привык спасать, и женщина, которая слишком боялась быть второй после чьего-то прошлого.

Первой не выдержала она.

— Как она выглядит? — спросила Олеся вдруг. И прикусила губу. Спалилась, мать.

Федор моргнул.

— Что?

— Кто! Твоя Анна. Как выглядит?

— Сейчас важно?

— Нет. Поэтому и спрашиваю.

Он закрыл глаза на секунду. Устало.

— Зачем тебе?

— Чтобы знать, с кем мне сравниваться в своей голове. Раз уж день такой удачный.

Он медленно выдохнул.

— Не надо.

— Поздно. Я уже.

— Олеся.

— Просто ответь.

Он посмотрел очень прямо.

— Она красивая. Умная. Взрослая. И не имеет отношения к тому, что между нами происходит сейчас.

Вот именно эта честность опять ударила. Не «да глупости». А красивая, умная, взрослая. Спасибо. Очень полезно. Невероятно!

Олеся кивнула. Слишком спокойно.

— Отлично.

— Нет.

— Честно. Ты же у нас любишь честность.

Он подошел ближе еще на шаг.

— Мне не нужна она.

— Но ты ей веришь.

— По фактам — да.

— А по памяти?

— Нет.

«Нет» прозвучало слишком быстро, чтобы быть заготовкой. Задело.

Олеся опустила в кресло клиентки. Вдруг поняла, что больше не хочет стоять. Ноги гудели. Голова тоже.

— И что дальше? — жалобно спросила она.

Он остался стоять.

— Дальше я проверю все, что она сказала.

— А мне опять скажешь потом?

— Нет. Сразу.

— Обещаешь?

— Да.

Она горько усмехнулась.

— Ты так много всего обещал в этом браке, что я уже путаюсь.

— Это было про договор.

— А сейчас?

Он замолчал. И вот это молчание впервые стало не защитой. Признанием. Он и сам понимал, что сейчас уже речь не только о бумаге. За окном скрипнула калитка. Оба вздрогнули. Синхронно.

Федор повернул голову на звук. Старая реакция. Собранность. Действие раньше мысли.

— Кто там? — тихо спросила Олеся.

Он уже шагнул к двери.

— Сиди здесь.

— Нет.

— Олеся.

— Я не буду сидеть, пока ты опять все решаешь один.

Он бросил на нее короткий взгляд. Очень быстрый. Но в нем было все: раздражение, страх, признание. И что спорить нет времени.

Они вышли вместе. Во дворе стоял Кирилл. Без формы. В куртке. С пакетом. Но лицо было жестким.

— Есть новости, — сразу бросил он.

— Говори, — отозвался Федор.

Олеся не ушла. Осталась на крыльце. Кирилл увидел это. Кивнул ей. И больше не делал вид, что можно говорить при ней не все.

— В Москве нашли еще одну дырку в деле Петрова, — сказал он. — И одну старую машину, которую связывают с ним по косвенным данным. Машина всплыла в Тверской области три месяца назад. Потом исчезла.

Олеся почувствовала, как в груди снова все сжимается.

— Это что-то меняет? — спросил Федор.

— Да. Он мог начать движение раньше, чем мы думали. И не в одиночку.

Вот и вернулись слова Анны. Красивой, умной, взрослой. Очень полезной.

Олеся опустила взгляд. Ей было неприятно, что сейчас она думает не только о Геннадии. Но и о ней. Женщине, которая пришла с важной информацией. И, возможно, знала Федора в той части жизни, до которой Олеся пока никто не допускал.

Кирилл уехал через пять минут. Во дворе снова стало тихо. Вернулись в дом молча. На кухне уже ждала Екатерина с подогретым ужином. По лицам поняла все и сразу.

— Ничего хорошего?

— Нет, — сказал Федор.

— А что-то человеческое у вас сегодня вообще планируется? Или только сводки?

Олеся вдруг поняла, что сейчас заплачет от этой простой материнской попытки разрядить воздух. Почти засмеется и заплачет одновременно.

— Не знаю, — честно простонала она.

Екатерина посмотрела на нее очень внимательно. Потом тихо поставила перед ней тарелку.

— Тогда сначала ешь.

Ужин прошел тяжело. Не в ссоре. В недосказанности. Самой вязкой и липкой. Мерзкой.

Федор несколько раз поднимал взгляд, хотел заговорить. Олеся отвечала коротко. Знакомо. Он узнавал это состояние. И оно ему явно не нравилось.

После ужина Екатерина ушла к себе рано. Сослалась на усталость. На сердце. И то, что «в доме и без нее слишком много чувств, которым некуда сесть».

Они остались вдвоем, в спальне. Олеся снимала серьги перед зеркалом. Очень аккуратно. Не потому что боялась их уронить. Просто давала отсрочку.

Федор стоял у окна.

— Ты мне не веришь, — произнес он.

Не вопрос. Факт.

— В чем именно?

— Что между мной и Анной все давно кончилось.

Она положила серьгу на тумбочку.

— Я верю, что все кончилось.

— Но?

— Но не верю, что прошлое отпускает так легко, как ты делал вид. Значит — врешь.

Он молчал.

— И не верю, что ты сказал мне сегодня все, — добавила она тише.

Теперь он обернулся.

— Почему?

— У тебя лицо человека, который половину оставил внутри. Для себя.

Вот тут он усмехнулся. Криво. Без радости.

— У тебя опасная наблюдательность.

— Ты сам виноват. Научил.

Он подошел ближе. Не впритык.

— Я сказал главное.

— Нет.

— Что еще ты хочешь услышать?

Олеся подняла на него глаза.

— Правду про нее. И про тебя.

Он стоял молча. Слишком долго.

— Ты мне сказал, что прошлого нет, — повторила она. — А оно сегодня приехало к тебе само.

И тогда он ответил. Тихо. Почти глухо.

— Мое прошлое будет преследовать меня всегда.

После этой фразы в комнате стало очень пусто.

Олеся поняла, что вот теперь слышала не про Анну. Не про бывшую любовь. Про него. Про его вину и не снятый груз. Что рядом с ней живет человек, который не просто однажды был предан. Он до сих пор несет что-то такое, что не дает ему ни выдохнуть, ни стать проще.

Она медленно села на кровать.

— Это из-за того человека? — спросила она очень тихо. — Который погиб?

Федор закрыл глаза. Не ответил. Но этого хватило. Молчание оказалось страшнее ревности. Анны. Даже Геннадия на одну короткую секунду. Рядом с Олесей жил мужчина, которого прошлое держало так же крепко, как ее саму.

Только он умел прятать это, лучше. Пока не приехала женщина из его старой жизни и не дернула нужную нить. Молчали долго. Потом Олеся легла, не раздевшись до конца. Натянула одеяло и отвернулась к стене.

Федор не тронул ее. Это было почти милосердием. Но облегчения не принесло. Потому что теперь она знала, что дело не только в Геннадии. У Федора тоже был свой хвост за спиной.

Длиннее, чем она думала.

Глава 13. ОТДАЛЕНИЕ

После разговора про Анну дом снова изменился.

Не резко. Не на глазах. Но Олеся почувствовала это уже утром. Воздух стал суше. Движения — точнее. Голоса — тише. Как будто кто-то натянул между комнатами тонкую проволоку, и теперь каждый шаг приходилось выверять. Чтобы не задеть. И не порезаться.

Федор встал раньше. Она слышала сквозь сон. Но не сразу проснулась. Просто заметила, как рядом ушло тепло. Потом щелкнул ремень часов. Тихо закрылась дверь. Никаких лишних звуков и возни. Привычной паузы у тумбочки, когда он обычно ставил ей воду или проверял, не сползло ли ее одеяло.

Олеся открыла глаза и сразу поняла. Он начал отступать.

Она еще лежала, смотрела в потолок и уже знала это телом. Не логикой или наблюдательностью. Телом. Именно так и выглядит чужое решение. Когда тебя не спросили, но уже приняли. За тебя.

На тумбочке воды не было.

Глупая мелочь. Почти смешная. Но именно от нее вдруг стало так неприятно, что захотелось сесть прямо в кровати и выругаться. Или разрыдаться. Вот дура-то!

— Отлично, — сказала она в пустую комнату.

Потом встала. Быстро оделась. Застегнула блузку до горла и пошла на кухню.

Екатерина уже ставила чайник. Увидела ее и сразу прищурилась.

— Так. Что теперь?

— А что теперь? — слишком ровно спросила Олеся.

— Вот именно это лицо у тебя бывает, когда ты решила держаться из последних сил. Но хочешь кого-нибудь укусить. Сильно.

Олеся села за стол.

— Не хочу никого кусать.

— Тогда суп.

— Утром?

— В моем доме суп никогда не лишний.

Это было почти смешно. Но смеяться не хотелось.

Федор вошел через минуту. Уже собранный. Темная рубашка. Спокойное лицо. Ни одного следа бессонной ночи. Ни одного. Как будто вчерашний разговор про прошлое, Анну, погибшего человека и все остальное он просто сложил в папку и убрал в ящик.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила Олеся.

И все.

Он налил себе кофе. Сел чуть дальше обычного. Взял телефон. Просмотрел экран. Ответил на какое-то сообщение. И даже не посмотрел на нее так, как смотрел последние дни. Без этой раздражающей, лишней, слишком личной внимательности.

Вот тогда Олеся и поняла. Да, все правильно. Он и правда решил отойти.

Не потому что охладел стало все равно. Хуже. Потому что решил, что так лучше.

Екатерина переводила взгляд с одного на другую. Как врач, у которого пациенты временно делают вид, что они совершенно здоровы.

— Вы оба сегодня меня пугаете, — сказала она наконец.

— Почему? — спокойно спросил Федор.

— Потому что ты разговариваешь как банкомат. А она как женщина, которая очень старается не вылить чай в виноватое лицо.

Олеся медленно подняла чашку. Сделала глоток.

— Я стараюсь.

— Вижу, — сухо сказала Екатерина. — И не уверена, что мне нравится. И кто из вас сейчас старается хуже.

Федор не ответил. Даже это было новым. Раньше он хотя бы отшучивался. Сейчас — нет. Просто молчал.

После завтрака он сказал:

— Я сегодня поздно.

Олеся не подняла головы от чашки.

— Ясно.

— Если что-то понадобится, звони мне или Кириллу.

Вот это уже было слишком. Она медленно поставила чашку.

— Кириллу?

— Да.

— Очень удобно.

— Это безопасность.

— Нет. Это ты.

Он посмотрел прямо. Впервые за утро по-настоящему.

— Олеся.

— Нет, правда. Ты решил сократить себя до инструкции? Хорошо. Но не надо делать вид, что это называется заботой.

Екатерина очень тихо встала из-за стола.

— Я пойду к себе, — сказала она. — У меня внезапно появилось чувство, что сейчас на кухне будет что-то важное и неприятное. Без меня.

Она ушла. Дверь закрылась. Федор не двинулся. Только опустил телефон на стол.

— Я не делаю вид.

— Тогда что ты делаешь?

Он помолчал.

— Держу дистанцию.

— Я заметила.

— Так нужно.

Олеся чуть склонила голову.

— Кому?

— Нам.

Вот это «нам» сейчас прозвучало почти издевательски. Потому что именно он в одностороннем порядке решил, как именно этому «нам» жить дальше.

— Нет, — ответила она тихо. — Тебе. Не прикрывайся.

Он сжал челюсть. Совсем немного. Но она увидела.

— Хорошо. Мне.

— И зачем?

— Потому что так безопаснее.

— Для кого? От Геннадия или от тебя самого?

Вопрос ударил точно. Она поняла это сразу по его лицу. И сама же испугалась, насколько точно попала. Он отвернулся. Взял ключи.

— Я не хочу сейчас это обсуждать.

— Конечно. Ты лучше просто уйдешь.

— Да.

И ушел. Вот так. Даже без хлопка дверью и резкости. Повода устроить настоящую сцену. Просто ушел. И от этого стало больше, чем если бы накричал.

Олеся осталась на кухне одна. Теплый чай. Тарелка с недоеденной запеканкой. Ложка у края блюда. И ощущение, что ее только что аккуратно, грамотно и очень хладнокровно отодвинули на безопасное расстояние.

Она сидела так несколько минут. Потом встала. Вышла во двор. Воздух был пронзительным. Почти весенним. Сырой. Как глупо все. Именно такой, какой бывает после снегопада, который уже не хочет быть только снегом.

На веранде было светло. И пусто. Она включила лампу просто потому, что хотела занять руки. Но запись была только через час. Целый час до первой клиентки. Час, чтобы подумать.

Мучительный процесс. Она раскладывала палитру. Переставляла баночки. Вытирала и без того чистый стол. И все время возвращалась к одному и тому же.

Он испугался. Не Геннадия, Анны, Москвы, спец. отдела.

Ее.

Того, что между ними стало происходить слишком по-настоящему. Плед ночью. Вода на тумбочке. Ужин. Его слова на кухне при свете свечи. Все это уже не укладывалось в контракт. И вместо того чтобы хотя бы честно сказать: я не справляюсь, — он выбрал старый мужской метод. Становиться суше. Чище. Дальше. Как будто дистанция решает.

— Прекрасно, — плеснула желчью Олеся вслух. — Очень зрелое решение.

В дверь постучали. Пришла Нина. Громкая. Живая. В малиновом пуховике. С голосом, который был способен рассеять мрак лучше любой молитвы.

— Здравствуй, красавица. Я к тебе на коррекцию и на исповедь. Но сначала — коррекция.

Олеся усадила ее в кресло.

— Исповедь — это позже. У меня пока рабочий день.

— Вот и славно. А то у тебя лицо человека, который всю ночь кого-то либо целовал, либо мысленно убивал. Я пока не поняла, что хуже. Но целоваться, мне бы больше понравилось!

Олеся едва не уронила пилку.

— Вы ужасная женщина.

— А ты слишком красивая для такого кислого взгляда. Что случилось?

— Ничего.

— Врешь.

— Да.

Нина довольно кивнула.

— Уже лучше. Значит, живая.

Олеся включила аппарат.

— У вас нет случайно таланта, чтобы не лезть в душу?

— Нет. Это мой главный дефект. Профессиональный.

И вот именно это — громкость, прямота, отсутствие аккуратности — вдруг оказалось почти спасением. С Ниной не нужно было играть. Для нее нельзя было сделать вид, что все в порядке. Она все равно почует дым даже за железной дверью.

— Мужчины, — сказала Нина минут через десять, рассматривая свои ногти, — вообще существа странные. Если любят — начинают либо кормить, либо исчезать.

Олеся замерла.

— Почему сразу, любят?

— Потому что просто так никто не исчезает с таким лицом, как у твоего. Я его утром видала у калитки.

— И какое у него лицо?

— Как у человека, который решил отрезать себе палец, потому что рука начала дрожать.

Олеся опустила глаза. Даже соседки уже все поняли. Великолепно.

— Может, он просто занят, — протянула она.

Нина хмыкнула.

— Это вы, молодые, всегда так думаете. А я тебе скажу, что занятой мужчина выглядит занятым. А испуганный — собранным. Это разное.

Вот теперь у Олеси внутри стало совсем тихо. Не потому что больно. Потому что слишком точно.

После Нины пришла Марина. Потом девушка из аптеки. Потом тетя Лида с пирогом и жалобами на суставы. День тянулся. Работа шла. Но под всем этим была пустота. Не катастрофа или буря. Именно пустота. Как если бы из дома вынули один важный звук. И все остальные теперь звучали не так.

Федор не позвонил. Не написал. Даже короткого «как ты?» не было.

Олеся ловила себя на том, что каждые двадцать минут смотрит в телефон и почти сразу злится на себя за это. Потом опять смотрит. И снова злится.

К вечеру она устала от собственной гордости. От его гордости. От всего этого взрослого, правильного, очень мужского способа разрушать близость во имя защиты.

Когда последняя клиентка ушла, в доме уже стемнело. Екатерина сидела в гостиной с вязанием. По лицу было видно, что не считает петли. Ждет.

— Не звонил? — спросила она.

Олеся сняла фартук.

— Нет.

— Ясно.

— Вам правда ясно?

Екатерина посмотрела поверх очков.

— К сожалению, да. Мой сын иногда такой идиот, что мне хочется вернуть его обратно в детство и заново воспитать.

— Это утешает.

— Не должно. Но хотя бы подтверждает, что проблема не в тебе.

Олеся медленно села в кресло.

— Он решил, что так лучше.

— Конечно.

— И вы даже не удивлены.

— Нет. Когда Федя пугается за кого-то, он сначала становится железным. Потом — невозможным. Потом делает вид, что все под контролем. Это его любимая цепочка.

— И как это лечится?

Екатерина задумалась.

— Обычно — никак. Пока сам не упрется лбом в последствия. В смысле, пока не разобьем свой упрямый лоб.

Вот в этом и была суть. Надо было дать ему упереться.

Олеся вздохнула. Глубоко. А потом вдруг поняла, что не хочет больше прятаться за молчанием. Не из гордости. Из ясности. Если сейчас промолчать, он решит, что отдаление — это благородство. А не трусость.

Федор вернулся поздно. Почти в девять.

Олеся услышала машину. Потом звук открываемой калитки. Следом его шаги. Не быстрые. Но более тяжелые, чем обычно. Значит, день был плохой. Прекрасно. Пусть. Ей тоже не подарили легкого дня.

Вошел в прихожую, снял куртку, повесил. Увидел свет в гостиной. Ее. Мать. Замер на секунду.

— Добрый вечер.

— Нет, — спокойно сказала Екатерина. — Не добрый. Иди к жене. Я уже все поняла за вас обоих и слишком устала играть в игры.

Встала и ушла к себе. Очень демонстративно. Даже дверь закрыла так, чтобы стало ясно: теперь выкручивайтесь сами. Федор остался у порога гостиной. Олеся сидела в кресле у окна. Не встала. Не подошла. Смотрела на него спокойно. Спокойствие давалось сложно. Но терпимо.

— Как день? — спросил он.

Она едва не рассмеялась.

— Ты сейчас серьезно?

Он закрыл глаза на секунду.

— Хорошо. Не так.

— Нет. Не так.

Тишина в комнате становилась плотной. Почти осязаемой.

Он прошел к дивану. Но остался стоять. Еще не понимал, имеет ли право устраиваться в этом разговоре.

— Я не хотел делать тебе больно, — сказал он.

Олеся подняла взгляд.

— Но сделал.

— Да.

— И сейчас хочешь, чтобы я помогла тебе это облегчить?

— Нет.

— Тогда зачем ты это говоришь?

Он провел ладонью по затылку. Редкий жест. Почти беспомощный для него.

— Потому что ты имеешь право знать, почему.

— Знаю.

— Нет. Ты думаешь, что знаешь.

Она медленно встала.

— Тогда объясни.

Он выдохнул.

— Я понял, что слишком втянулся.

Вот. Наконец. Не контракт. Безопасность. Геннадий. Мать. Правда. Олеся смотрела на него и чувствовала, как внутри становится очень холодно.

— И поэтому решил меня отодвинуть.

— Да.

— Сам.

— Да.

— Без разговора.

— Да.

Тройная честность, которая раньше обезоруживала. Сейчас бесила невыносимо.

— Знаешь, что самое отвратительное? — тихо сказала она. — Ты правда считаешь это заботой.

Он не отвел глаз.

— Да.

— Нет, Федор. Это не забота. Контроль. Только в более красивой упаковке.

Он сжал челюсть.

— Я не контролирую тебя.

— Неужели? Ты просто решил поодиночке вынести за двоих, что между нами происходит. Не дал мне ни слова. Ни права участвовать. Очень удобно.

— Я хотел тебя уберечь.

— От чего? От твоих чувств?

Он замолчал. Молчание было признанием.

— Смешно, — сказала она. — Серьезно. Ты взрослый мужчина. Бывший следователь. Человек системы. И решил, что лучший способ защиты — сделать вид, будто меня можно вернуть на безопасную дистанцию. Как стул к стене.

— Я не думал, что это будет выглядеть так.

— А как ты думал?

Он посмотрел в окно. Потом снова на нее.

— Что так будет проще.

Олеся усмехнулась без радости.

— Кому?

— Тебе.

— Вот это вы, мужчины, всегда удивительно удобно решаете за женщин.

Он шагнул ближе.

— Олеся.

— Нет. Послушай, теперь ты.

Она сама удивилась своему голосу. Не громкому. Но очень ясному.

— Я думала, что мы действуем вместе.

Фраза повисла в воздухе. И в ней было все. Свечи на кухне. Плед ночью. Звонок Геннадия. Ужин и страх. Кухня, в которой он признался, что боится ее потерять. Сегодняшнее утро без воды на тумбочке. Все.

Федор закрыл глаза. На секунду. Слишком короткую.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Знал бы, не ушел бы в эту свою железную тишину.

— Я не уходил.

— Уходил. Еще как.

Он наконец сел. Будто понял, что стоя этот разговор уже не выдерживает. Потер ладонями лицо. Опустил локти на колени. Смотрел в пол.

— Иногда надо действовать поодиночке, — сказал он тихо.

Олеся замерла. Потому что именно это и было самым страшным. Он правда в это верил.

— Нет, — ответила она. — Иногда так удобнее прятаться. Одному. От себя.

Вот тут он поднял голову резко. Но не от злости. От попадания.

— Возможно, — ответил после паузы.

— Вот. Наконец что-то живое.

Он усмехнулся почти болезненно.

— Ты сегодня без ножа, но эффект тот же.

— Потому что мне надоело, что ты все время решаешь, как лучше. Даже когда дело касается не опасности. А нас.

Слово сорвалось легко. Слишком. Уже без оговорок. Он услышал это. Конечно.

— Я не умею быть умным, в этом, — сказал он очень тихо.

— А я не просила быть умным. Я просила оставаться честным.

— Я и так честен.

— Нет. Ты честен постфактум. Сначала решаешь. Потом сообщаем. Это не одно и то же.

Он долго молчал. Потом кивнул.

— Да.

— И меня это не устраивает.

— Понимаю.

— Правда?

— Да.

— Тогда, что ты будешь делать?

Он посмотрел прямо.

— Не знаю.

Вот это было впервые. Настоящее «не знаю». Живое. Усталое. И оттого очень важное.

Олеся выдохнула. Медленно.

— Вот с этого и надо было начинать.

Они замолчали. Но тишина уже не была прежней. Не стеной. Полем после драки. Когда оба живы, но ранены. И оба перестали изображать, что ничего не было.

Из коридора донесся звук шагов. Потом кашель Екатерины. Опять тишина. Она не вмешивалась. И это было почти великодушием.

— Я не хотел делать вид, что мне все равно, — ответил Федор. — Я пытался не тащить тебя глубже.

Олеся покачала головой.

— Поздно. Я уже там.

Он замер.

— И ты тоже.

Слова тихо упали. Но легли тяжело. Он отвел взгляд.

— Да.

— Тогда не надо делать из нас двух людей, которые живут в одном доме, но спасаются отдельно.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

— Нет. Не хорошо. Пока — только понятно.

— Ладно.

Она впервые за вечер почти улыбнулась.

— Учишься.

— Больно.

— Я заметила.

Федор встал. Как после долгого допроса, где ему самому пришлось отвечать больше, чем хотелось.

— Ты права, — согласился он.

— Я знаю.

— Это ужасно.

— Привыкай.

И вот тут он наконец улыбнулся. Слабо. Но по-настоящему. И в этой почти незаметной улыбке было больше близости, чем в половине их касаний.

Позже, уже в спальне, они легли молча. Каждый под свое одеяло. Дом был тихий. За окном качалась яблоня. Где-то далеко прошла машина.

Олеся долго смотрела в темноту. Потом сказала:

— Я не требую, чтобы ты перестал меня защищать.

— Я знаю.

— Но! Если еще раз решишь, что лучше оттолкнуть, чем поговорить, я тебя не пожалею.

— Это угроза?

— Обещание.

Он тихо выдохнул. Почти смеясь.

— Понял.

Пауза.

— И еще, — добавила она. — Мне больно было не от того, что ты испугался. А от того, что ты решил пройти это без меня.

Он ответил не сразу.

— Я тоже это понял.

— Хорошо.

— Нет. Но честно.

Она закрыла глаза. Да. Именно так. Не хорошо. Но честно. Сон пришел не сразу. Но все-таки пришел. И перед тем как окончательно уснуть, Олеся поняла одну важную вещь.

Близость — это не когда тебя укрывают пледом или наливают воду. Это когда чужой человек впервые не убегает от своей уязвимости. И остается в комнате, где ты видела ее всю. А значит, отдаление, которое он выбрал, уже не сработает по-старому.

Потому что они оба теперь знали слишком много друг о друге.

Глава 14. ПРОВАЛ

Дом жил слишком тихо. После их последнего разговора даже Екатерина стала двигаться мягче. Не стучала дверцами буфета. Не звала лишний раз к чаю и не подсовывала пироги с видом миротворца. Видимо, поняла главное. Между ними сейчас не та трещина, которую можно вылечить вареньем и шерстяным пледом.

Олеся работала до вечера. Почти без передышки. Женщины приходили одна за другой. Красный. Молочный. Бежевый. Короткий квадрат. Миндаль. Френч. Она слушала чужие истории, кивала, советовала уход. Ловила себя на том, что каждый новый голос помогает не думать о своем. Но это действовало только до тех пор, пока за дверью не стихали шаги клиентки. Потом тишина возвращалась. И в ней сразу всплывал Федор. Его невыразительное лицо за завтраком. Решение отойти. Тяжелое «надо действовать поодиночке». И то, как он все равно смотрел на нее. Будто сам себе запретил приближаться, но еще не научился отводить взгляд.

К семи у нее дрожали пальцы. Не от страха. От усталости. Последняя женщина ушла с сияющими ногтями и фразой:

— У тебя руки золотые. Но глаза сегодня какие-то неженские. Слишком грустные.

Олеся улыбнулась. Вежливо. Закрыла дверь. Прислонилась лбом к косяку.

Да. Глаза были плохими. Усталые. Злые. И очень пустые.

Она собрала пилки. Выключила лампу. Протерла стол. Повесила полотенце на крючок и вдруг поняла, что в доме совсем тихо. Ни шагов Екатерины. Ни телевизора. Ничего.

Олеся вышла на кухню.

Пусто.

На столе лежала записка: *«Я у Ларисы. Не ссорьтесь громко. Сердце у меня одно. Мама.»*

Олеся уставилась на листок. Потом почти против воли усмехнулась. Екатерина Ветровая все-таки была страшной женщиной. Уйти в гости и оставить им дом как минное поле — это тоже особый талант.

Вода в чайнике была горячее. На плите стоял сотейник с рагу. На тарелке — хлеб, накрытый полотенцем. Все было приготовлено заранее. С любовью и расчетом.

Она уже хотела уйти в спальню и не спускаться больше, когда в прихожей хлопнула дверь. Федор.

Он вошел в кухню через минуту. Без куртки. Рукава рубашки закатаны. Лицо уставшее. Под глазами тень. Взгляд сразу нашел ее. И задержался на секунду дольше, чем следовало.

— Последняя ушла?

— Да.

Он кивнул на записку.

— Видел.

— Я тоже.

— Мама нас покинула преднамеренно.

— Это уже не вызывает вопросов.

Он открыл шкаф. Достал две тарелки. Поставил на стол. Так буднично, что у Олеси внутри что-то дрогнуло. Она даже разозлилась. На тарелки и его руки. На все.

— Я не голодна, — буркнула сердито она.

— Я тоже, — ответил он. — Но есть будем.

Вот так. Без «потому что». Он снова пробил ее оборону. Все ужасно по-мужски. Он подал ей ложку. Она взяла. Села. Против воли.

Они ели молча. За окном качалась голая яблоня. Вытяжка гудела совсем тихо. В часах в гостиной что-то щелкало. Обычный вечер. Почти семейный. И от этого сильнее всего хотелось встать и уйти.

Федор первым нарушил молчание.

— Андрей звонил.

Она положила ложку.

— И?

— По Анне подтверждается часть информации.

— Какая именно?

— Про связи Петрова, деньги. Что помогали не случайные люди.

Олеся вытерла губы салфеткой. Очень аккуратно. Чтобы руки были заняты.

— Хорошо.

— Это все?

— А что ты ждешь? Аплодисментов?

Он посмотрел прямо.

— Нет. Не этого.

— Тогда чего?

Он не ответил. И в этом молчании уже было слишком много правды. Олеся резко встала. Подошла к окну. Обняла себя за локти. Спиной почувствовала его взгляд.

— Ты специально делаешь это вот так? — спросила она тихо.

— Как?

— Кусками. Полуправдой. Порциями. Сегодня одно. Завтра другое. Потом окажется, что было и третье, и четвертое. И каждый раз ты будешь говорить, что хотел защитить.

Он медленно отложил ложку.

— Я не хотел давить на тебя всем сразу.

— Ты не хотел терять контроль.

Он тоже поднялся. Обошел стол. Но ближе не подошел.

— И это тоже.

Она резко обернулась.

— Вот. Наконец.

Он стоял у стола, опершись ладонью о спинку стула. Очень прямой, усталый. И почему-то сейчас совсем не похожий на человека, который умеет все держать в руках.

— Ты хочешь знать все? — спросил он.

— Да.

— До конца?

— Да.

— Потом не скажешь, что я поторопился?

— Нет.

Он усмехнулся без радости.

— Скажешь.

— Федор.

Это имя прозвучало как предупреждение.

Он перестал усмехаться.

— Хорошо. Тогда слушай.

Он не сел. И она тоже осталась стоять. Как будто для такой правды стулья были слишком удобной роскошью.

— Когда ты вошла в купе, я сначала не думал о тебе как о женщине, — говорил он ровно. — Я думал о тебе как о человеке в остром состоянии. Испуганном. Дезориентированном. Потенциально уязвимом. Извини, профессиональное.

Олеся почувствовала, как холодеет лицо.

— Продолжай.

— Когда ты заговорила о Петрове, я понял, что это не истерика. Не выдумка или попытка вызвать жалость. Я узнал некоторые детали. Не самого его. Типаж. Схему. То, как такие люди держат близких в страхе и рядом даже после ареста.

Она молчала. Только пальцы сильнее сжались на локтях.

— Я ехал к матери с одной задачей. Показать ей, что у меня все в порядке. Что я не разваливаюсь после Анны. Что могу жить как нормальный человек. И когда ты оказалась в купе, все это совпало слишком удобно.

Вот теперь ударило по-настоящему.

— Удобно, — повторила она.

— Да.

— То есть я была удобной?

Он выдержал ее взгляд.

— Вначале — да.

Она отвернулась. На секунду. Чтобы не ударить его словами сразу. Но не получилось.

— Великолепно.

— Я не закончил.

— А что, дальше станет лучше?

— Нет. Честнее.

Он сделал шаг. Она не отступила. Только подбородок поднялся чуть выше.

— Я предложил брак не только потому, что хотел тебя вытащить, — сказал он. — Я предложил его еще и потому, что это решало мою задачу. Мать получала жену сына. Я — видимость устойчивости. Ты — новую фамилию и прикрытие.

Каждое слово ложилось как удар. Без крика и надрыва. Плохо.

— Значит, ты все просчитал.

— Да.

— И я правда была задачей.

— В начале — да.

— А потом?

Он замолчал. Олеся засмеялась. Тихо. Страшно.

— Господи. Как же это унижительно.

— Олеся.

— Нет. Не сейчас.

Она отошла к столу. Положила ладони на край. Вдохнула. Выдохнула. Сердце било в горле. В ушах шумело. Все вдруг стало понятным. Его спокойствие в поезде. Точность. Он действовал по привычной схеме. Где все рассчитано. Встроил ее в план. В систему. А она, дура, думала, что в этой странной ночи между ними сразу было что-то личное.

— Я не могу больше жить в этом обмане, — простонала она очень тихо.

Он побледнел. Это было видно даже в теплом кухонном свете.

— Это обман. По крайней мере, не все.

— Спасибо. Успокоил.

— Я пытаюсь договорить.

— Договаривай.

Он провел ладонью по лицу. Потом заговорил уже иначе. Жестче к самому себе.

— После свадьбы все стало меняться слишком быстро. Ты вошла в дом. Взялась за работу. Мужественно держаться. Потом звонок Петрова. Это твое молчание. Потом вечер на кухне. И в какой-то момент я понял, что больше не могу смотреть на тебя как на часть решения.

Олеся не двигалась.

— Но это не отменяет того, что вначале было именно так, — продолжил он. — И я не имею права делать вид, будто этого не было.

Она подняла на него глаза.

— Почему ты говоришь об этом сейчас?

— Потому что дальше так уже нельзя. Ты все равно почувствовала бы. Не факты. Саму природу того первого шага. А я не хочу, чтобы это всплыло потом. В момент, когда будет еще большее.

— Великодушно.

— Нет. Поздно.

Они замолчали. Тишина на кухне была почти физической. Как после падения тяжелой вещи. Все уже разбилось, но звон еще держится в воздухе.

Олеся смотрела на него и одновременно видела другое. Поезд. Купе. Его ровный взгляд. Предложение. Его спокойную жестокую логику. Все встало на место. Теперь не надо было больше дорисовывать первые главы романтикой. Там ее не было.

— Я ведь правда тебе доверилась, — сказала она тихо.

— Я знаю.

— А ты в этот момент уже строил схему.

— Да.

— Как удобно. У тебя всегда все по полочкам.

— Нет, Олеся. Уже давно нет.

Она хотела ответить резко. Не получилось. Потому что лицо у него было такое, точно сейчас сам себя резал каждым словом.

И все равно было больно. Ей. Очень.

— Почему именно я? — спросила она. — Потому что имя совпало? Потому что мать ждет жену? Потому что я была достаточно испуганной, чтобы согласиться?

Он ответил сразу:

— Потому что ты была на краю и все равно держалась. И потому что я понял, если сейчас уйду в сторону, потом не смогу с этим жить.

Вот это уже было не про схему, а про него. Он все время смешивал долг и чувства так, что разделить было невозможно.

— То есть благородный спаситель все-таки включился.

— Нет. Следовательно. Человек системы. Тот, кто привык закрывать дыры действиями. Я был именно таким.

— Был?

Он посмотрел прямо.

— С тобой — уже нет.

Она резко отвернулась. Потому что вот этого ей сейчас не надо было. Слишком поздно для нежности. И рано для прощения.

Он подошел ближе.

— Олеся.

— Не трогай.

Он остановился.

— Я и не трогаю.

— Не надо говорить мое имя таким голосом.

— Каким?

— Как будто после всего этого ты еще имеешь право.

Жестоко. Она знала. Но иначе не могла. Он принял удар молча.

Потом сказал:

— Тогда ты должна понять, что выбор был твоим.

Олеся обернулась так резко, что стул задел ножкой пол.

— Что?

— Я предложил. Да. По неправильным мотивам в том числе. Но я не заставлял тебя. Ты выбрала. Из страха, отчаяния, надежды — неважно. Это был твой шаг.

Она уставилась на него. И в первую секунду захотела ударить. Словом. Да чем угодно.

— Ты сейчас серьезно перекладываешь это на меня?

— Нет. Я говорю, что мы оба вошли в эту историю не из чистых чувств.

Он снова был прав. От этого хотелось кричать. Потому что да. Она тоже вошла. Не из любви. Из ужаса и желания скрыться. От чувства одиночества и желания, чтобы о ней позаботились. Из потребности срочно перестать быть Петровой. Значит, ложь действительно была не только его.

— Ненавижу тебя, когда ты оказываешься прав, — выдохнула она.

— Я себя в такие моменты тоже.

Эта фраза прозвучала устало, у нее внезапно защемило глаза. Она отвернулась к окну. За стеклом стояла темнота, яблоня царапала веткой воздух. Калитка, сарай, дорожка — все это вдруг показалось декорацией к очень плохому спектаклю. В котором оба решили, что смогут прожить роли лучше, чем себя.

— Мне нужно выйти, — сказала она.

— Нет.

Она резко повернулась.

— Что?

Он уже подошел ближе. Почти вплотную. Не касаясь. Но слишком близко для воздуха между ними.

— Одной — нет.

— Даже сейчас? Даже после этого ты продолжаешь распоряжаться?

— Даже сейчас. Потому что Петров никуда не делся.

— Иди к черту.

— Возможно. Но одна не пойдешь. И точка.

И именно в этот момент она вдруг поняла, до чего устала. От правды и обид. Его правильных страшных слов и собственной боли. И все это происходит на кухне, где пахнет рагу и хлебом, как в нормальном доме. А они не нормальные. И уже не смогут быть. Нормальными.

— Я хочу просто подышать, — жалобно сказала она.

Он молча взял ее пальто со спинки стула. Подал. Не навязывая и не касаясь. Она взяла. Надела. Он тоже накинул куртку. Они вышли во двор.

Ночь была прохладной. Жесткой. Воздух пах влажной землей. Олеся остановилась у яблони и обхватила себя руками. Федор встал в двух шагах. Не ближе. Правильно. Поздно быть ближе после такого разговора. Они молчали долго. Очень.

Потом она сказала:

— Я ведь уже успела подумать, что между нами с самого начала было что-то настоящее.

— Я знаю.

— Не говори так, будто тебе это приятно.

— Мне это не приятно.

— А что тогда?

— Мне больно, что именно я это у тебя отнял.

Она закрыла глаза. Вот. Вот почему с ним невозможно просто злиться. Он всегда говорит так, будто сам себе не оставляет оправданий. Ветер растрепал ее волосы. Она вдруг почувствовала, как сильно замерзли пальцы.

— Ты бы все повторил? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Поезд, предложение, брак — да.

Она резко открыла глаза.

— Даже зная все, что будет потом?

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на нее так прямо, что стало страшно.

— Потому что ты была бы жива и рядом. А с остальным я бы разбирался.

Вот это уже было невыносимо. Потому что это и страшно, и неправильно, и почти нежно в своей кривой мужской логике.

Она шагнула к нему. Неосознанно. Просто чтобы сказать что-то резкое в лицо. Но слова не нашлись. Только дыхание.

Он стоял неподвижно. Не тянулся. Ждал.

— Ненавижу, что ты все время действуешь через силу, — выдохнула она.

— А я ненавижу, что с тобой не могу по-другому.

И вот тут между ними случилось то, о чем она не думала до этой минуты. Столкновение.

Она сама взялась за его куртку. Сжала ткань у груди, будто хотела встряхнуть. Он шумно вдохнул. Ладони поднялись и замерли в воздухе у ее талии. Не касаясь. Проклятая его осторожность. После всего.

— Да, — сказала она хрипло. Сама не понимая, чему именно.

Ладони легли на ее талию так, будто он боялся причинить боль даже ткани пальто. Потом одна рука поднялась выше, по спине. Вторая — к затылку. Как будто он собирал ее по частям. Сам не верил, что имеет на это право.

Он поцеловал ее не сразу. Сначала лбом коснулся виска. Потом щекой — ее щеки. Теплой. Холодной. Она уже не понимала. Только чувствовала, как все внутри отзывается на простую близость. На запах кожи, и жесткость куртки под ладонями. Он все еще сдерживается, хотя у самого дыхания сбилось давно.

Поцелуй был коротким. Влажным. От него у Олеси подогнулись колени сильнее, чем от всех его признаний. Она прижалась к нему лбом.

— Нельзя, — прошептала она.

— Знаю.

Но не отпустил. И она тоже не отпустила. Губы коснулись ее щеки. Виска. Шеи. Совсем легко. А у нее от каждого такого касания по коже шла дрожь. Оттого, что тело вдруг поверило ему раньше головы. И это было страшнее всего.

— Олесья, — попросил он очень тихо, в ее волосы. — Скажи, если надо остановиться.

Она закрыла глаза. Уткнулась лицом ему в шею. Почувствовала под губами теплую кожу и резкий пульс.

— Надо, — выдохнула она. И тут же сама поцеловала его под ухом.

Он вздрогнул. Сильно. Почти болезненно. Рука на ее спине стала тяжелее. Прижала сильнее.

Именно в эту секунду Олесья поняла, что еще шаг — и назад пути уже не будет. Ни фиктивности и ни старой осторожной схеме. Где можно все объяснить договором.

Она отстранилась первой. Резко. Почти грубо. Федор сразу отпустил. Ни тени разочарованности.

Они стояли друг напротив друга во дворе. Тяжело дышали. И в темноте между ними теперь уже не было холода и дистанции. Только честная, обжигающая неготовность.

— Я не могу, — сказала она.

Он кивнул.

— Я понял.

— Нет. Не потому, что не хочу.

В его лице что-то дрогнуло. Почти боль.

— Я понял, — повторил он тише.

Она обхватила себя руками. Пальто больше не грело.

— Мне слишком больно от правды. И хорошо рядом с тобой. Я не знаю, как это совместить.

Он не подошел. И именно это сейчас было самым правильным.

— Я тоже не знаю, — ответил он.

Они еще постояли немного. Потом вернулись в дом. Молча. Будто оба боялись расплескать то, что только что случилось. В спальне Олеся долго сидела на краю кровати. Потом сняла серьги. Развязала волосы. И так и не легла.

Федор стоял у окна. Спиной к ней. Очень прямой и тихий.

— Ты мог бы соврать, — сказала она вдруг.

Он не обернулся.

— В чем?

— О начале. Про поезд. Скрывать свои мотивы. Про то, что я была частью схемы. Ты мог бы унести это в могилу.

Он помолчал.

— Да.

— Почему не унес?

Теперь он повернулся.

— Потому что ты уже стала для меня не тем человеком, которому можно недодать правду.

Она легла. Под свое одеяло. Лицом к стене. Он еще долго не двигался. Потом тоже лег.

Между ними была темнота. Два одеяла. Одна кровать. И уже никакой возможности притворяться, что они просто муж и жена только по документам. Олеся лежала с открытыми глазами и думала. Что дальше либо все сломается, либо придется выбирать по-настоящему.

И она уже знала, кого выберет. Знала очень хорошо.

Глава 15. РАЗРЫВ.

Утро после двора пришло слишком быстро.

Олеся почти не спала. То проваливалась в короткую вязкую дрему, то снова открывала глаза и видела перед собой темную стену, край подушки, полоску света из-за шторы. А еще — чувствовала на коже то, чего уже не было. Его ладонь на талии. Тепло губ у виска. Сбитое дыхание. И потом — правда. Тяжелая. Холодная. Неизменная.

Если бы между ними случился только поцелуй, можно было бы списать на нервы. На страх, ночь, Петрова. На что угодно. Если бы была только его исповедь — можно было бы уйти в злость. Тоже удобно. Но нет. Все слиплось в один ком. Боль. Желание. обида. Расчет. Честность конца. И теперь в этом нельзя было жить как раньше.

Рядом Федор лежал тихо. Она не знала, спит ли он. Не оборачивалась. Боялась даже шелохнуться лишний раз. Телу уже слишком хорошо было известно, где именно на кровати он находится.

Под утро он встал. Очень рано, почти бесшумно. Только на этот раз она не услышала ни часов, ни привычного движения у тумбочки. Он просто исчез из комнаты. Понял, что сегодня лучше вообще ничего не оставлять после себя. Олеся открыла глаза и сразу села.

Вот оно. Дальше будет только хуже.

Она долго сидела на кровати, обняв колени. В комнате стояла блеклая утренняя тишина. На стуле лежала его рубашка, аккуратно сложенная. На спинке — ее халат. На полу — домашние тапки, поставленные ровно. Самая обычная спальня. Невыносимая.

Она встала. Умылась холодной водой. Заплела волосы ту же обычного. Надела темный свитер, джинсы и теплые носки. Потом подошла к шкафу и открыла дверцу.

Одежды у нее было немного. Несколько свитеров. Пара юбок. Домашние вещи. Салонный фартук. Косметичка. Коробка с расходниками, которые она зачем-то хранила не в веранде, а здесь. Все это можно было собрать быстро.

Эта мысль пришла не внезапно. Она зрела. Еще с того вечера, когда он впервые признался, что боялся потерять ее. Еще сильнее — после Анны. Потом — после его признания о расчете в поезде. Ночь во дворе просто добила остатки ее внутренней обороны.

Нельзя было и дальше жить в доме, где каждый жест стал правдой. А начало вдруг оказалось ложью. Нельзя было ложиться в одну кровать с мужчиной, которого она уже почти выбрала телом. Вот только голова еще не простила. Нельзя было работать на веранде, выходить к завтраку, пить чай с его матерью и делать вид, что это все можно как-то переждать.

Нет. Только разорвать.

Она достала чемодан с верхнего шкафа. Поставила на кровать. Щелкнула замком.

На кухне пахло сырниками и кофе. Екатерина стояла у стола в старом сером кардигане и, увидев Олесю, сразу насторожилась.

— Так, — сказала она. — Что теперь?

Олеся села и взяла чашку.

— Ничего.

— Не надо мне «ничего». У тебя лицо женщины, которая уже внутри куда-то ушла.

Федор сидел у окна. Держал кружку. Услышав мать, поднял взгляд. На секунду. Екатерине хватило, чтобы понять. Да, не показалось.

— Вы оба что, с ума сошли? — тихо спросила она.

Никто не ответил.

Завтрак был почти беззвучным. Олеся съела кусок сырника. Потом второй. Не потому что хотела. Потому что в разрыве человеку тоже нужна сила. Как это ни странно.

Федор молчал. Не смотрел прямо. Не делал ничего лишнего. И сейчас это было уже не благородство. Признание. Он тоже понял, что сегодня случится что-то окончательное.

После завтрака Екатерина ушла в комнату и вернулась с платком на плечах. Стояла посреди кухни, хмурилась. Как женщина, которой очень хочется спасти двоих. Но впервые в жизни не получается придумать, как.

— Я пойду к Зое, — сказала она. — Не потому что не хочу знать. Останусь, начну вмешиваться. А вы мне потом не простите.

Олеся встала.

— Мама...

Она впервые сама назвала ее так. Екатерина подошла. Коснулась ее щеки.

— Только без жестокости, ладно? Жизнь и так не слишком добра.

Олеся кивнула. Не могла ничего ответить. Когда дверь закрылась, дом стал пустым. По настоящему. Федор остался на кухне. Не двигался. Только поставил кружку на стол. Очень аккуратно. Олеся стояла у двери и понимала, что дальше уже только идти в спальню и собирать вещи. Или остаться. Третьего не будет.

Она ушла в комнату молча. Он вошел через пару минут. Чемодан уже лежал на кровати. Полузаполненный. Свитер. Косметичка. Папка с документами. Нижнее белье, сложенное очень ровно. Так складывают не когда сомневаются. Когда уже решили.

Федор остановился в дверях. Лицо не дрогнуло. Только в глазах что-то погасло окончательно.

— Значит, так, — глухо сказал он.

Не вопрос. Факт. Олеся не обернулась. Снимала с вешалки юбку. Потом аккуратно сложила. Только после этого посмотрела на него.

— Да.

— Сегодня?

— Да.

— Куда?

— Пока не знаю.

— Очень разумно.

Она застегнула чемодан на половину. Потом снова открыла. Положила книгу. Ту самую, которую держала в руках последние ночи и почти не читала.

— Разумно было не влюбляться в человека, который сначала видел во мне задачу, — сказала она. — Но как-то не вышло.

Вот теперь его лицо все-таки изменилось. Совсем чуть-чуть.

— Олеся.

— Нет. Без этого.

Он подошел ближе. Но не вплотную. Остановился у стола.

— Тогда с чего?

Она выпрямилась.

— С правды. Не твоей. Моей. Я не могу жить дальше в этом доме и делать вид, что все можно пережить красивыми паузами. Ты признался. Я услышала. И теперь каждый раз, когда ты смотришь на меня, я буду помнить, что в начале была удобной схемой.

— Это было не только так.

— Но и так тоже.

— Да.

— Вот именно.

Она снова отвернулась к чемодану. Достала коробку с украшениями. Задержала в пальцах те самые серьги Екатерины. Тонкие. Серебряные. Он надевал ей, стоя за спиной. В горле сразу встал ком. Она положила их обратно. Закрала коробочку слишком резко.

— Мне нельзя оставаться, — сказала она тише. — Просто нельзя. Я уже не понимаю, где у нас боль, где желание. Жалость или вина. И рядом с тобой это все становится только сильнее. Федор молчал. Она слышала его дыхание. Держится из последних сил.

— Я думала, что смогу пережить все это здесь, — продолжила она. — Но нет. Не выйдет. Я не могу жить в тени.

Он поднял голову.

— В чьей?

Она горько усмехнулась.

— Во всех сразу. В тени Петрова. В тени твоего прошлого. И даже в тени того, что между нами теперь уже нельзя назвать фиктивным, но и настоящим пока тоже нельзя.

Он наконец шагнул ближе.

— Для меня можно.

Она посмотрела резко.

— Не надо. Не сейчас.

— Почему?

— Потому что поздно. Потому что это ты должен был понять до того, как делить меня внутри на женщину и задачу.

Он закрыл глаза. Коротко. Потом открыл.

— Я понял это раньше, чем ты думаешь.

— Тогда почему не сказал?

— Потому что боялся.

— Вот видишь. Мы опять возвращаемся туда же.

Она потянулась за свитером на полке. Пальцы задели плечики. Один упал на пол. Она наклонилась, чтобы поднять, и вдруг почувствовала его рядом совсем близко. Он тоже нагнулся. Их руки столкнулись на пустой вешалке.

Олеся отдернула пальцы так резко, будто обожглась.

Он замер. Потом очень тихо сказал:

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Потому что тело помнило двор. Шею. его руки. И именно поэтому сейчас нельзя было прикасаться. Ни случайно, ни нарочно. Иначе она опять качнется в ту сторону, в которую идти пока нельзя. Федор выпрямился. Отошел к окну. Встал спиной.

— Ты уже решила, — пророкотал он.

— Да.

— И ничто не изменит это решение?

Олеся посмотрела на его спину. Прямую. Напряженную. Такую знакомую и чужую сейчас.

— Нет.

Он медленно кивнул. Она не видела лица. Только этот кивок.

— Хорошо.

— Нет, — сказала она резко. — Не делай вид, что это тебе удобно.

Он повернулся.

— А я и не делаю.

— Тогда скажи что-нибудь, настоящее.

Вот тут он вдруг усмехнулся. Криво. Почти зло. На себя.

— Ты хочешь, чтобы я тебя остановил?

Вопрос ударил в грудь так, что она на секунду задохнулась. Потому что хотела и не хотела.

— Нет, — ответила она.

— Правда?

— Да.

Он смотрел очень долго. Потом сказал:

— Тогда иди. Я не буду тебя удерживать.

В словах не было равнодушия. Только уважение к ее выбору и боль, которую он не считал своим правом отменить. А значит, спорить было не о чем.

Олеся опустила глаза. Сила, на которой она держалась весь день, вдруг пошла трещинами.

— Ты даже сейчас все делаешь правильно, — уапекнула она почти шепотом. — Ненавижу это.

— Я сейчас неправильно поступаю. Я просто не имею права делать по-другому.

Она закрыла чемодан. Щелкнул замок. Громко. Почти как выстрел.

— Ключ от веранды оставлю на кухне. Все записи на неделю у меня в тетради. Клиенткам скажу, что уехала по личному.

— Куда ты пойдешь?

— Найду.

— В гостиницу?

— Если будет место.

Он взял со стола бумажник. Достал деньги.

— Возьми.

Олеся вскинулась.

— Нет.

— Возьми.

— Я не нуждаюсь в подачках.

— Это не подачка.

— А что?

— Обязанность мужа.

— Которого я сейчас оставляю.

— Пока ты еще здесь — обязанность.

Она смотрела на купюры и чувствовала новую волну злости. Нет. Не злости даже. Унижения. Потому что он снова был прав, а ей хотелось хоть что-то сделать не по его правилам.

— Нет, — резко ответила она. И даже рукой отмахнулась.

Он не спорил. Просто положил деньги на стол.

— Хорошо. Тогда пусть лежат. На случай, если ты передумаешь уже вне дома.

И это опять было не нажимом. А предусмотрительностью. Такой мужской, невозможной, его.

Олеся взяла чемодан. Потянула ручку. Колесо стукнуло об порог комнаты.

Слишком громко и окончательно.

Когда она вышла в коридор, дом вдруг стал большим. Непривычно пустым. В нем еще витал запах Екатериныного крема для рук, кофе, выпечки и его рубашек. Ее жизни тут уже было много. Слишком много для нескольких недель. Уходить оказалось больнее, чем она думала.

У двери она обулась. Надела пальто. Пальцы плохо слушались.

Федор стоял в двух шагах. Не помогал. Не мешал.

— Если тебе что-то понадобится... — начал он.

— Не надо.

— Хорошо.

— И не проверяй каждый час.

— Не обещаю.

Она вскинула на него глаза.

— Федор.

— Я сказал честно.

Это даже сейчас было почти смешно. Но она уже не могла смеяться.

— Я хочу уйти сама.

— Я понял.

— И чтобы ты дал мне это сделать.

— Я дал.

Она кивнула. Резко. И вдруг поняла, что если останется еще на минуту, то просто бросит чемодан и расплатится ему в рубашку. А это было бы концом всему, ради чего она сейчас держалась.

Она взялась за дверную ручку.

— Олеся.

Она не обернулась.

— Что?

Он молчал так долго, что ей пришлось все-таки повернуть голову.

— Береги себя, — сказал он.

Просто. Без надрыва и красивых фраз. У нее защипало глаза сильнее, чем если бы он признался в любви.

— Поздно советовать, — выдохнула она. — Я уже влюбилась в тебя. Хуже некуда.

Сказала — и сама побледнела. Потому что не планировала. Это был последний патрон, который нельзя было тратить. А он вылетел сам.

Федор замер. Как будто воздух в прихожей закончился.

Олеся открыла дверь и вышла.

Холод ударил в лицо. Двор был серый. Сырой. Калитка скрипнула. Колеса чемодана застучали по плитке. Она шла быстро. Не оглядываясь. До улицы. До поворота. Туда, где дом уже перестанет быть виден. Не получилось. На середине улицы она все-таки остановилась и обернулась.

Он стоял у калитки. Не шел следом. Просто стоял. Темный. Неподвижный. Ей стало так больно, будто кто-то изнутри сжал сердце рукой. Она отвернулась снова и пошла дальше.

К гостинице с рынка. Там были старые номера. Чужие стены. Пахло хлоркой и плохим освежителем. Администратор в вязаной жилетке посмотрела на нее с любопытством, но без лишних вопросов. Это стало милосердием.

— На сколько дней? — деловито спросила она.

Олеся пожала плечами.

— Пока на два.

— Паспорт.

Новая фамилия в документе кольнула, будто она снова впервые увидела ее. Ветровая. Уже не Петрова. Все смешалось.

Номер оказался маленьким. Кровать. Тумбочка. Шкаф. Столик. Бледные шторы. Ничего лишнего. Идеальное место, чтобы понять, как быстро дом становится родным. Особенно, если в нем есть чьи-то шаги, голос, чайник и женщина, которая вяжет в кресле.

Олеся закрыла дверь. Села на кровать. Пальто не сняла. Чемодан не открыла. И только тогда сломалась. Не в рыдания и истерику. Просто согнулась пополам и заплакала без звука. Горячо. Тяжело. Как плачут не от обиды уже, а от окончательного признания. Да, я потеряла то, что стало домом раньше, чем успела заметить.

В телефоне мигнул экран. Сообщение от Федора.

«Добралась?»

Она посмотрела на эту короткую фразу очень долго. Потом написала:

«Да»

Ответ пришел сразу.

«Хорошо»

И все.

Олеся отложила телефон. Легла не раздеваясь. Под чужое гостиничное покрывало. Оно пахло стиральным порошком и пустотой. За окном проехала машина. Потом еще одна. Следом все стихло. Она закрыла глаза.

И впервые с той ночи в поезде поняла одну простую вещь. Спасти — не всегда значит остаться в живых рядом с человеком. Иногда это значит уйти от него, чтобы не потерять себя окончательно.

Но как же горько!

Глава 16. ПУСТОТА

Дом без Олеси оказался слишком одиноким.

Не тише и чище. Именно одиноким, каким не должен быть живой дом. Как будто из него вынули не человека, а движение. Чужую чашку не на том месте. Заколку у зеркала. Флакон с маслом для кутикулы на подоконнике. Ее смех, который звучал редко, но менял воздух вокруг. Все это исчезло.

Федор понял это уже в первую ночь. После того как она ушла, он долго стоял в прихожей. Не потому что ждал, что вернется через минуту. Нет. Он слишком хорошо видел, как она держала чемодан. Как не оглядывалась до середины улицы, как сказала свое последнее — страшное — признание так, будто сама себя ударила этим словом.

Я уже влюбилась в тебя. Хуже некуда.

Он не имел права держать ее после этого. Идти следом. Превращать ее уход в еще одну сцену. Поэтому остался у калитки. И смотрел, как она уходит, пока мог различать силуэт.

Потом вернулся в дом. На кухне все было по-прежнему. Скатерть. Чашки. Полотенце на спинке стула. На столе лежали деньги, которые она так и не взяла. И это почему-то добило. Не потому что гордая. Потому что не позволила ему даже этим смягчить разрыв. Отрезала. Все честно.

Екатерина не вышла сразу. Наверное, услышала шаги, поняла по тишине, что Олеся ушла.

Появилась позже. В халате. Без платка. Совсем домашняя и оттого особенно уставшая.

— Ушла? — спросила она.

— Да.

— Дал ей уйти?

Он кивнул. Екатерина долго молчала. Потом подошла к столу, увидела деньги и покачала головой.

— Ты даже тут решил быть правильным.

— Это не про правильность.

— А про что?

Федор посмотрел в темное окно.

— Про то, что я не мог превратить это в новую клетку.

Мать села. Очень медленно. Так, будто ее внезапно прибавилось лет десять.

— Ты дурак, Федя.

— Знаю.

— Нет. Не знаешь. Если бы знал, был бы хотя бы злой. А ты сейчас похож на человека, которому вырезали кусок жизни, а он все еще пытается говорить «ничего страшного».

Он ничего не ответил. Потому что мать, как всегда, попала точнее всех.

Спать он лег поздно. Очень. Сначала проверил замки. Еще раз двор. Сообщения от Андрея. Номер гостиницы в городе — просто чтобы знать, где свободные комнаты. Вдруг придется срочно переехать. Зачем-то зашел в веранду. Там было тихо. Слишком.

Лампа выключена. Стол вытерт. Кисти убраны в стакан. Записи в тетради аккуратные, почти злые своей четкостью. На полке стояли банки с гелями, выстроенные по оттенкам. Ее порядок был не похож на его. В нем не было холодной схемы. Он был живым. Женским. Рабочим. И оттого отсутствие Олеси здесь ощущалось почти физически.

Федор провел пальцами по спинке ее кресла и сразу отдернул руку. Как будто даже это было уже лишним.

В спальне было хуже.

На стуле не висел ее халат. На тумбочке не лежала резинка для волос. Ее одеяло было сложено ровно. Как будто она не спала здесь вовсе. Аккуратное отсутствие.

Он лег. Не раздеваясь. И только тогда понял, до какой степени привык слышать ее дыхание за спиной. Даже когда они не касались друг друга. И когда ссорились. Чужое присутствие уже стало фоном, без которого ночь не собиралась наступать. Сон не пришел.

Утром он встал раньше света. По привычке налил воду в стакан и поставил на тумбочку с ее стороны. Только потом заметил. Постоял. Посмотрел. Взял стакан обратно и отнес на кухню.

Вот тогда пустота стала окончательной. Екатерина встретила его за столом молча. Чай уже был заварен. Каша стояла в кастрюле. Все как обычно. И совершенно не как обычно.

— Позвонил? — спросила она.

— Написал.

— Ответила?

— Да.

— И все?

— И все.

Мать долго мешала ложкой чай. Потом поставила чашку.

— Так. Я сейчас скажу страшную вещь. Не как мать. Как женщина.

Он поднял взгляд.

— Ты ее потерял не вчера.

Федор ничего не ответил.

— Ты начал терять ее в тот момент, когда решил, что твою правду можно выдавать порциями. Потом — когда решил отойти в одиночку. Потом — когда позволил ей уйти без плана. И только после этого уже вчера.

— Я не мог...

— Мог. Просто не умел. И не захотел научиться.

Он очень медленно поставил чашку.

— Спасибо.

— Не за что. И не делай такое лицо. Я не добиваю тебя. Пытаюсь получить хоть какую-то пользу от твоей прекрасной мужской трагедии.

Он усмехнулся. Слабо. Без воздуха.

— Ты всегда беспощадна.

— Зато живая. В отличие от вас обоих, в последние дни.

После завтрака он поехал в отдел. Не потому что хотел работать. Потому что дома было невозможно. Каждая комната говорила о ней. Кухня — тем, как она сидела у окна. Веранда — светом лампы. Гостиная — тем, как она однажды засмеялась в ответ на материну фразу и сразу изменила весь вечер. Даже двор напоминал о ней слишком буквально.

В отделе пахло бумагой, кофе из автомата и старым линолеумом. Кирилл сидел у стола с папкой в руках. Увидел Федора и сразу отложил бумаги.

— Ты как?

— Рабочий вопрос, — ответил Федор.

— Ага. Значит, плохо.

Он не стал спорить. На это не было сил.

— Есть новости? — спросил он.

Кирилл сдвинул папку.

— По Петрову — пока ничего нового. По его старым контактам тоже тишина. Но тишина мне не нравится.

— Мне тоже.

— А у тебя что?

Вот это было сложнее. Даже не потому, что больно. Смешно. Как объяснить взрослому мужику, бывшему коллеге, что ты развалил фиктивный брак. Потому что он стал настоящим?

— Ушла, — выдохнул он.

Кирилл не стал изображать удивление.

— Когда?

— Вчера.

— Дал уйти?

— Да.

— Правильно.

Федор поднял глаза.

— Seriously?

— Да. Неправильно было все, что было до этого. А дать уйти — как раз правильно.

Очень удобно. Все вокруг сегодня были мудрыми. Спасибо. Кирилл посмотрел внимательнее.

— Но тебе от этого не легче.

— Нет.

— Любишь?

Вот это слово в кабинете отдела прозвучало почти абсурдно. Лепесток на бетонном полу.

Федор помолчал. Потом ответил:

— Да.

Кирилл кивнул. Просто принял.

— Тогда у тебя проблемы.

— Спасибо. Еще один точный аналитик.

— Я серьезно. Если любишь, а она ушла. Скорее из-за того, что ты считал себя самым умным. Теперь придется делать что-то, чего ты обычно не делаешь.

— Например?

— Не контролировать. А заслужить.

Федор посмотрел в окно. На серый двор, машину без колеса. На людей, которые не знали, что за одним из столов сидит мужчина, потерявший женщину. Не потому, что не любил. А потому, что слишком долго любил неправильно. Вот дурак!

— Я—дурак, — растеряно сказал он.

Кирилл закрыл папку.

— Вот и начнешь с этого.

Он ушел только к вечеру. Без результата и новостей. День не принес ничего, кроме усталости. По дороге домой подъехал к гостинице. Не вышел из машины. Постоял на другой стороне улицы. Старое здание. Бледные шторы. Вывеска с облупившейся буквой. Он не знал, за каким именно окном она сейчас живет. Правильно. Он не имел права знать все.

Но уехать сразу тоже не смог. Постоял. Подождал. Уехал. Дома было по-прежнему пусто. Екатерина сидела в кресле и вязала. Точнее, держала спицы. Не вязала она уже минут десять. Это было видно по одной и той же вытянутой петле.

— Был там? — спросила она.

— Где?

— Не ври матери, у которой больное сердце. У гостиницы.

Федор снял куртку.

— Да.

— Поднимался?

— Нет.

— Уже хорошо. Значит, не совсем потерял разум.

Он нахмурился. Усталость сидела в спине, плечах. Даже в челюсти.

— Я не понимаю, что делаю, — вдруг потеряно сказал он.

Мать подняла голову. Ее лицо выражало столько любви, что стало почти больно.

— Наконец-то.

— Что наконец-то?

— Ты перестал думать, что все можно решить усилием. Это уже большой шаг.

Он провел ладонью по лбу.

— Мне не нужен шаг. Мне нужна она.

Екатерина положила вязание на колени.

— Нет. Сначала тебе нужна честность с собой. А потом уже она.

— Я уже был честен.

— Ты всегда честен после. А женщине надо, чтобы ты был честен до.

Фраза прозвучала так просто, что спорить стало невозможно. Вечером он зашел в веранду еще раз. Не потому что хотел себя мучить. Там было проще дышать. Все было о ней и без нее одновременно. Лампа, кресло, ножницы, баночки, палитра.

На столе лежала записная книжка. С записью клиенток. Он открыл и сразу закрыл. Не его. Даже сейчас — не его. Но взгляд зацепился за маленький листок, зажатый под уголком лампы. Короткий список. Ее почерк.

Купить:

обезжириватель

перчатки

масло

новые пилки 180/240

кофе для мамы

Он застыл.

Кофе для мамы.

Не для себя. Не для дома вообще. Для мамы.

Вот тут пустота ударила особенно сильно. Не красивая романтическая тоска. Самая бытовая. Страшная. Она уже жила здесь будущим. Даже в списках покупок. Уже думала, какой кофе нравится Екатерине. Уже вписывала чужую женщину в свои обычные дела. А он все это время считал, что успеет разобраться позже.

Федор сел в ее кресло. Очень осторожно. Будто и это надо было заслужить. На столе лежала одна из пилок. Он взял ее в руки. Пластиковая. Легкая. Абсолютно бессмысленная для него вещь. Но пальцы сжались ее. Последний оставшийся след.

Он сидел долго. В полутьме. Без света и телефона. И впервые за много лет позволил себе не быть собранным. Не рассыпаться — нет. Этого он не умел даже сейчас. Но хотя бы перестать держать спину как на допросе.

— Я потерял ее, — сказал он вслух.

Тишина ничего не ответила.

— Что теперь?

Вот это уже было не про Олесю. Не только про нее. Про него. Человек, который всю жизнь шел от задачи к задаче, от угрозы к решению, от вины к дисциплине. И вдруг оказался в точке, где нельзя было составить схему. Нельзя и все.

Она ушла не от страха. От того, что рядом с ним уже нельзя было дышать в полсилы. Он вернулся в спальню глубокой ночью. Лег. Не раздеваясь до конца. Смотрел в потолок. На ее стороне кровати лежало второе одеяло. Их последний смешной рубеж. Договор в текстиле.

Протянул руку и коснулся края ткани. Утром надо будет проснуться. Поехать в Москву или поднять всех здесь. Проверить Петрова, Анну, старые связи. Но это завтра. Сегодня у него впервые за долгое время не было сил быть человеком системы.

Он был просто мужчиной, который слишком поздно понял цену женщине. Которая могла бы стать его домом. Идиот.

Глава 17. ВЫБОР

Утро началось без надежды.

Без трагедии. Не в смысле красивого мужского отчаяния, которое потом удобно вспоминать под музыку. Гораздо хуже. Обыденно. Как начинается день у человека, который понимает, что жизнь изменилась. И прежним способом уже не получится.

Федор проснулся раньше будильника. Полежал несколько секунд, глядя в потолок. Потом перевел взгляд на второе одеяло. Оно все еще лежало на ее стороне. Сложенное. Ненужное. И при этом невыносимо важное.

Он встал. Оделся. Застегнул часы. Вышел на кухню. Екатерина уже сидела у окна с чаем. Не вязала. Просто держала чашку двумя руками. Услышав шаги сына, подняла голову.

— Ты сегодня с лицом человека, который решил перестать быть идиотом, — приветствовала она.

Федор налил себе кофе.

— Не рано ли для комплиментов?

— Это не комплимент. Осторожная надежда.

Он молчал. Потом сказал:

— Я поеду в Москву.

Екатерина не удивилась.

— За ней?

— Нет.

— Врешь.

— Не только за ней.

— Так лучше.

Он провел ладонью по чашке. Кофе был слишком горячий. Но это даже помогало.

— Андрей нашел еще одну нитку по Петрову. Старый юрист, который оформлял часть его имущества через подставных людей. Если надавить, может заговорить.

— А если не заговорит?

— Тогда придется поднимать то, что я не хотел трогать.

Екатерина внимательно посмотрела на сына.

— Свои старые связи?

— Да.

— И ты этого не хочешь.

— Нет.

— Почему?

Он усмехнулся криво.

— Потому что слишком хорошо знаю цену таких одолжений.

Мать кивнула. Медленно. Она знала эту часть его жизни хуже, чем хотелось. Но лучше, чем он думал.

— Значит, цена наконец стала меньше, чем риск потерять ее.

Федор поднял взгляд.

— Да.

Вот оно. Без мужского красивого молчания. Просто -- да.

Екатерина поставила чашку.

— Тогда поезжай. И не вздумай делать это ради чувства вины. Только ради выбора.

— Разница есть?

— Огромная. Вина всегда хочет искупить себя. А выбор — сохранить другого человека, даже если потом за это не простят.

Фраза осталась с ним, когда вышел во двор. И когда заводил двигатель. Потому что мать снова сказала ровно то, что он сам уже почти понимал. Но еще не решался назвать вслух.

Он ехал не за оправданием. И не за тем, чтобы красиво вернуть женщину. Рядом с Олесей опасность уже перестала быть абстракцией. Петров был жив. И она ушла не из истерики, а для ясности. И если Федор хотел когда-нибудь снова быть рядом, сначала надо было убрать тень. Не обещаниями. Дело.

Москва встретила его холодным ветром, пробками и серым небом. В этом городе все выглядело так, будто человеку некогда чувствовать. Удобно. Почти родное.

Сначала — Андрей. Они встретились не в отделе. В старой кофейне возле Таганки, где раньше можно было сидеть часами и никому не быть интересным. Андрей пришел без формы, папки, видимой спешки. Только по глазам было ясно, что ночь тоже прошла не в отдыхе.

— Выглядишь паршиво, — сказал он вместо приветствия.

— Спасибо.

— Это не критика. Наблюдение.

Очень смешно. Все вокруг наблюдатели. Федор сел. Взял кофе. Даже не почувствовал вкус.

Андрей достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Вот адрес юриста. Вот схема, через которую Петров гонял часть активов. А вот фамилия человека, который мог помочь ему исчезнуть из системы на бумаге.

Федор пробежал глазами.

— Судмедэксперт?

— Бывший. С долгами. И с любовью к хорошей наличке.

— Прекрасно.

— Нет. Но предсказуемо.

Федор отложил лист.

— Мне нужно больше.

Андрей посмотрел внимательно.

— В смысле?

— Не архивы или подозрения. Мне нужен реальный доступ. К тому, что вы сейчас официально поднимать не хотите.

Вот тут Андрей замолчал. Надолго.

— Ты понимаешь, о чем просишь?

— Да.

— Это потянет за собой старые имена. Старые услуги и хвосты.

— Да.

— И может всплыть та история.

Федор не отвел взгляд.

— Да.

История. Невинный человек, погибший во время операции. Тогда Федор слишком поздно понял, что группа ведет не тех и не туда. Неправильный приказ. Случайная чужая смерть, которую он с тех пор носил под кожей. Как ржавое железо.

Андрей выдохнул.

— Ради нее?

Федор очень медленно кивнул.

— И ради Петрова.

— Нет. Не ври хотя бы мне. Петров — повод. А толчок другой.

Федор не спорил. Впервые за долгое время не было ни сил, ни смысла прятаться за общую формулировку.

— Да, — сказал он. — Ради нее.

Андрей покачал головой.

— Вот теперь ты точно попал.

— Уже знаю.

— Ладно. Тогда слушай. Есть один человек. Я бы сам к нему не ходил. Но ты, кажется, уже дошел до той точки, где выбора нет.

Федор взял новый листок. Адрес. Имя. Короткая пометка.

«Миронов. Не любит должников. Любит правду и деньги. В таком порядке редко»

— Он поможет? — спросил Федор.

— Если поймет, что ты пришел не за славой и не за игрой в героя.

-- А за чем?

Андрей посмотрел на него очень прямо.

— За женщиной, которую впервые не хочешь спасать насильно. А хочешь удержать рядом на равных. Такие вещи люди вроде Миронова чувствуют сразу. И, как ни странно, иногда уважают.

Федор встал.

— Спасибо.

— Не за что. И еще.

— Что?

— Когда закончишь с Петровым, не пытайся вернуть ее тем же способом, каким все испортил. Схема уже не сработает.

Федор кивнул. Это он и сам понимал. Теперь — наверняка.

Юрист оказался скользким. Толстые пальцы. Дорогая ручка. Сначала врал. Потом раздражался. Смеялся и отмахивался пухлыми ручками. Потом понял, что перед ним не журналист и не следователь на пенсии. Человек, который пришел без желания торговаться.

— Вы не понимаете, — твердил уже третий раз. — Я обслуживал десятки клиентов. С чего вы взяли, что именно Петров...

Федор положил на стол фотографию. Не Олесину. Другую. Снимок одной убитой девушки. Из старого дела. Андрей дал на всякий случай.

Юрист осекся. И вот это было лучше любого крика.

— Слушайте внимательно, — Федор говорил очень тихо. — У меня нет ни желания, ни времени играть с вами в процедурную вежливость. Этот человек жив. И если вы еще раз выберете удобное молчание, следующая девушка на фото появится быстрее, чем вам захочется.

Юрист побледнел.

— Я не...

— Не надо. Я вижу, что вы поняли.

Юрист снял очки. Протер лоб.

— Деньги шли через троих, — сказал он наконец. — Один уже умер. Второй уехал в Турцию. Третий здесь. Лебедев. Он держал медицину, охрану и пару «серых» документов. Если Петров выходил из-под контроля системы, без него не обошлось.

Федор записал имя.

— Адрес.

Юрист продиктовал. Потом вдруг спросил:

— Он вернулся за женой?

Федор поднял взгляд.

— Почему вы так решили?

Тот нервно усмехнулся.

— Такие, как он, всегда возвращаются не за деньгами. За тем, что считают своим. Особенно, если это, свое, пытается сбежать. Он будет загонять ее, как дичь.

Фраза резанула сильнее, чем хотелось. Потому что была правдой.

К вечеру у Федора уже выстроилась цепочка. Лебедев. Судмедэксперт с долгами. Старый водитель Петрова, исчезнувший из Тверской области. И одна квартира в Подмоскovie, оформленная через мертвую фирму. Оставалось одно. Самое неприятное.

Миронов.

Он жил за городом. В доме без вывески, но с камерами на воротах. Открыл не сам. Охранник с лицом человека, который слишком давно ничему не удивляется.

— По записи? — спросил он.

— Нет.

— Тогда вы ошиблись адресом.

— Скажите Миронову, что к нему пришел Ветровой. И что речь о Петрове.

Дверь не закрыли. Это уже было ответом.

Через пять минут его провели в кабинет. Большой. Теплый. Слишком тихий. Миронов сидел у стола в домашнем джемпере и выглядел не как опасный человек, а как интеллигентный профессор. У которого просто слишком много людей однажды пропали.

— Федор Ветровой, — проговорил он, смакуя звуки. — Бывший следователь. Тот самый. Федор остался стоять.

— Да.

— И вы не любите просить.

— Нет.

— Но пришли.

— Да.

Миронов откинулся на спинку кресла.

— Из-за женщины?

Федор не ответил сразу.

— Из-за угрозы. Для нее.

— Это не отменяет первого.

Тишина.

— Да, — ответил Федор.

Миронов кивнул так, будто услышал именно то, что нужно.

— Вот теперь верю. Говорите.

Разговор занял сорок минут. Самых неприятных за долгое время. Потому что Миронов задавал не только правильные вопросы. Он видел насквозь.

Отчего именно сейчас. Почему официально не идешь дальше. Что готов отдать. Чем рискнешь. Готов ли поднять старые дела. Готов ли, если понадобится, сам выйти на свет и признать свою роль в той неудачной операции. Чтобы открыть доступ к архивам и людям, которые после этого снова вспомнят его имя не так, как хочется. Готов ли понести полную ответственность. Юридическую.

В конце Миронов спросил:

— А если она не вернется?

Федор смотрел прямо.

— Тогда хотя бы будет жива.

Миронов долго молчал. Потом нажал кнопку на телефоне.

— Саша, принеси мне папку Лебедева. И соедини с Тверью.

Он перевел взгляд на Федора.

— Я помогу. Но это не бесплатно.

— Деньги?

— Нет. Деньги скука. Я хочу, чтобы, когда все закончится, вы вернулись к одной старой подписи в архиве. И доделали то, от чего ушли. Не ради системы. Ради себя.

Удар в самое больное. Федор медленно кивнул.

— Хорошо.

— Не торгуясь?

— Нет.

Миронов усмехнулся.

— Значит, женщина стоящая.

-- Да. Стоящая. Более чем.

Из Москвы он выехал уже в темноте. В голове гудело. В телефоне были новые контакты, два адреса, имя человека. Который мог вывести на реальное местоположение Петрова. Понимание, что обратно он уже не вернется прежним. Слишком многое было задето и поднято со дна.

По дороге он остановился на заправке. Купил воду. Кофе. И почему-то — пачку мятных леденцов. Олеся любила мятку после чая. Не говорила об этом. Просто брала именно такие конфеты, когда они стояли в вазочке у Ларисы. Он заметил.

И вот теперь, держа эту глупую пачку в руках, Федор впервые за день позволил себе понять. Он делает все это не только ради абстрактной безопасности.

Ради нее. Ради того, чтобы у нее вообще был шанс однажды вернуться в дом. И чтобы тень за ее спиной — исчезла. Навсегда.

Он приехал в Камышинский под ночь. Дом уже спал. Только на кухне горел свет. Екатерина ждала. Ну. Конечно.

— Ну? — спросила она, когда он вошел.

Федор положил ключи. Потом документы. Следом телефон.

— Есть адреса, схема. Человек, который поможет дожать.

— А цена?

— Большая.

— Возьмешь?

Он посмотрел на мать. Усталость была такой, что хотелось просто сесть на пол прямо в прихожей.

— Да.

— Ради нее?

— Ради себя.

Екатерина долго молчала. Потом подошла и очень тихо коснулась его плеча. Как касаются не взрослого сына, а мальчика, который признал, что больно.

— Тогда иди до конца.

Он кивнул.

Спать не хотелось. Но он все равно пошел в спальню. Сел на край кровати. Посмотрел на второе одеяло, пустую тумбочку, ее сторону. Достал телефон, открыл чат.

Долго смотрел на белое поле. И написал:

«Я готов потерять всё, чтобы вернуть тебя.»

Прочитал. Закрыв глаза. Удалил.

Нет. Не так.

Слова без дела для нее уже ничего не должны были значить.

Он отложил телефон. Встал. Пошел в веранду. Там пахло ее кремом для рук и новой вытяжкой. На столе лежала тетрадь. На полке — баночки по цветам. Жизнь, которую она начала здесь собирать, еще была на месте. И значит, все не окончательно.

Федор провел ладонью по столу. Очень медленно.

— Я готов потерять всё, чтобы вернуть тебя, — сказал он пустой комнате.

Тишина ничего не ответила. Но на этот раз фраза не звучала беспомощной.

В ней было решение.

Глава 18. ВСТРЕЧА

Олеся прожила в гостинице четыре дня.

Всего четыре дня. Но каждый из них оказался длиннее, чем весь их странный брак до этого. Наверное, потому что в доме Ветровых время шло через чувства людей. Чайник на кухне. Шаги Екатерины. Короткие фразы Федора. Ее работу на веранде. Окна, за которыми был все тот же двор, яблоня, калитка. А в гостинице время шло через стены. Шум за трубами. Голос телевизора у соседей. Свои собственные мысли, от которых некуда было деться.

Она работала. Каждый день. Клиенток перенесли в снятый ею угол при маленьком салоне на окраине. Владелица взяла процент и сделала вид, что ни о чем не спрашивает. Благородно. Или просто выгодно. В Камышинском такие вещи иногда совпадали. И слава богу.

Олеся держалась.

Не писала ему. Не спрашивала Екатерину, как он. Хотя хотелось. Очень. Но именно это «хотелось» и злило ее сильнее всего. После всего, что вскрылось ей следовало бы злиться чище. Проще. Громче. А вместо этого она то и дело ловила себя на том, что вспоминает самое тихое. Как он подавал воду, поправлял стул. Молча поставил лампу так, чтобы свет не бил в глаза. Стоял во дворе и ждал ее «да» раньше, чем прикоснуться.

Это было нечестно. Но память редко ведет себя прилично. На пятый день ей позвонила Екатерина. Олеся долго смотрела на экран. Потом все-таки ответила.

— Да?

— Не пугайся, — сказала мать Федора сразу. — Сердце у меня на месте. Борщ на плите. Никто не умер. Это уже хорошие новости.

Олеся невольно прикрыла глаза. Один звук знакомого голоса сразу раскрыл внутри что-то домашнее. Очень опасное.

— Тогда что случилось?

— Ничего. И это меня тревожит.

— Мама...

— Не вздыхай так, будто я сейчас полезу мирить вас пирогом. Я уже поняла, что пирогам не справиться.

Олеся села на край кровати. В номере пахло стиральным порошком и чужим воздухом.

— Что вы хотите?

— Хочу, чтобы ты встретилась с ним.

Она сразу напряглась.

— Нет.

— Не спеши.

— Я не спешу. Нет.

Екатерина помолчала.

— Тогда хотя бы дослушай. Он не просил меня звонить. Наоборот. Если узнает, что я это сделала, будет смотреть как на предателя. Но! Я устала смотреть, как два умных человека делают вид, что по отдельности легче.

Олеся молчала.

— Это не примирение, — продолжила мать тише. — Не сцена разговора на коленях. Просто встреча. В кафе. Днем. На людях. Сможешь уйти в любую секунду.

Олеся зажмурилась. Встретиться. Не в доме. На нейтральной территории. Как бывшие. Люди, которым очень много есть что сказать. Но от слов теперь уже мало пользы.

— Зачем? — выдохнула она наконец.

Екатерина ответила не сразу.

— Потому что он изменился за эти дни сильнее, чем за последние годы. А ты имеешь право это увидеть. И решить потом сама, что с этим делать. И нужно ли оно тебе. Делать хоть что-нибудь.

Вот это уже было жестоко. Почти запрещено. Она не должна была хотеть увидеть после разрыва. Правды, которая переломала между ними первоначальную иллюзию. Но захотела.

— Когда? — спросила она очень тихо.

— Завтра. В четыре. В «Астре».

— Вы уверены, что он придет?

Екатерина усмехнулась почти печально.

— Он уже мысленно там сидит.

После звонка Олеся долго не двигалась. Потом встала. Подошла к окну. Гостиничный двор был скучным. Серым. Ничем не похожим на тот, где они стояли ночью между правдой и поцелуем. Поэтому решение и пришло так спокойно.

Она пойдет. Не ради надежды или второго шанса. Ради ясности.

На следующий день она работала до трех. Руки были заняты. Голова — нет. Клиентка жаловалась на мужа. Вторая — на свекровь. Третья просила «что-нибудь нежное, но чтоб видно было». Все это проходило мимо. Потому что каждые десять минут Олеся думала о четырех. Часах.

В «Астре» пахло кофе, ванилью и булочками с корицей. Маленькое кафе. С круглым столиком у окна, где обычно сидели женщины. После рынка обсуждали чужую жизнь, как важную часть местной экономики.

Она пришла на пять минут раньше. Специально. Чтобы успеть сесть первой. Чтобы не входить и не искать его взглядом с порога. Выбрала стол, сняла пальто. Заказала чай. Села. Положила сумку на соседний стул. Потом убрала и снова положила. Нервы вели себя хуже, чем в день их свадьбы. Просто унижительно.

Он вошел ровно в четыре. Без опоздания. Ну конечно.

Олеся почувствовала, что воздух в кафе изменился. Потом подняла глаза. И вот он. У двери. В темном пальто. Без той привычной служебной безупречности, которая всегда будто подчеркивала его собранность. Усталый. Более худой, чем был. И почему-то сразу более настоящий.

Он увидел ее. Остановился на секунду. Потом подошел.

— Привет.

— Привет.

Он не спросил, можно ли сесть. Просто подождал полсекунды. Она кивнула. Вот и все.

Никакой игры в бывшую близость. Только стол между ними. Чашка чая. Его руки на столешнице. И тишина, в которой оба слышали слишком много.

Подошла официантка. Федор заказал черный кофе. Без сахара. Олеся отметила это почти автоматически. Раньше он пил с одной ложкой. Значит, действительно спит плохо.

— Как работа? — спросил он.

Она подняла на него глаза. Вот так. Значит, начнем с нейтрального.

— Нормально.

— Много клиентов?

— Достаточно.

Он кивнул. Как будто и правда хотел знать.

— У тебя? — спросила она.

— Тоже достаточно.

— Это очень содержательно.

— Стараюсь.

И вот здесь что-то почти дрогнуло. Едва заметно. В уголке ее рта и его голосе. Оба услышали эту неловкую попытку шуток. Поняли, насколько отвыкли говорить друг с другом осторожно.

Кофе принесли быстро. Он взял чашку, но не сразу отпил. Смотрел на нее. Не пристально. Как человек, который долго хотел увидеть и теперь боится спугнуть взглядом.

Олеся чувствовала импульс кожей.

— Ты хотел что-то сказать? — спросила она.

— Да.

— Тогда говори.

Он поставил чашку. Очень аккуратно.

— Я нашел ниточку по Петрову.

Сердце у нее ухнуло вниз.

— Что именно?

— Не все. Но уже достаточно, чтобы понимать. Что он не исчез. У него была поддержка. Сейчас мы выходим на человека, через которого он может продержаться в Подмоскowie.

Она вцепилась пальцами в блюдо.

— «Мы»?

— Я, Андрей, еще один контакт.

— Старый?

— Да.

— Опасный?

— Да.

Олеся медленно вдохнула.

— Значит, ты все-таки влез туда, куда не хотел.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел прямо.

— Потому что иначе нельзя.

Очень удобно. И очень по-Фединому. Только теперь она уже слышала в таких ответах не только логику. Еще и цену.

— Ты рискуешь собой? — спросила она.

— Не драматизируй.

— Это не ответ.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Да.

Она опустила взгляд в чай. Горячий пар щекотал лицо.

Вот для этого, значит, он позвал ее? Или не он. Екатерина. Но согласился-то он. Чтобы сообщить новости. Не оставаться человеком, от которого она ушла.

И все равно это задевало. У них не получалось просто встретиться, как мужчина и женщина. Между ними всегда стояло что-то третье. Петров. Контракт. Анна. Прошное. Вина. Теперь вот еще и чьи-то старые опасные связи.

— Спасибо, — тихо поблагодарила.

Он чуть качнул головой.

— Не ради благодарности.

— Я знаю.

Тишина снова села между ними. Но уже не жесткая. Тоскующая. Как будто оба видели, сколько всего хочется сказать не про Петрова, а друг другу. И понимали, что пока нельзя.

Олеся отпила чай. Потом посмотрела в окно. За стеклом шли люди. Обычные. Женщина с авоськой. Мальчишка с самокатом. Старик в кепке. Мир не знал, что за одним из

столиков сидят два человека, которые однажды женились по расчету. Успели полюбить друг друга. А теперь разговаривают так, будто каждое слово нужно предварительно пропустить через фильтр.

— Ты плохо выглядишь, — вдруг сказал Федор.

Она повернулась.

— Очень галантно.

— Я не об этом.

— А о чем?

— Ты похудела.

Олеся не сразу нашлась с ответом. Потому что это было слишком в его манере. Не «ты красивая». Не «я скучал». Ты похудела. Как диагноз. Констатация. Тревога, которую он опять спрятал под фактом.

— А ты не спишь, — парировала она.

Он чуть усмехнулся.

— Это так заметно?

— Мне — да.

Фраза зависла в воздухе и уже не была нейтральной. Совсем. Федор отвел взгляд первым. На чашку, стол, на свои пальцы.

— Я не хотел, чтобы все закончилось так, — проговорил он не поднимая глаз.

— Но закончилось.

— Да.

— И ты меня не остановил.

Он поднял глаза. Болезненно честные.

— Потому что не имел права.

Олеся долго смотрела на него. Потом раздраженно сказала:

— Иногда я думаю, что ты слишком правильный. Даже в том, где лучше быть просто мужчиной.

Это был удар. Точный. Он принял его молча. Потом откинулась на спинку стула и спросила:

— Ты думал, что я буду ждать тебя?

Фраза вырвалась у нее раньше, чем успела ее удержать. И сразу стало ясно, вот она. Не придуманная. Федор замер. От неожиданности. Как прозвучало это «ждать». В нем было слишком много всего. Обида. Надежда. Злость на саму себя за эту надежду.

Олеся уже пожалела, что сказала. Слишком прямо и откровенно. Но было поздно.

Он наклонился вперед. Совсем немного. И произнес тихо:

— Я думал, ты забудешь, что мы когда-то были чужими.

Это была правда. Страшная, простая, почти невыносимая. Он не ждал, что она будет хранить себя для него. Он боялся другого. Что после всего пережитого она окончательно вычеркнет ту первую странную близость между ними, из-за которой вообще все случилось.

Олеся опустила глаза.

— А ты сам забыл? — спросила она еле слышно.

Он покачал головой.

— Нет.

Пауза.

— И не смогу.

Она сжала чашку крепче. Горячо. Больно. Хотя какая-то физическая ясность среди этого разговора.

— Я не знаю, что нам теперь делать, — ответила она честно.

— Я тоже.

Он умел быть честным без нажима. Не завоевывать, просто говорить правду. И оставлять ее лежать между ними. Они сидели еще долго. Говорили мало. Про работу и Екатерину. Про то, что Кирилл теперь слишком часто ходит мимо гостиницы, и уже выглядит почти комично. Про погоду. Кофе, который в «Астре» всегда чуть пережжен. Только не о главном. Когда она встала, он тоже поднялся.

— Я провожу, — сказал он.

— Нет.

Он не спорил. Только кивнул.

— Тогда я выйду через пять минут.

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что ты дошла до угла.

— Это ужасно.

— Да.

Она чуть качнула головой.

— Не меняешься.

— Меняюсь. Медленно.

Они вышли к дверям кафе вместе. На улице было холодно. Сыро. Небо низкое. Город жил своей обычной жизнью. Будто не знал, что у входа сейчас стоят двое, которым слишком мало простого «пока».

Олеся надела перчатки. Поправила воротник. Он смотрел. Не пристально. Но так, как смотрят только на человека, которого знают уже не умом. Гораздо глубже.

— До свидания, — сказала она.

— Пока, — ответил он.

Она пошла по улице не оглядываясь. До поворота. Только у витрины магазина остановилась, поправить сумку. Мельком увидела в отражении, что он все еще стоит у дверей кафе. Темный. Прямой. Невыносимо неподвижный.

Олеся пошла дальше.

На этот раз возвращаться в гостиницу было труднее. Потому что встреча ничего не решила. Сделала главное — доказала, что между ними все еще слишком много жизни, чтобы считать историю законченной.

В номере она долго не снимала пальто. Села на кровать. Положила руки на колени. И только тогда позволила себе выдохнуть. Он изменился. Не стал мягче или проще. Не перестал быть мужчиной, который все привык решать через действие. Но теперь в каждом его движении была не схема, а цена. Он платил. И это было видно.

Вот только платить за него она уже не хотела. По крайней мере, так она себе сказала. Несколько раз. Очень уверенно. Ночью заснуть не удалось. Она лежала лицом к стене, как раньше в его спальне.

Он любит. Ее. И не отказывается от этой любви даже после разрыва.

Глава 19. НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

После встречи в «Астре» стало еще труднее.

Олеся думала, что станет легче. Хотя как-то. Но вышло иначе. До кафе у нее была обида, очень удобная. Ее можно было носить как пальто. Застегнуть. Подтянуть ворот. И жить в ней. После кафе обида осталась, но к ней вернулось все остальное. Тоска. Желание верить. Страх верить. И это делало дни какими-то рваными.

Она работала. Слушала клиентов. Смеялась в нужных местах. Держала спину ровно. Вечерами возвращалась в гостиницу, пила чай из одноразового стакана и ненавидела занавески в мелкий бежевый цвет. Потому что они были не ее. Ничего вокруг не было ее. Ни подушка. Ни кружка. Ни ключ, который каждый раз заедал в замке. Нельзя было жить в таком временном пространстве долго. Тело начинало бунтовать.

Федор не писал. И в этом было уважение. И мука. Она сама не знала, чего хочет сильнее — чтобы он нарушил границу. Или чтобы продолжал держать ее так же честно. Иногда ей казалось, если он напишет хоть одно простое «как ты», она не выдержит. Иногда — если не напишет, она сойдет с ума от этой взрослой правильности.

На третий день после их встречи позвонила Екатерина.

— Только не говорите, что у вас опять сердце, — сразу сказала Олеся.

— Сердце у меня при мне. Зато с головой беда, — отозвалась мать Федора. — Я устала смотреть на этот цирк.

Олеся прикрыла глаза.

— Мама.

— Нет. Не вздыхай. Я не собираюсь вас мирить насильно. Я старая, но не сумасшедшая. Я просто хочу спросить. Ты приедешь сегодня вечером?

Олеся сразу напряглась.

— Куда?

— Домой.

Вот это слово она не ожидала услышать. Не так. Не от нее. После всего.

— Это уже не мой дом.

— Глупости. Не драматизируй. Я не о статусе. Я о месте, где ты жила, работала, злилась, молчала и не давала мне спокойно стареть.

Олеся встала с кровати и подошла к окну.

— Зачем?

— Потому что мне нужна помощь с платьем. У Ларисы юбилей, у внучки. А руки у меня дрожат. И вообще. Я хочу тебя видеть. Федю можешь не считать. Его сегодня не будет до девяти.

Ах вот как. Олеся прикусила губу. Это было почти нечестно. Слишком явно. И соблазнительно.

— Я не знаю.

— А ты не думай. Ты приезжай. Если потом захочешь уйти — уйдешь. Но не делай из гордости новую мебель.

После звонка она долго стояла у окна. Потом открыла чемодан. Закрнула. Снова открыла. Достала свитер, который брала в гостиницу «на пару дней». А в нем уже успели появиться привычные складки. Она поняла. Да, она поедет.

Не к нему. К Екатерине, веранде, собственной работе, которая осталась там. Дому, который еще недавно был временным. Теперь же почему-то стал единственным местом, где ей хватало воздуха.

К восьми она уже стояла у калитки Ветровых. Глупо. Как будто ей снова двадцать, а не двадцать шесть. И за плечами не толпится целый кладбищенский набор из брака, страха, побега. Фиктивного мужа, который оказался слишком настоящим. Двор встретил тишиной. Яблоня. Скамейка. Веранда. Желтый свет в кухонном окне. Все то же. И уже другое.

Екатерина открыла дверь до того, как Олеся успела постучать.

— Ну наконец-то, — ворчала она. — Проходи быстро, пока я не начала плакать. А ты не передумала.

Олеся не удержалась. Улыбнулась.

— Вы страшная женщина.

— Зато эффективная.

Дом ударил запахом ужина, тканями, теплом батарей и чем-то еще. Чего в гостинице не было ни за какие деньги. Присутствием жизни. Олеся сняла пальто и сразу почувствовала, как внутри что-то болезненно расслабилось.

Екатерина повела ее в гостиную, где на диване уже лежало темно-зеленое платье, коробка с нитками, утюг и блюдо с печеньем.

— Я не вру, — сказала она. — Платье правда надо подшить. Но это не главное.

— Я догадалась.

— Хорошо. Значит, ты не глупая.

Они сели рядом. Ткань шуршала под пальцами. Нитка не сразу попала в иглу.

— Ты на него все еще злишься? — спросила Екатерина.

Олеся не подняла головы.

— Да.

— А любишь?

Игла соскользнула. Она уколола палец.

— Больно, — буркнула она.

— Это не ответ.

— Это и есть ответ.

Екатерина вздохнула. Очень тихо.

— Федя тоже тебя любит.

— Я знаю.

— И ты не рада.

— Нет.

— Почему?

Олеся отложила ткань.

— Потому что он любит так, как будто все время готов умереть за это чувство. Но не всегда умеет просто жить в нем. А мне не нужен герой. Мне нужен человек. Муж.

Екатерина посмотрела очень внимательно. Потом кивнула.

— Это хорошая формулировка. Я ее потом украду.

Олеся фыркнула. И в эту секунду из прихожей послышался звук ключа в замке. Они обе замерли.

— Рано, — сказала Екатерина.

Вот и весь ее хитрый план. Жизнь, как всегда, решила добавить в него свою правку. Олеся резко встала.

— Я пойду.

— Нет, — так же резко ответила мать. — Хватит уже уходить.

В этот момент Федор вошел в комнату. Он увидел их сразу. Сначала мать. Потом платье. И Олесю. И остановился так резко, будто кто-то перед ним поднял стеклянную стену.

— Добрый вечер, — поздоровался очень спокойно.

— Не переигрывай, — отрезала Екатерина. — У меня от вас обоих уже нервная система в клочки. Садись.

Он не сразу двинулся. Потом подошел. Снял куртку. Положил на спинку стула. Остался стоять. Олеся заметила, что он выглядит еще хуже, чем в кафе. Не драматично. А как человек после запоя или болезни. Просто измотанно. Скулы резче. Глаза глубже. И в них появилось что-то новое. Не вежливая сдержанность. Жесткая усталость человека, который давно перестал спать и почти перестал притворяться.

— Я не знал, что ты придешь, — протянул он задумчиво.

— Я тоже, — ответила она.

Екатерина хлопнула ладонью по платью.

— Как хорошо. Тогда все честно. Садитесь оба и хватит делать вид, что вы в театре.

Федор сел в кресло. Олеся — обратно на диван. Между ними оказался столик с коробкой ниток. Очень символично. Нитки были. Связи — нет.

Екатерина еще пять минут мучила подол. Потом внезапно встала.

— Я чайник проверю.

— Мама, — простонал Федор обреченно.

— Что мама? У меня шов и правда кривой. Не мешайте мне жить.

И ушла.

Ну конечно.

Они остались вдвоем в гостиной, где все уже было заранее подстроено для разговора.

Олеся держала платье на коленях. Федор смотрел на коробку с нитками, будто там лежало решение его жизни.

— Как работа? — спросил он.

Она не выдержала и тихо рассмеялась.

— Ты серьезно?

— Нет. Просто не знал, с чего начать.

— Вот это уже честнее.

Он поднял глаза. И в них наконец мелькнуло что-то живое. Облегчение. Он тоже устал от своей правильной осторожности.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начну не с работы.

— Попробуй.

Он чуть подался вперед. Локти на коленях. Руки сцеплены.

— Я не хочу, чтобы мы дальше существовали в режиме «почти бывшие».

Она долго смотрела на него. Потом очень спокойно спросила:

— А чего ты хочешь?

Он не отвел взгляда.

— Я хочу перестать строить все на договоре, угрозе и своей привычке решать за двоих.

— Амбициозно.

— Да.

— И что, уже умеешь?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь?

Он усмехнулся. Виновато.

— Потому что на этот раз хочу сначала сказать, а потом делать.

Хорошее начало. Она не позволила себе растаять.

— Поздновато дошло, — усмехнулась Олеся.

— Да.

— Мне все еще больно.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Ты понимаешь масштаб. Но не боль.

Он выдержал паузу.

— Тогда скажи.

Олеся опустила глаза на платье. Провела пальцем по шву.

— Больно не только потому, что ты меня использовал в начале. Больно потому, что потом ты стал для меня настоящим раньше, чем я успела это заметить. И теперь я не могу просто взять и отделить одно от другого. У меня внутри все вместе. Твой расчет и твои руки. Твоя честность. И ложь. Все это невозможно разложить по полочкам. Упорядочить.

Федор молчал так долго, что она уже пожалела о своей откровенности. А потом он вздохнул:

— У меня тоже.

Олеся подняла глаза.

— Что?

— У меня тоже все вместе. Твой страх в поезде. Как ты вошла в дом. Работала на веранде. И смотрела на мать, когда пыталась не привязаться. Твой уход. Я тоже уже не могу раскладывать это на отдельные части.

Впервые за долгое время они оба перестали спорить, кто виноват больше. Просто признали: все уже слишком перемешано, чтобы искать чистые линии. Из кухни донесся звон крышки. Екатерина, кажется, гремела специально громче обычного. Очень деликатно. По-матерински.

— И что ты предлагаешь? — спросила Олеся.

Он посмотрел прямо.

— Строить заново.

— После всего?

— Только после всего.

Она покачала головой.

— Звучит красиво. Но пусто.

— Тогда и без красивых слов.

Он встал. Подошел к окну. Остановился. Спиной к ней. Но уже без старого жеста защиты. Человек, для которого легче говорить, когда не смотрят в лицо.

— Я не прошу тебя вернуться завтра. Прошу только одного. Не делать вид, что между нами уже ничего не существует.

Она чувствовала, как по коже пошла медленная дрожь. Не от страха. Он наконец говорил, как человек, понимающий цену потери.

— А если существует? — тихо спросила она.

Он повернулся.

— Тогда нам придется признать, что контракт больше не главное.

Вот это было ядро. Не «я тебя люблю», хотя это и так уже стояло между ними. Признание, что старый формат умер. Что нельзя больше прятаться за договором, правилами, ролями, одеялами и фиктивностью.

Олеся медленно встала. Она подошла на шаг.

— Тогда нужна новая конфигурация.

Фраза прозвучала почти сухо. Совсем в его духе. И именно поэтому она оказалась неожиданно точной. Не новая любовь и второй шанс.

Новая конфигурация.

Где нет фиктивного мужа, женщины-задачи, удобной схемы спасения. Есть два человека, которых уже слишком много связывает. И которые теперь либо начнут строить честно, либо окончательно разойдутся.

Олеся медленно вдохнула.

— А что в нее входит?

Он не улыбнулся. Но голос стал мягче.

— Твое право злиться. Мое право бояться и не делать вид, что я железный. Твое право не возвращаться сразу. Мое право быть рядом, если ты не против. И отсутствие договора как главного аргумента.

Она усмехнулась.

— Очень романтично.

— Я стараюсь.

— Ужасно выходит.

— Знаю.

Вот это уже было почти их прежнее. Но без прежней фальши.

Олеся подошла к окну. Встала рядом. За стеклом был их двор. Ее бывший кабинет на веранде. Яблоня. Дорожка. Все ожидающее. И это ощущалось почти физически.

— Я не хочу снова бояться быть с тобой, — пожаловалась она.

Он ответил не сразу.

— Я тоже не хочу, чтобы ты боялась.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Она повернулась к нему.

— Тогда слушай внимательно. Я не вернусь в этот дом как женщина по контракту. И не вернусь, если ты решишь, что можно любить меня только через контроль и подвиги.

Он кивнул.

— Принято.

— И еще.

— Что?

— Я не обещаю, что быстро перестану помнить то купе. И твой расчет.

На этот раз он не отвел глаз, не съежился. Не стал прятаться за вину.

— Не надо переставать помнить, — согласился он в полголоса. — Надо просто перестать позволять этому быть всем, что между нами есть.

Они стояли слишком близко. Уже не чужие. Еще не вместе. Состояние было почти невыносимым.

Из кухни вдруг раздался голос Екатерины:

— Если вы там уже создали новую жизнь, чай остынет!

Олеся фыркнула в ладонь. Федор тоже тихо выдохнул. И смешная материнская реплика окончательно сняла с момента лишний пафос.

Они вернулись на кухню. Чай был крепким. Пирог — яблочным. Екатерина сидела с видом женщины, которая ни за что не стан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.